Krasnyĭ arkhiv, istoricheskiĭ zhurnal... 947 K85

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р С Ф С Р

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ (ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ)
chetvertyĭ 29

1928

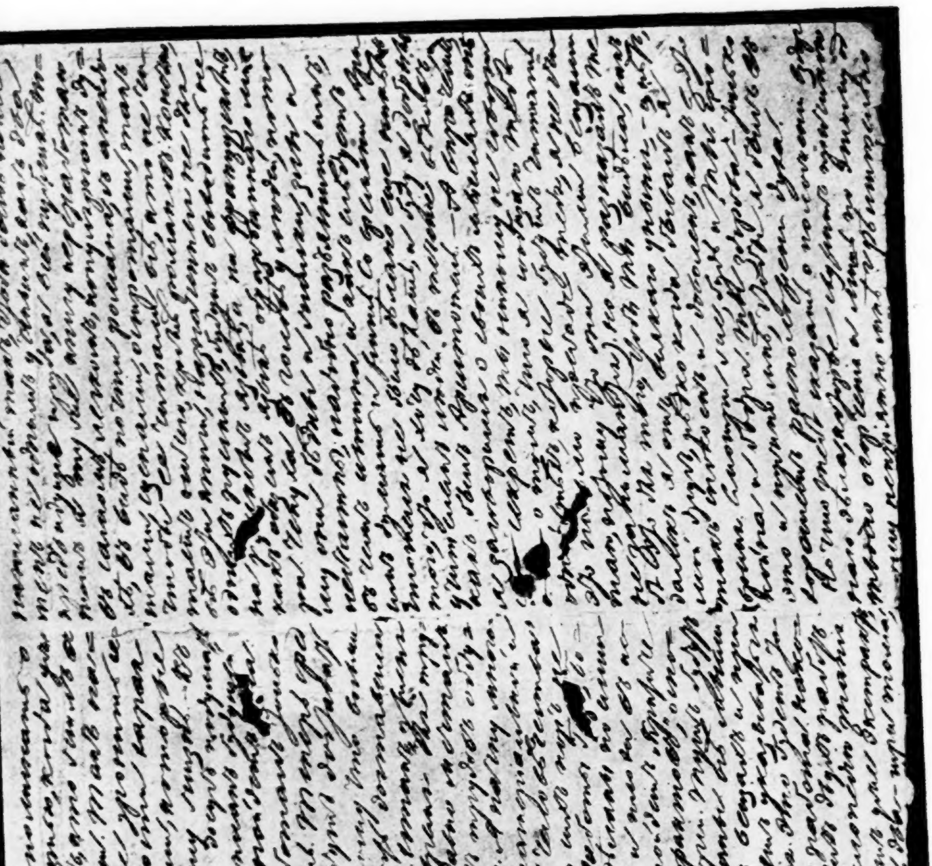
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГР. ГОСИЗДАТА.
МОСКВА, Пятницкая, 71.
Главл. А-17564. П. 12. Гиз 28425.
Заказ 1886. Тираж 1 750.

Lit.Emm. (Hist. list)
Harrass
5·11·29
19652

Н. Г. Чернышевский

(1828—1928)



I. 2 и 3 страницы письма Н. Г. Чернышевского к О. С. Чернышевской из Петропавловской крепости, 5 октября 1862 г.

Ваша Светлость,

Я обращаюсь к Вам, как человеку, в котором соединяются два качества, очень редкие между нашими правительственными лицами: здравый смысл и знание правительственных интересов. Моя судьба имеет некоторую важность для депутации правительства. Она поручена людям (Селепам следственной комиссии), двое из которых показали важность — тупость ума или отсутствие ума, или близорукость ума, — говорю прямо, потому что это мое глубокое убеждение не для печати. — Дело моей жизненной важности, и для депутации правительства не на последнее дело, что бы на мою судьбу обратили внимание человека, могущего дать судьбе о правительственных интересах, каким я знаю Вашу Светлость.

Заключение — очень суровое. Я могу указать средства, которыми правительство может исполнить их с честью для себя, нисколько не принимая вида, что делает эту уступку, — хотя, видя будто бы, что это узнало ошибку некоторых мелких чиновников, и как скоро узнало, благородно исправило ее.

Это объяснение гораздо удобнее было бы сделать устно, чтобы окончательно в разговоре, выяснить недоумения ее или другой стороны, которые могут быть устранены. Поэтому я прошу Вашу Светлость назначить мне, в какие часы Вы не имеете времени принять меня. Я буду у Вас в назначенный час. Но если Вы не имеете времени принять меня, я прошу у Вас разрешения написать к Вам, — но лично к Вам, и только к Вам — потому что, как я сказал, я только в Вашу власть, какая нужна государственному человеку для здравого понимания государственных интересов высшей правительственной инстанции.

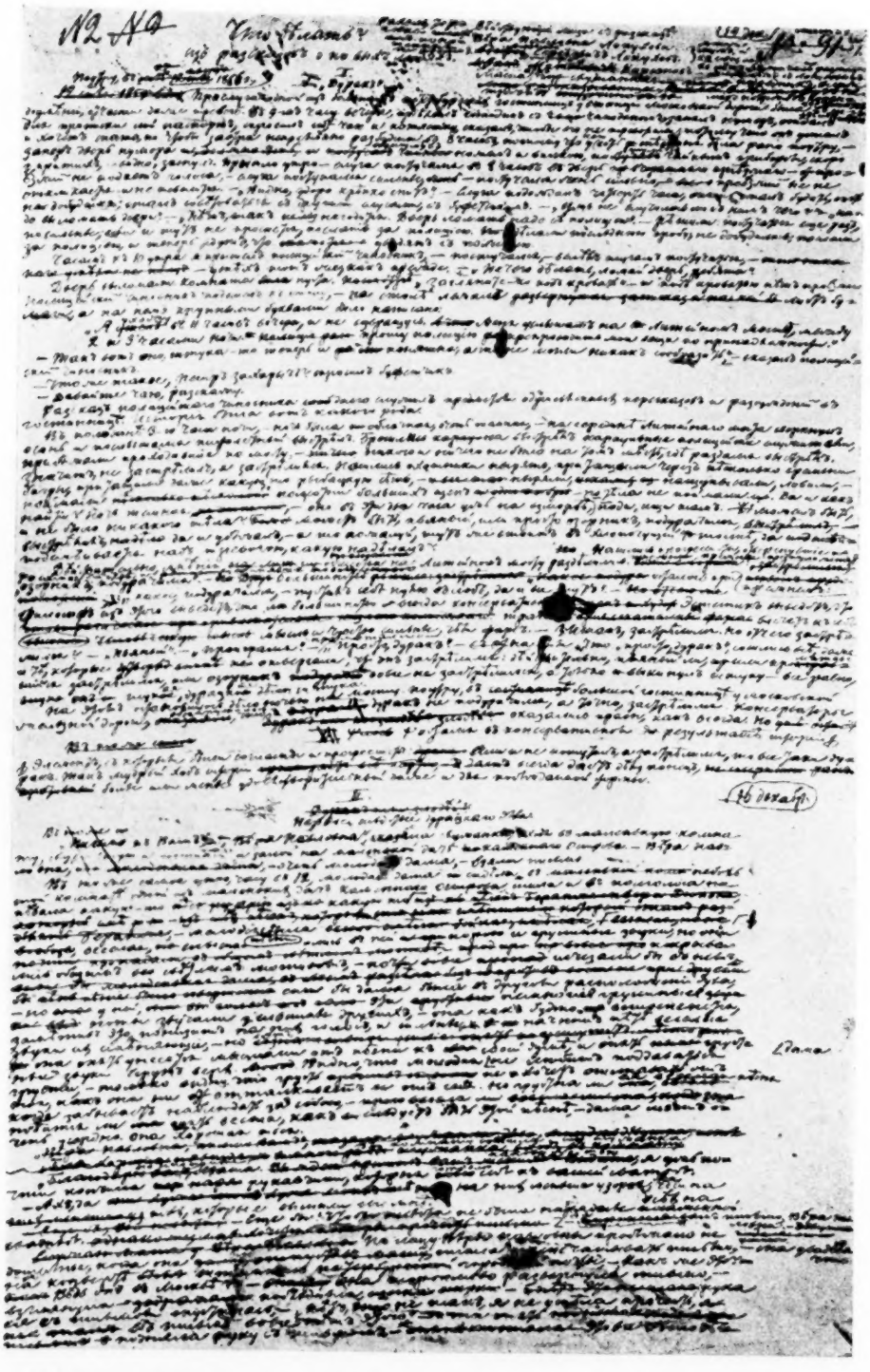
С истинным и уважением имею честь быть

Вашей Светлости

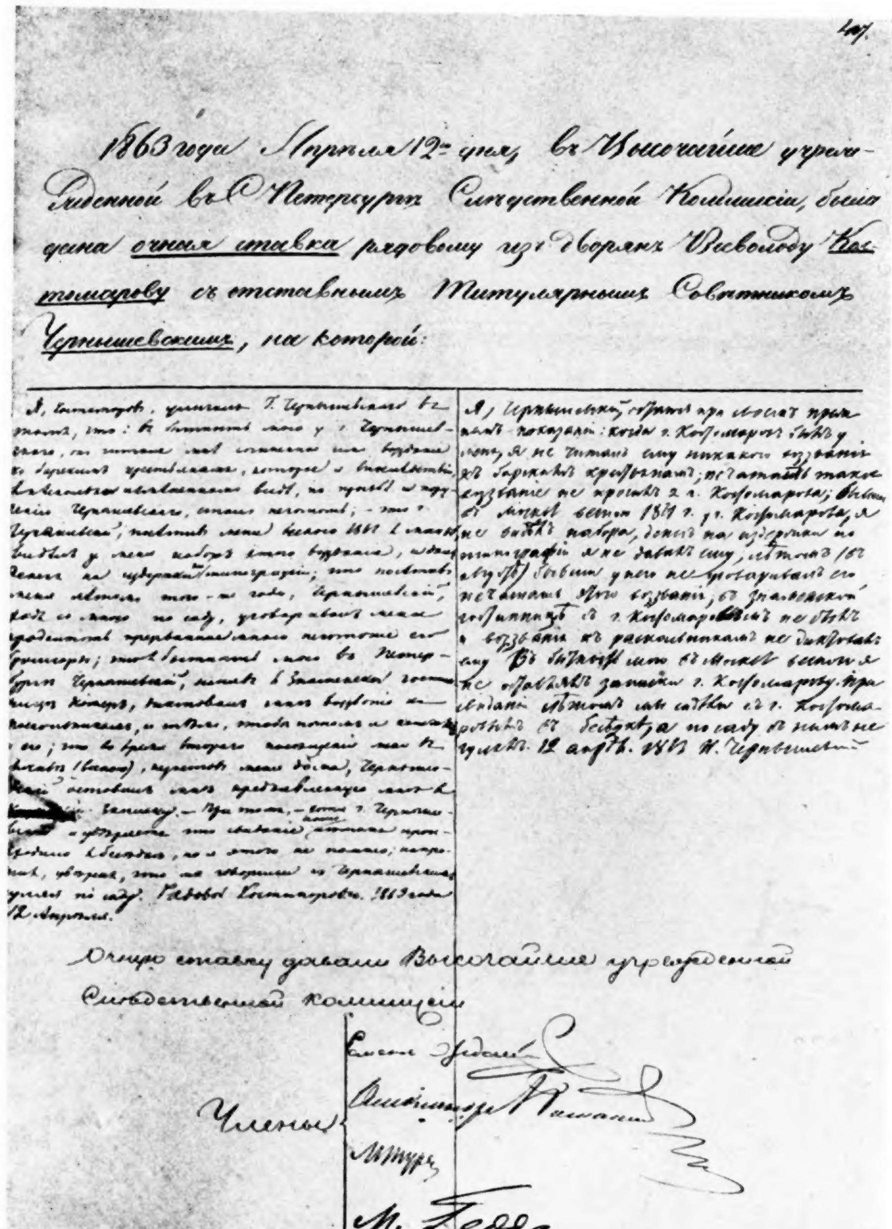
7 февр. 1863 покорнейший слуга

Н. Чернышевский.

II. Письмо Н. Г. Чернышевского петербургскому военному губернатору кн. А. А. Суворову 20 ноября 1862 г.



III. Первая страница черновой рукописи романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».



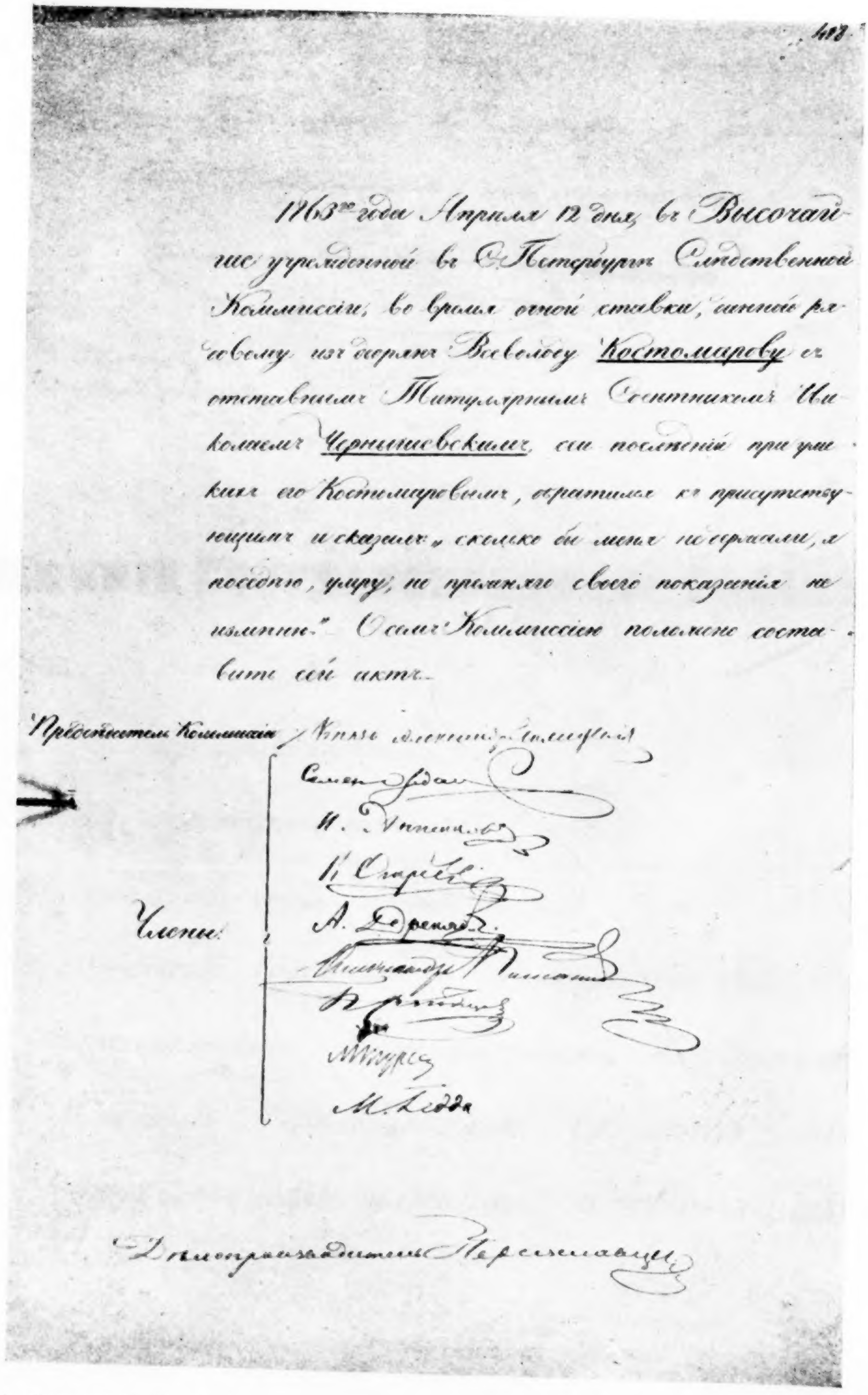
407.

1863 года Апреля 12 дня, в Высочайше учрежденной в С. Петербурге Следственной Комиссии, была дана очная ставка рядовому из дворян Всеволоду Костомарову с отставным Титулярным Советником Чернышевским, на которой:

Очную ставку давали Высочайше учрежденной Следственной Комиссии

Члены

IV. Протокол очной ставки Н. Г. Чернышевского с В. Д. Костомаровым 12 апреля 1863 г.



408

1863го года Апреля 12 дня, въ Высочайше учрежденной въ С. Петербургѣ Слѣдственной Коммиссіи, во время очной ставки, данной рядовому изъ дворянъ Всеволоду Костомарову съ отставнымъ Титулярнымъ Совѣтникомъ Николаемъ Чернышевскимъ, сей послѣдній при уличеніи его Костомаровымъ, обратился къ присутствующимъ и сказалъ: „сколько бы меня не держали, я посѣдѣю, умру, но прежняго своего показанія не измѣню." О семъ Коммиссіею положено составить сей актъ.

Предсѣдатель Коммиссіи: Князь Александръ Голицынъ

Члены:
Сенаторъ [illegible]
И. Анненковъ
К. Огаревъ
А. [illegible]
Александръ [illegible]
[illegible]
[illegible]
М. [illegible]

Дѣлопроизводитель [illegible]

V. Заявление Н. Г. Чернышевского на очной ставке с В. Д. Костомаровым 12 апреля 1863 г.

Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы былъ сокращенъ на половину

Въ С.Петербургѣ, 7го Апрѣля 1864 года

МНѢНІЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената 5го Департамента, объ отставномъ Титулярномъ Совѣтникѣ Николаѣ Чернышевскомъ (35 лѣтъ), признавъ его по уликамъ и обстоятель-

32.

VI. Первая страница «мнения» Государственного Совета с резолюцией Александра II 7 апреля 1864 г.

ПОЯСНЕНИЯ К СНИМКАМ.

I. Письмо это, полный текст которого см. в книге М. Лемке «Политические процессы в России 1860-х гг.», М., 1923, стр. 219—221, было задержано следственной комиссией. В прошении на высоч. имя, написанном 25 сентября 1863 г., по прочтении сенатской «записки», т.-е. обвинительного акта по его делу, Чернышевский писал:

«В дело введено мое письмо к жене. Несколько строк, в которых я тут называю себя Аристотелем, много раз повторяются потом в деле, как уличение меня собственными моими устами в непомерности самолюбия, и наведение тем на мысль, что человек с подобным самолюбием не может не быть врагом общественного порядка.

В числе моих слабостей есть гордость, — качество противоположное мелкому самолюбию, хотя бы и непомерному, — но, все-таки, качество, имеющее свои забавные стороны. Я люблю смеяться над своими слабостями. Все мои статьи, все мои письма к людям близким наполнены моим иронизированием над собой. Может быть, это также недостаток. Но до него нет дела уголовному следствию. Ирония не предмет XV тома свода законов. Между тем я нашел в деле факт, о котором говорю.

Но, нарушая границы между биографическим любопытством и юридическими обязанностями, не захотели даже принять серьезных средств к открытию истины, а сделано гораздо проще: дали юридический смысл ироническому отрывку.

Мое письмо к жене, приводимое в деле, состоит из двух частей: в одной я говорю о себе так, что посмеется над этой частью письма всякий, — и я смеялся, когда писал ее, — смеялся над собой, превеличивая до нелепости ту сторону моих ученых предположений, которая забегает в будущее, я излагаю план таких ученых работ, для исполнения которых нужно несколько сот лет работать день и ночь, — работ, которых не в состоянии исполнить никто на свете; в этой части письма я называю себя продолжателем Аристотеля. В другой половине письма о действительных делах я просто говорю моей жене, что она, по моему мнению, может лучше меня рассудить, потому что умнее меня. Ясно, что первая половина письма — мое иронизирование над самим собой. Но не умели или не могли обратить внимание на такой простой способ понять, в чем тут вся вещь».

II. Письмо это не было доставлено по назначению, а отправлено комендантом Петропавловской крепости г.-м. Сорокиным в III отделение. Кн. А. А. Суворов так его и не получил. 2 февраля 1863 г. он обратился к Сорокину с запросом по этому поводу.

Сорокин отвечал, что Алексеевский равелин с 3 июля 1826 г. состоит в ведении III отделения, что все письма арестованных в этом равелине всегда передавались секретно в III отделение и что «на том же основании было поступлено с письмом содержащегося в Алексеевском равелине Чернышевского, адресованным на имя вашей светлости».

Одновременно с письмом А. А. Суворову Чернышевский писал и Александру II, но безрезультатно. См. это письмо в журнале «Былое», 1922, № 18, стр. 49—51, в статье М. Н. Чернышевского «Пропавшие письма Н. Г. Чернышевского».

III. Н. Г. Чернышевский писал роман «Что делать?» в Петропавловской крепости с 14 декабря 1862 г. по 4 апреля 1863 г., сперва начерно, переписывая набело по частям. Постановлением следств. комиссии от 16 января 1863 г. просмотр этого произведения, а также разных рукописей, взятых при обыске квартиры Чернышевского, был поручен д. с. с. Каменскому, «с тем, чтобы по рассмотрении тех из них, в которых ничего подозрительного не окажется, передать с. с. Михаилу Салтыкову (действовавшему по доверенности Н. А. Некрасова) для напечатания, с соблюдением установленных законом правил для цензуры». С беловика, просмотренного Каменским, роман «Что делать?» и был напечатан в 3, 4 и 5 книжках «Современника» за 1863 г. Беловик этот не сохранился. Черновик, находящийся в настоящее время в Архиве Октябрьской Революции в Москве, представляет 58 перенумерованных полулистов обыкновенной писчей бумаги, без линеек, чрезвычайно густо исписанных с обеих сторон. На оборотной стороне полулиста № 36 имеется среди текста такая заметка, сделанная Чернышевским 23 января 1863 г.: «Отсюда начинаю писать сокращенно, как писаны все мои черновые, — это я делаю потому, что, надеюсь, комиссия уже достаточно знакома с моим характером, чтобы знать, что в моих бумагах не может быть ничего противозаконного. Притом же, ведь это черновая рукопись, которая переписывается набело без сокращения. Но если непременно захотелось бы прочесть эти черновые страницы романа, я готов прочесть их вслух (это легче) или дать ключ к сокращениям». Действительно, дальше черновик писан особой придуманной Чернышевским стенографической скорописью. Сличение с печатным текстом романа обнаруживает ряд разночтений. Некоторые — довольно значительные — отрывки, в черновике не зачеркнутые, в печатном тексте отсутствуют, что указывает на усердие цензуры и противоречит довольно распространенному мнению, будто цензура, получив рукопись, прошедшую через руки III отделения, пропустила ее для печатания без просмотра.

IV. О гнусной роли корнета В. Д. Костомарова в деле Чернышевского и о всем ходе этого дела см. М. Лемке, «Политические процессы», стр. 161—502, а также статью Ю. М. Стеклова «Решенный вопрос» («Красный Архив», 1927, т. VI, стр. 135—182).

VI. Вот полный текст «мнения»: «Государственный Совет, в департаменте гражданских и духовных дел, по рассмотрении определения Правительствующего Совета [?!], 5-го департамента, об отставном титулярном советнике Николае Чернышевском (35 лет), признав его, по уликам и обстоятельствам дела, виновным в сочинении возмутительного воззвания, передаче оного для тайного напечатания с целью распространения, и в принятии мер к ниспровержению существующего в России порядка управления, м н е н и е м п о л о ж и л: утвердить по настоящему делу заключение Правительствующего Сената и, вследствие сего, отставного титулярного советника Николая Чернышевского, на основании приведенных в том заключении узаконений, лишив всех прав состояния, сослать в каторжную работу в рудниках на четырнадцать лет, а затем поселить в Сибири навсегда. Председательствующий в Государственном Совете князь П а в е л Г а г а р и н». На этом «мнении» Александр II 7 апреля 1864 г. положил резолюцию: «Быть по сему, но с тем, чтобы срок каторжной работы был сокращен на половину».

Ставка и министерство иностранных дел.

Продолжение [1]).

Письмо Муравьева 7 июля (24 июня) 1916 г.

24 июня 1916 г.

Глубокоуважаемый

Сергей Дмитриевич.

Считаю долгом сообщить некоторые впечатления моего вчерашнего разговора с начальником штаба по румынскому вопросу, содержание которого я уже передал вашему высокопревосходительству по телеграфу [2]).

Генерал Алексеев исходит из того соображения, что участие в войне Румынии может иметь отрицательные или положительные последствия в зависимости от момента ее выступления. Географическое положение Румынии таково, что ей очень трудно сдерживать одновременно наступление австро-германцев и болгар, действующих с двух сторон. В случае такого наступления, будучи в союзе с румынами, нам пришлось бы защищать их, что заставило бы нас значительно удлинить наш фронт. Нам пришлось бы учитывать положение на Балканском полуострове, чего мы не делали даже в худшие его фазисы, благодаря нейтралитету Румынии. Ввиду этого во всякое время, когда возможны активные действия противника на юге, нейтралитет Румынии представляется для нас очень ценным.

В настоящее время однако налицо нет этой возможности. Положение совершенно иное. У противника нет свободных сил. Союзники всюду наступают. Болгары для Румынии не опасны, так как они сдерживаются салоникской армией. Германские войска, бывшие на Балканах, обнаружены против нас. При этих условиях устраняется вышеупомянутая опасность нападения на Румынию, и выдвигаются все выгоды ее выступления.

---

[1]) См. «Красный Архив», т. XXVIII, стр. 3—58.

[2]) Телеграммой на имя министра ин. дел от 23/VI 1916 г. за № 779.

В оценке последних генерал Алексеев особенно напирал на значение моральной стороны участия Румынии в войне. Тогда как, с военной точки зрения, по его мнению, помощь ее весьма мало существенна, с точки зрения впечатления, которое оно произведет на уже расшатанного противника, оно может иметь громадные последствия.

Впрочем, начальник штаба признает, что выступление Румынии сейчас имеет и стратегическое значение. Оно изменило бы план нашего наступления. «Я перенес бы всю тяжесть на юг», — сказал он мне. Кроме того большое значение получила бы и салоникская армия, которую при этих условиях возможно было бы двинуть в наступление. Таким образом для генерала Алексеева главное — это момент выступления Румынии, и этим объясняются его несколько категорические требования, к ней обращенные. В нем говорит, конечно, и чувство. Его, стоящего столько времени во главе армии, делающей героические усилия, естественно возмущает стремление румын использовать даром наши жертвы. «Если они хотят быть великими, — говорит он, — пусть сперва пройдут через горнило».

Я не знаю еще, что ответит начальник штаба по поводу вашей телеграммы о заявлении Братиано, так как увижу его только днем. Мне кажется, что доводы его должны убедить его в нежелательности слишком резко ставить вопрос о немедленном выступлении. Постараюсь в разговоре склонить его к такому взгляду.

Что касается различных подробностей, между прочим, оговорки о согласовании действий румын с требованиями нашего штаба, мне представляется, что, быть может, было бы возможно сохранить, вообще, эту оговорку в конвенции, но выставить ее отдельно, не приурочивая ее специально к пункту о территориальных приращениях Румынии. В таком виде, как общее положение о согласовании военных действий, она, вероятно, была бы приемлема для румын. Мне лично кажется, что оговорка эта не имеет большого значения как слишком общая формула.

Всякое обязательство в этом смысле можно обойти, противополагая одной стратегической задаче другую.

По польскому вопросу я имел с генералом Алексеевым лишь краткий разговор, причем он высказал мне, что ему трудно одному что-либо провести, и он возлагает надежды на свидание с вами 28 июня. Быть может, удастся вызвать обсуждение Советом Министров польских дел, хотя Совет созывается для рассмотрения вопроса о дезорганизации транспортных средств.

В. Муравьев.

Письмо Базили 5 сентября (23 августа) 1916 г.

Царская ставка. 23 августа 1916 г.

Весьма доверительно.

Милостивый государь

Анатолий Анатолиевич [1]).

По приезде в ставку я тотчас доложил начальнику штаба точку зрения министерства на вопрос о привлечении Болгарии на нашу сторону [2]). Я, прежде всего, представил ему все те веские соображения политического характера, по которым примирение наше с Болгарией может почитаться возможным лишь при условии удаления из этой страны Кобургов. При сем имею честь препроводить краткую заметку, которую я по сему предмету счел долгом передать начальнику штаба. Указав ему, что, по мнению наиболее компетентных лиц, пока Болгарии не нанесен будет серьезный удар или коренным образом не изменится общая обстановка, нет оснований рассчитывать на внутренний переворот в Болгарии и переход ее на нашу сторону с устранением Кобургской династии, я просил генерала Алексеева высказать свое мнение, считает ли он военные соображения, побуждающие нас желать привлечения Болгарии на нашу сторону, настолько настоятельными, чтобы ими оправдывались какие-либо с нашей стороны крупные политические жертвы и, в частности, согласие наше на оставление болгарского престола за Фердинандом и его династией. Начальник штаба поручил мне уведомить министерство, что военные соображения, на которые он указывал, не могут быть признаны настолько настоятельными, чтобы надлежало искать соглашения с Болгарией на условиях, с политической точки зрения слишком тяжелых. Если, поэтому, немедленный переход Болгарии на нашу сторону представляется пока недостижимым на условиях, для нас приемлемых, то, по его убеждению, необходимо безотлагательно подготавливать всеми средствами привлечение ее на нашу сторону к тому времени,

---

[1]) Настоящее письмо адресовано на имя тов. министра ин. дел А. А. Нератова. Необходимо отметить, что в телеграфной переписке с министерством имя Сазонова выпадает из числа корреспондентов 26/VI.

27/VI 1916 г. Сазонов выехал в ставку, куда на следующий день съехался Совет Министров в полном составе. В дипканцелярии при главнокомандующем обсуждались вопросы румынский и польский.

Передав, по возвращении в Петроград, государственному секретарю Крыжановскому повеление царя о выработке манифеста о будущем устроении Польши, Сазонов 2/VII 1916 г. выехал на двухнедельный отдых в Финляндию, где его и застал 10/VII рескрипт об увольнении от должности.

[2]) В течение рассматриваемого времени ген. Алексеев не раз возвращался к вопросу о желательности привлечения болгар на сторону союзников (см. телеграмму Нератова Базили 2/VIII 1916 г. № 3529). В телеграмме министру ин. дел от 9/VIII 1916 г. за № 917 Базили передает о беседе ген. Алексеева на ту же тему

когда оно явится совместимым с основаниями нашей внешней политики. При этом генерал Алексеев вновь отметил, что ни одна из борющихся сторон не приобрела пока такого перевеса, чтобы смогла нанести другой решительный удар, и нельзя рассчитывать, чтобы такое положение скоро наступило. Наступление на западном фронте ведется настолько медленно, что, примирившись с необходимостью шаг за шагом в течение месяцев отступать к границам Франции, немцы могут отвлечь с западного фронта достаточно сил, чтобы в нужную минуту поддержать австрийцев на восточном фронте и затем вновь перебросить свои войска на запад. При таких условиях борьба может затянуться. Эти соображения и заставляют генерала Алексеева искать нового фактэра, который изменил бы военную обстановку. Отпадение болгар от центральных империй, несомненно, сыграло бы роль такого фактора. К сожалению, мы лишены возможности достигнуть этого отправкой 200 000 армии в Добруджу, как предлагают англичане, желающие и в этом случае переложить тяжесть на нашу спину. Впрочем, если бы мы имели возможность выделить с западного фронта столько сил, генерал Алексеев направил бы их на Кавказ, чтобы развязаться с турецким сопротивлением с этой стороны. Это дало бы нам не меньшие результаты, с точки зрения ускорения конца войны, и вместе с тем позволило бы избегнуть все же нежелательного, по мнению начальника штаба, для будущих отношений наших на Балканах, создания пропасти между нами и болгарским народом. Затем начальник штаба остановился на всем значении, которое имеет привлечение Болгарии на нашу сторону до конца войны как с точки зрения разрешения наших задач на проливах, так и с точки зрения восстановления единения между славянами.

Я позволил себе заметить начальнику штаба, что высказанная им точка зрения на вопрос о привлечении Болгарии на нашу сторону позволит в полной мере согласовать наши политические интересы с указанными им военными соображениями. Я затем доложил ему, что министерством ныне же принимаются меры к обследованию в разных направлениях возможных путей сношения с болгарскими политическими кругами с тем, чтобы воспользоваться ими, как только

с ген. Жанен и о несочувственном отношении, какое встретили у французов мысли ген. Алексеева. Последний пришел, в связи с тем, к заключению о бесполезности дальнейших переговоров с союзниками на эту тему. «Дабы предупредить возможность дальнейших толков по этому предмету, — читаем в указанной телеграмме, — ген. Алексеев через генерала Жанен сообщит генералу Жоффру, что просит оставить его предположения без последствий. Однако вышеизложенное не меняет основного взгляда начальника штаба на желательность исчерпать все средства к привлечению Болгарии на нашу сторону. В этих видах он считает необходимым изыскать способы завязать непосредственные сношения с болгарскими политическими деятелями, но без какого бы то ни было чужого участия, хотя бы союзников. По этому поводу у начальника штаба состоялся с А. М. Петряевым обстоятельный обмен мнений, установивший полную согласованность возможных действий в этом направлении...»

явится возможность разрешить вопрос о переходе Болгарии на нашу сторону на допустимых для нас основаниях.

В изложенном смысле начальник штаба решил направить и деятельность полковника Татаринова. Соответствующие указания переданы будут ему колл. асс. Богоявленским и изложены в прилагаемом при сем в копии письме начальника штаба означенному офицеру.

Н. Базили.

Копия письма генерал-адъютанта Алексеева военному агенту в Румынии полковнику Татаринову от 23 августа 1916 г. № 1526 [1]).

Весьма доверительно.

В связи с выступлением Румынии [2]) было бы, с военной точки зрения, в высшей степени желательно привлечь Болгарию на нашу сторону. Присоединение ее к России и ее союзникам отрезало бы от центральных империй Турцию, положило бы скорый конец ее сопротивлению, позволило бы салоникской армии развить свое наступательное движение, в итоге облегчило бы нанесение решительного удара Австро-Германии и значительно бы [3]) длительность войны. Ввиду этих соображений вопрос о привлечении Болгарии на нашу сторону составил предмет обмена мнений между штабом верховного главнокомандующего и министерством иностранных дел. В результате этого обмена мнений выяснилось нижеследующее.

Военные соображения, по которым привлечение Болгарии на нашу сторону представляется желательным, не могут быть признаны настолько настоятельными, чтобы ими оправдывались какие-либо крупные с нашей стороны политические жертвы. С этой точки зрения должно определяться наше отношение к возможным условиям соглашения нашего с Болгарией и, прежде всего, к основному из этих условий — удалению Кобургов из пределов этой страны. Немедленный поворот Болгарии в нашу сторону на приемлемых для нас условиях, повидимому, весьма мало вероятен. Ввиду этого задачей нашей на первое время должна явиться подготовка этого поворота. В этих целях как министерством иностранных дел, так и штабом признано необходимым безотлагательно приступить к обследованию возможных путей для завязания сношений с болгарскими политическими кругами. Работа эта должна будет производиться со всей возможной осторожностью, так как всякое обнаружение нашей готовности сговориться с болгарами непременно будет истолковано как признак

---

[1]) Заголовок подлинника. Настоящая копия письма приложена к письму Базили от 5 сентября (23 августа) 1916 г.

[2]) Согласно ст. 1 военной конвенции, заключенной в Бухаресте 4/VIII 1916 г. ст. ст., Румыния обязалась выступить не позднее 15/VIII 1916 г. 15/VIII 1916 г. ст. ст. Румыния объявила войну Австро-Венгрии.

[3]) В подлиннике, повидимому, пропущено слово.

нашей слабости, затруднит самое соглашение с ними и создаст нам ряд осложнений, — в частности, с сербами. С другой стороны, представляется существенным, насколько возможно, наладить сношения наши с болгарами без посредства третьих держав, которые несомненно стали бы искать в своей причастности к этому делу извлечения выгод для себя во вред нам.

Одним из наиболее удобных пунктов для организации указанной работы является в настоящее время Румыния. Ввиду этого, по соглашению с министерством иностранных дел, решено возложить на вас обязанность изыскать возможные средства для установления сношений с болгарскими политическими кругами, причем вам надлежит будет руководствоваться вышеизложенными соображениями. Для облегчения вам этой задачи к вам на помощь командируется бывший вице-консул в Филиппополе колл. асс. С. Г. Богоявленский. Второй чиновник от министерства иностранных дел командирован будет в распоряжение командующего войсками нашими в Добрудже [1]). Обо всем, касающемся Болгарии, означенным чинам поручено доносить в министерство иностранных дел и представлять вам копии своих донесений для доставления в штаб верховного главнокомандующего по дипломатической канцелярии.

Записка Базили по вопросу о привлечении Болгарии на сторону России, переданная ген. Алексееву [2]).

Соглашение с Фердинандом влечет за собой серьезнейшие политические невыгоды; затем сомнительно, чтобы оно привело к тем результатам, которые приводятся в пользу такого соглашения; наконец, мало вероятно, что Фердинанд пойдет на те условия, на которых мы, в крайнем случае, могли бы с ним согласиться.

Неблагоприятные и даже опасные политические последствия соглашения нашего с Фердинандом следующие:

Соглашение с Фердинандом решительно умалит наш престиж среди балканских народов, славян и, в частности, сербов: оно понято будет как доказательство нашей слабости. Одно обнаружение нашего намерения пойти на такое соглашение будет истолковано в этом смысле болгарами и Фердинандом и вызовет чрезвычайную требовательность со стороны их; оно явится продолжением нашей пагубной политики всепрощения и поощрением и в будущем не считаться с нами.

---

[1]) Согласно ст. 3 заключенной 4/VIII в Бухаресте военной конвенции Россия обязалась во время мобилизации румынской армии послать в Добруджу две пехотных дивизии и одну кавалерийскую. Командующим русскими войсками, посланными в район Добруджи, был назначен ген. Зайончковский.

[2]) Приложена к письму Базили от 5 сентября (23 августа) 1916 г.

Предоставление Болгарии широких территориальных приращений и создание сильной Болгарии не отвечают нашим интересам. Наша будущая балканская политика должна иметь целью недопущение на Балканах чужого и вредного нам влияния, с одной стороны, и, с другой стороны, предотвращение образования на полуострове слишком сильных государств, которые стремились бы к гегемонии на Балканах. В особенности это относится к Болгарии, лежащей вблизи проливов. Стремясь завладеть проливами, мы должны создать обстановку, которая обеспечила бы прочность нашего владения ими. Психология болгарского народа не позволяет основывать наши расчеты на верности его отношений к нам и заставляет опасаться, что и в будущем она может стать орудием в руках наших врагов.

Эта ненадежность в отношении к нам Болгарии в будущем еще значительно усугубляется в случае сохранения власти в руках Фердинанда.

Сомнения в полезности соглашения с Фердинандом основаны на следующем:

Соглашением с Фердинандом надеются отрезать Турцию от центральных империй, способствовать продвижению на север салоникской армии и обеспечить завладение наше проливами. Искренне сотрудничать с нами Фердинанд, конечно, не будет. Если представится возможность вновь нам изменить, он не преминет это сделать. Он будет искать всяких способов помешать осуществлению наших видов на проливы. Он сможет бросить болгарскую армию в тыл сербской и салоникской армии. Очевидно поэтому, что, если говорить о соглашении с Фердинандом, то оно может мыслиться лишь при условии полного обращения Болгарии против наших врагов.

Тут возникают сомнения относительно того, пойдет ли Фердинанд, при настоящих условиях, и даже вообще, на такой решительный разрыв с нашими врагами. Если бы он пошел на это, то лишь в том случае, если положение его будет отчаянным, и тогда — зачем нам с ним связываться? Вступить же в переговоры с Фердинандом, которые не привели бы к результатам, значит без выгоды себя скомпрометировать и обнаружить свою слабость.

Наконец, остается еще неизвестным, удастся ли избегнуть осложнений с сербами, если болгары предъявят значительные требования в Македонии; из нашей же готовности мириться с Фердинандом они не преминут сделать вывод, что могут от нас потребовать самых широких приращений в Македонии.

Письмо Базили 11 сентября (29 августа) 1916 г.

Ставка. 29 августа 1916 г.

Глубокоуважаемый
Анатолий Анатолиевич.

Из посланной вчера за подписью начальника штаба телеграммы вы изволите усмотреть его отношение к вопросу о посылке новых войск наших в Добруджу [1]). По этому поводу генерал Алексеев мне определенно говорил: «Если я пошлю значительные силы в Добруджу, то я должен буду отказаться от наступательных операций в Галиции, а ведь война будет решаться на нашем западном фронте; если я ослаблю на нем наше положение, немцы могут сделаться на нем хозяевами». Он считает, что румыны должны справиться с положением на южном их фронте. Теперь в Добрудже четыре дивизии — две наших и две румынские, кроме кавалерии — обороняют линию Ольтина—Мангалия, приблизительно в 35 верстах впереди железной дороги на Констанцу. Против этих сил пока три дивизии; румыны уверяют, что еще две болгарские дивизии — в пути с салоникского фронта. На южных путях к Бухаресту происходит сосредоточение еще трех румынских дивизий. Трудно предположить, чтобы болгары предприняли операцию перехода через Дунай. Сама по себе такая операция — очень рискована, к тому же русско-румынская армия в Добрудже, занимая по отношению к такому движению фланговое положение, явилась бы слишком серьезной угрозой для подобной операции. Нельзя быть уверенным, что в Добрудже не придется отступить. Начальник штаба по этому поводу сказал мне, что эта возможность не заставит его послать туда значительных подкреплений: если нужно будет, отойдем до Дуная. Я отметил политически неблагоприятные последствия неудач наших войск против болгар. Генерал Алексеев возразил мне на это: «Что же делать, сначала соображения чисто военные, а потом уже политика». По всему видно, что он не хочет дать себя втянуть в балканский поход, пока не наступит для этого время в связи с положением на главном театре войны.

---

[1]) В телеграмме Извольского от 28/VIII 1916 г. за № 641 сообщалось о той тревоге, какая охватила французские правительственные круги в связи с неудачами румынской армии на Дунае и заминкой в наступлении салоникской армии. Опасались, что германцы с помощью болгар нанесут румынам решительный удар с целью помешать открытию на Балканах сообщения между Россией и ее союзниками. Еще ранее телеграммою от 26/VIII 1916 г. за № 3900 Штюрмер уведомлял ген. Алексеева о сделанном ему французским и английским послами представлении по поводу необходимости возможно более широкого развития русскими войсками самостоятельных военных операций на Балканском полуострове, прежде всего, с целью соединения русских и союзных войск и открытия южного пути на Салоники, что, в свою очередь, дало бы возможность союзникам доставить для русской армии уже заказанные тяжелые орудия. В своей телеграмме министру ин. дел от 28/VIII 1916 г. за № 993 ген. Алексеев решительно возражал против настояний союзников «еще на 500 верст растянуть наш фронт, отправить 150—

Понесенные румынами в Туртукае потери нужно [1]) одну дивизию. Кроме того румыны лишились значительного количества орудий и другого имущества. Они, повидимому, не были достаточно осведомлены о движениях противника и защищались без достаточной стойкости. Генерал Коанда [2]) в очень, впрочем, деликатной форме, указывает, что румыны надеялись раньше войти в соприкосновение с войсками генерала Зайончковского, которые, якобы, на два дня запоздали. Затем они в свое оправдание ссылаются на то, что болгары имели в своем распоряжении перед Туртукаем германские тяжелые орудия (около 35), которые, под прикрытием болгарского наступления у Салоник, были заблаговременно сняты с македонского фронта. Румыны очень пеняют на бездействие генерала Саррайля. Здесь оно также вызывает неудовольствие.

Мне казалось, что в связи с неуспехами румын мы могли бы, не вызывая с их стороны неудовольствия, наложить руку на управление их армией, под видом посылки туда авторитетной военной миссии. Румыны сами, повидимому, сознают свою военную неподготовленность. Так, например, как только в Добрудже начались неудачи, они немедленно подчинили все войска в этой области командованию генерала Зайончковского. Генерал Алексеев, которому я высказал эту мысль, поведал мне, что сам думал об этом и что румыны, действительно, нуждаются в хороших военных советах. При теперешнем положении влияние в военных делах оказывают французы. Депре [3]) — друг Илиеско, сам Братиано прислушивается мнения [4]) своих французских товарищей по парижской политехнической школе. Поэтому, если бы у него в распоряжении был хороший и авторитетный с боевым опытом генерал, начальник штаба отправил бы его в Румынию. Но, к сожалению, нет людей. Конечно, о посылке миссии, которая имела бы своих представителей в отдельных частях и открыто вмешивалась бы в румынские военные дела, — как, например, французы руководят английскими войсками во Франции, — речи быть не может: щепетильность румын этого бы не позволила. Расширение влияния нашего

---

200 000 войск на Балканы и взвалить на свои [русские] плечи тяжесть новой операции». Указывая на то, что операция эта повлечет за собой ослабление важнейших участков русского фронта, он писал: «Чуждое чисто военных соображений, предложение союзников прикрывается их стремлением к нашему благу: мы откроем путь, по которому повезут нам тяжелую артиллерию... Жаль, что союзники упустили летние месяцы для доставки нам артиллерии, а, дождавшись зимы, предлагают нам же заводить себе путь хотя бы ценой катастрофы на австро-германском фронте... Единственным ответом союзникам признавал бы предложение усилить салоникскую их армию, примерно, на три дивизии от каждой союзной армии, что обеспечит серьезно Румынию с юга и даст возможность нам завершить с общею пользою для всего союза нашу операцию против австро-германцев...»

[1]) В подлиннике, очевидно, пропуск; на полях поставлен знак вопроса.

[2]) Ген. Коанда — представитель румынской армии при штабе верховного главнокомандующего.

[3]) Французский военный агент в Румынии.

[4]) Так в подлиннике.

командования на румынскую армию имеет и отрицательные стороны, по мнению генерала Алексеева: нам пришлось бы в более, чем теперь, значительной степени приходить на помощь румынам во всевозможных отношениях.

Начальник штаба предполагает, как он при мне говорил великому князю Сергею Михайловичу, возбудить вопрос о том, чтобы завести правильный счет за все, что мы уступаем Румынии, и выяснить вопрос о возвращении нам стоимости всего, ей уступаемого. По этому поводу он снесется с военным министром.

Н. Базили.

Письмо Базили 17 (4) сентября 1916 г.

Ставка. 4 сентября 1916 г.

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

Спешу сообщить вам последние известия о положении дел на добруджском фронте. Русско-румынским войскам в течение последних дней пришлось отступить на линию Рассово — Тузла, т.-е. на линию, отстоящую лишь верст на 15 от железной дороги на Констанцу. Войска эти находятся под общим командованием генерала Зайончковского. У него имеется семь дивизий; из них пять — румынских, одна — русская и одна — сербская. В подкрепление Зайончковскому отправлена еще одна русская дивизия — 115-я, к сожалению, по качеству не очень важная. Дивизия эта еще в пути. Обещана еще одна дивизия. Против Зайончковского действуют четыре болгарских дивизии и разные германские части. Численное превосходство, несомненно, на стороне румыно-русских войск. Нужно еще заметить, что румынские дивизии насчитывают до 19 000 штыков, а болгарские только около 12 000. В обоих случаях приведены максимальные цифры. К сожалению, стойкость румынских войск оказалась еще ниже, чем можно было предполагать. Татаринов сильно на это жалуется. Благодаря этому, нужно опасаться, что Зайончковскому может не удасться удержать линию Рассово—Тузла. В предвидении этого принимаются меры на случай необходимости эвакуировать Констанцу. Пока, впрочем, генерал Алексеев еще не дал указаний командующему Черноморским флотом приступить к самой эвакуации этого порта. Фронт Рассово—Тузла обнимает ряд укрепленных позиций, приготовленных еще до выступления Румынии. Длина его всего 60 верст.

Ввиду неустойчивого положения в Добрудже, здесь раздаются голоса, обвиняющие генерала Алексеева в недостаточно внимательном отношении к угрозе с этой стороны. Указывают, что немцы сделают все возможное, чтобы раздавить Румынию и пробить себе дорогу через нее в южную Россию, и что, ради достижения этого, они откажутся от противодействия французскому наступлению, пока оно еще не угрожает их собственным пределам. Голоса эти требуют скорейшего

отправления в Румынию, по крайней мере, двух корпусов, а не маленьких «пакетов» войск; в противном случае они считают весьма вероятным, что германо-болгары попытаются перейти Дунай и нанести Румынии удар в сердце. По этому мнению, следует взять войска с Кавказа, если, действительно, ничего нельзя снять с западного фронта.

Начальник штаба пока не сходит с своей первоначальной точки зрения. Можно быть уверенным, что он имеет к тому веские основания. Сегодня вечером рассчитываю с ним об этом беседовать. Об услышанном доложу вам послезавтра в Петрограде, куда собираюсь проехать завтра.

Н. Базили.

Письмо Базили 18 (5) сентября 1916 г.

Ставка. 5 сентября 1916 г.

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

Полученные вчера и сегодня от генерала Зайончковского сведения рисуют положение в Добрудже в лучшем свете. Благодаря усилиям наших войск, ему удалось вновь перейти в наступление. Констанце ближайшим образом более опасности не угрожает. Туда должна завтра прибыть одна бригада 115-й дивизии, другая бригада идет на Рени, откуда будет отправлена по Дунаю. Третьего дня предполагалось и первую бригаду отправить на Рени. Получение наших сведений позволило отменить распоряжение об отправлении ее сухим путем и вернуться к решению перевезти ее морем.

Н. Базили.

Письмо Базили 18 (5) сентября 1916 г.

Весьма секретно. *Ставка. 5 сентября 1916 г.*

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

Я воспользовался продолжительной беседой с генералом Алексеевым, чтобы осведомиться об его отношении к предположениям, изложенным в телеграмме императорского посла в Париже от 31 августа с. г. за № 650 [1]), и, в особенности, к известию, будто Германия подготавливает мощный удар против Румынии.

[1]) В секретной телеграмме Извольского от 31/VIII 1916 г. за № 650 сообщалось, что во французских правительственных кругах «попрежнему продолжают господствовать опасения по поводу возможных намерений Германии приложить все усилия к тому, чтобы вывести Румынию из строя. Относясь попрежнему с особенной заботой к военным операциям в Добрудже и открытию между Россией и ее союзниками пути через Болгарию и Румынию, французское правительство не теряет надежды на то, что Россия пошлет туда две дополнительные русские диви-

Прежде всего начальник штаба отметил, что, если бы немцы действительно решились перебросить с западного фронта войска для операций против Румынии, то на это потребовалось бы не менее месяца. Затем, путем сокращения фронта на западе, немцам вряд ли удалось бы освободить более трехсот тысяч человек. Сделав эти предварительные замечания, генерал Алексеев подчеркнул значение вновь предпринятого нами наступления на южном фронте. С 3 сентября начались бои на протяжении 500 верст от румынской границы до Пинских болот. Главный удар наш развивается на два направления — Галич и Владимир-Волынский. Если нам удастся добиться успеха на втором направлении, противнику придется очистить Ковель, что явится для него весьма чувствительным. В случае же удачи в направлении на Галич, в наших руках может оказаться Львов. Угроза на этих путях для противника настолько опасна, и австрийская армия настолько расшатана, что немцы посылают теперь на наш южный фронт все силы, которые они могут освободить. С 22 мая, т.-е. начала нашего наступления в Галиции, против армий генерала Брусилова прибавилось 26 германских дивизий. Если у нас на южном фронте и были неудачи, то все же нельзя отрицать, что, в конечном результате, перевес все последнее время оставался на нашей стороне. Поэтому, генерал Алексеев уверен, что, если немцам тем или иным путем удалось бы освободить значительные силы, они прежде всего направили бы их против генерала Брусилова, чтобы восстановить на фронте его равновесие сил. Если, однако,— прибавил начальник штаба, — «наше наступление захлебнется», то тогда немцы действительно получат возможность отправить освободившиеся силы против Румынии. Возможность эту нужно учитывать, надо предусматривать на этот случай соответствующие меры, но нет оснований изменять ныне же наше распределение сил. Напротив того, приложением чрезвычайных усилий в Галиции мы отвращаем возможность для противника предпринять какое-либо решительное действие против новых наших союзников.

Перейдя затем к известию, будто немцы собираются отступить на западном фронте, начальник штаба прежде всего заметил, что «не может проникнуть в голову Гинденбурга» и, поэтому, не может отрицать возможности такого плана. К упомянутому известию, по мнению генерала Алексеева, пока нужно отнестись с недоверием. В течение настоящей войны немцы уже не раз распускали ложные сведения о своих намерениях. Затем сомнительно, чтобы немцы решились на такую меру. С самого начала войны они неизменно, с большим упорством, на всех фронтах цепляются за каждый кусочек отвоеванной ими территории. На нашем фронте они значительно улучшили бы свое положение, если бы отступили на линию Немана. У них остался бы

зии. Чтобы облегчить русскому правительству эту посылку, ген. Жоффр, с своей стороны, готов отказаться от обещанных ему четырех русских бригад, прибывшую сюда третью русскую бригаду перебросить в Салоники и потребовать от ген. Сарайля энергичного нас уплення».

еще достаточно глубокий тыл до собственной территории, они приблизились бы к своим базам, к прекрасно оборудованной ими сети восточно-прусских железных дорог, приобрели бы большую подвижность, значительно сократили бы длину своего фронта. Наш фронт, конечно, тоже сократился бы, но в остальных отношениях наше положение, по сравнению с положением немцев, стало бы на новых линиях более неблагоприятным, чем на занимаемых теперь. Особенно в первое время нам сильно давала бы себя чувствовать слабость наших перевозочных средств по сравнению с немецкими. У немцев были бы оборудованные позиции, нам пришлось бы все создавать. Отойдя на линию Немана, немцы освободили бы до 200 000 человек. Они не перестали бы владеть Польшей, удержанием которой они дорожат. Однако, несмотря на все это, немцы продолжают упорно держаться на занимаемом у нас фронте. Если они не могут решиться на восточном фронте сравнительно незначительно приблизить свой фронт к своим пределам, то сомнительно, чтобы они без крайней необходимости отступили на западном фронте почти к своей границе. Если англо-французы распространятся до линии Маас—Брюссель—Антверпен, о которой теперь так много говорят, то в опасности окажется прирейнский промышленный район, т.-е. та именно область, которая производит все необходимое для ведения Германией войны. Все эти соображения нужно, по словам генерала Алексеева, иметь в виду при оценке слухов о готовящемся будто бы отступлении немцев на западном фронте, но совершенно отрицать этой возможности нельзя. Это, несомненно, был бы способ возвратить германской армии активность, утраченную благодаря оскудению людского запаса.

Н. Базили.

Письмо Бера 22 (9) сентября 1916 г. [1]).

Царская ставка. 9 сентября 1916 г.

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

Считаю долгом довести до вашего сведения мысли, высказанные генералом Алексеевым по поводу телеграммы посла в Париже от 5 сентября с. г., № 664 [2]), касательно посылки наших войск в Добруджу.

[1]) Н. Бер — был назначен вице-директором дипломатической канцелярии при штабе верх. главнокомандующего с 4/IX 1916 г. приказом от 16/IX 1916 г.

[2]) В секретной телеграмме от 5/IX 1916 г. за № 664 Извольский передавал сказанное Брианом в разговоре с ним по поводу требовавшейся Жоффром посылки русским командованием двух дополнительных дивизий в Добруджу: «Не знаю, — были слова Бриана, — в достаточной ли степени отдают себе у вас отчет в первостепенной важности, придаваемой Германией своим восточным планам и сохранению своих сообщений с Константинополем. Неудача на балканском фронте нанесет Германии смертельный удар и сразу откроет России путь в Константинополь. Я уверен, что, ради достижения этой цели, генерал Алексеев найдет возможным спешно послать в Добруджу необходимые силы».

Начальник штаба горько жаловался на постоянное вмешательство союзников в вопросы нашего командования и на непрошенные советы, которые ими щедро даются в связи с военными операциями. Он оставляет за собой право оценки относительной важности различных театров войны. Нами делается все возможное, чтобы притти на помощь румынам, и что [1]) следует помнить и длину наших фронтов и тяжелые жертвы, которые несет русская армия. Переброска в данное время больших сил на юг неблагоприятно отразилась бы на других местах фронта и позволила бы нашим врагам угрожать нам на севере и в центре нашей линии. При этом начальник штаба отметил непоследовательность в указаниях Бриана. Придавая первенствующее значение балканскому театру, наши союзники, равно французы и англичане, сами очень вяло относились к вопросу наступления салоникской армии и медлили усилением войск генерала Саррайля. «А для них балканский театр так же важен в политическом отношении, как и для нас, и, может быть, даже больше»,—сказал мне ген. Алексеев.

Положение в Добрудже, впрочем, сейчас улучшилось, и румынам, с нашей помощью, удается удержать натиск врага. Начальник румынской военной миссии сознался мне, что румынские войска в Добрудже состояли, главным образом, из запасных, были, вообще, хуже посланных в Трансильванию и недостаточно снабжены артиллерией.

На нашем фронте всюду идут упорные бои, причем всюду почин военных действий принадлежит нам. Теперь особенно важно для нас не останавливаться и не выпускать инициативы из наших рук. Не надо забывать, что приближается зима, когда наступление в широких размерах уже невозможно. Надо пользоваться остающимся временем, и, мне кажется, нежелание ген. Алексеева еще усиливать нашу армию в Добрудже надо именно объяснить необходимостью для него иметь нужные силы на фронте нашего наступления.

Н. Бер.

Письмо Базили 26 (13) сентября 1916 г.

Ставка. 13 сентября 1916 г.

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

Как я вам докладывал, войска генерала Зайончковского, остановив продвижение болгар в Добрудже, несколько оттеснили их. В настоящее время обе стороны держатся на занимаемых ими позициях к югу от железной дороги на Констанцу. Обе стороны располагают теперь приблизительно одинаковым количеством сил, и на добруджском театре установилось временное равновесие.

[1]) Так в подлиннике.

Румынских дивизий в настоящее время на этом театре находится четыре: 2-я, 5-я, 9-я и 19-я. Затем имеется одна сербская дивизия: 1-я. Наших дивизий пока в Добрудже находится две: 61-я, посланная туда при выступлении Румынии, и 115-я, перевезенная туда на-днях. Кроме того через неделю в Добруджу должна прибыть 3-я стрелковая дивизия, превосходная по качеству.

Сверх того, решено отправить в Добруджу еще либо 107-ю дивизию, либо морскую бригаду, а также развернутый в полк гвардейский экипаж; части эти будут на месте не ранее начала октября.

Таким образом в настоящее время количество действующих в Добрудже русско-румынских войск достигает семи дивизий. Так как наши и румынские дивизии насчитывают, примерно, 18 000 штыков, то общее число последних составляет около 126 000 штыков, вся же численность русско-румынской армии достигает 180 000 человек. Когда же в Добруджу прибудут намеченные к посылке туда части, с нашей стороны там будет около 153 000 штыков или же всего около 230 000 человек.

Со стороны противника в настоящее время на добруджском фронте обнаружено 5 болгарских дивизий, одна германская дивизия, одна турецкая дивизия и один турецкий полк, — итого 7 с небольшим дивизий. Считая эти дивизии по 12 000 штыков, получается итог в 87 000 штыков или, примерно, 130 000 человек всего.

Как я вам докладывал, моряки усиленно настаивают на необходимости удержания Констанцы даже в случае, если бы русско-румынским войскам пришлось отойти из Добруджи. При недостаточности наших сухопутных средств сообщения с Балканским полуостровом чрезвычайно важно сохранить возможность перебрасывать туда войска морским путем. Ввиду этого нами ныне спешно предпринята организация сухопутной обороны Констанцы. В случае занятия неприятелем Добруджи, порт этот должен будет сыграть, в меньшем, конечно, масштабе, как бы роль Салоник.

На галицийском фронте нам пока все не удается одолеть сопротивление германцев. Упорные бои у Галича и Владимира-Волынского продолжаются. Борьба не прекращается на всем протяжении южного фронта. Мы уже понесли значительные потери. Хотя собранные нами на южном фронте силы не менее двух раз превосходят численность неприятельских, уверенность в успехе нашего наступления, повидимому, уменьшается.

Обстоятельство это, конечно, еще более увеличивает значение в будущем румынского фронта. В Трансильвании продвижение румын остановилось. К востоку от Темешвара их даже несколько потеснили; в этом районе неприятель собрал около трех дивизий, из коих одна германская.

Н. Базили.

Письмо Базили 28 (15) сентября 1916 г.

Ставка. 15 сентября 1916 г.

Доверительно.

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

Как я имел случай вам докладывать, я в свое время затронул в беседе с генералом Алексеевым вопрос о посылке японского отряда в Салоники. Я тогда указывал начальнику штаба, что привлечение японских войск в помощь союзным войскам на европейских театрах сопряжено с нежелательными в политическом отношении последствиями, но что, если появление японских войск на балканском театре может оказать действительное влияние на ход войны, быть может, надлежало бы рассмотреть этот вопрос. Общесоюзный характер салоникской армии, казалось бы, дает основание просить японцев о введении в ее состав и японского отряда. Более тесное приобщение Японии к державам Согласия, закрепленное заключением союза с нами, могло бы также оправдать такое к ней обращение [1]). Последнее возможно, конечно, лишь от лица всех держав Согласия и, прежде всего, Англии и Франции, ближайшим образом руководящих салоникской операцией, а не от имени одной России.

Генерал Алексеев отнесся в свое время к этой мысли мало сочувственно [2]). Ныне же, под влиянием создавшейся с выступлением Румынии обстановки, он к ней возвратился и сказал мне, что при ближайшем случае намерен обратить на нее внимание французской и английской главных квартир. Усиление салоникской армии хотя бы одним японским корпусом могло бы дать этой армии все еще недостающий ей перевес над противником и оказать, таким образом, серьезное влияние на события. Доставка же одного корпуса из Японии потребует не более 45 дней. Начальник штаба уверен, что, если японцы согласились бы послать войска в Европу, они, несомненно, постарались бы показать себя с самой выгодной стороны.

Н. Базили.

---

[1]) К конвенции о незаключении сепаратного мира от 23/VIII (5/IX) 1914 г. Япония присоединилась 6 (19) октября 1915 г.

Русско-японское политическое соглашение было подписано в Петрограде 20/VI (3/VII) 1916 г.

[2]) В телеграмме на имя министра ин. дел от 15/IX 1916 г. за № 1010 Базили сообщал: «На мой вопрос, представляется ли желательным воспользоваться предстоящими беседами с принцем Кан-Ином в Петрограде для выражения каких-либо просьб об оказании нам Японией услуг военного характера, начальник штаба ответил, что в настоящее время таких пожеланий не имеется».

Письмо Базили 29 (16) сентября 1916 г.

Ставка. 16 сентября 1916 г.

Весьма секретно.

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

В беседе со мной генерал Алексеев поделился своими видами на будущее и, в частности, по вопросу о возможности немецкого наступления против Румынии. По тому же предмету я говорил с представителем французской армии генералом Жанен. Спешу вкратце изложить вам высказанные ими мысли.

В письме моем от 5 сентября я уже имел случай изложить вам мнение генерала Алексеева по поводу слухов о том, будто немцы намереваются отступить на западном фронте. Начальник штаба чрез генерала Жанен осведомился о взглядах генерала Жоффра на этот вопрос. Точно так же, как и генерал Алексеев, главнокомандующий французскими армиями сомневается, чтобы немцы «proprio motu» [1]) отошли на западном фронте, но не отрицает, однако, этой возможности. Оставление неприятелем занимаемого им фронта и переход его на новый фронт является операцией, весьма трудно выполнимой при условии давления непрерывно наступающих англо-французских войск. Если бы однако немцам удалось благополучно перейти на линию Антверпен—Брюссель—Намюр-Маас, нельзя отрицать, что они этим значительно сократили бы свой фронт и, кроме участка Брюссель—Намюр, получили бы очень хорошие оборонительные позиции. При таком изменении фронта они, несомненно, могли бы освободить тысяч 300 комбатантов. Но с этой операцией сопряжено приближение неприятеля к самой границе Германии и, притом, к наиболее нужным ей в военном отношении областям — прирейнскому промышленному району. На это немцы, очевидно, могут решиться лишь под давлением весьма сильных мотивов. Если немцы поставлены в необходимость во что бы то ни стало добиться где-нибудь быстрого успеха и для этого готовы пренебречь другими соображениями, быть может, они, действительно, решатся на такую героическую меру. Быть может, они будут искать немедленного результата, — хотя бы ценой рискованного шага, — в расчете, что результат этот позволит им использовать общее утомление войной и прекратит ее на более или менее сносных для нее условиях. С другой стороны, трудно предположить, чтобы гадательный разгром Румынии мог явиться для германского правительства моральным результатом, могущим в глазах германского общественного мнения окупить отступление из Франции. В вопросе этом переплетается столько соображений и, притом, не чисто военного, а общего морального характера, что генерал Жоффр, подобно гене-

[1]) «По собственному побуждению».

ралу Алексееву, затрудняется высказать определенный взгляд на то, какое решение можно ожидать от Гинденбурга. Если бы немцы отошли на новый фронт, генерал Жоффр будет неукоснительно продолжать широкие наступательные операции и дал [1]) в этом смысле самые положительные заверения генералу Алексееву.

Как я вам писал, если бы немцы решились, ради приобретения активности, пожертвовать территорией, они могли бы с меньшими для себя неудобствами отойти на нашем северном фронте и обороняться на линии Дубиссы и Немана. И теперь на нашем северном фронте неприятельских войск не особенно много. Фронт по Неману немного лишь короче ныне занимаемого. Очень большой экономии сил отход на линию Немана не дал бы нашему противнику, но все же тысяч 200 он таким путем мог бы очистить, тем более, что нам на устройство новых позиций и тыла потребовалось бы не меньше месяца и что вскоре на северном фронте, вследствие наступления дурной погоды, операции станут чрезвычайно затруднительными.

Относясь с сомнением к тому, чтобы немцы решились добровольно отойти с занимаемых фронтов, начальник штаба считает вполне возможным, что немцы используют осенние и зимние месяцы, чтобы снять некоторые силы с нашего фронта и попытаться перенести борьбу на румынский фронт. Численность войск, которые немцам удастся собрать таким путем, не может оказаться очень значительной, особенно, если нам удастся завершить предпринятые теперь на южном фронте операции нанесением удара противнику. По мнению генерала Жанен, немцам не удастся перебросить таким образом с нашего фронта на румынский более шести дивизий. Начальник штаба допускает, что такой план может дать немцам известные успехи на юге в течение зимы, но уверен, что мы все же с ними справимся и остановим их наступление. Если немцы уведут войска с нашего фронта на румынский, у нас освободятся войска, и мы их перевезем на юг. Затем нельзя упускать из виду, что осенью и, особенно, зимой наступательные операции чрез Карпатские горы становятся чрезвычайно трудными.

Дальнейший ход кампании выяснится, по словам генерала Алексеева, в начале октября. Наше наступление на галицийском фронте будет продолжаться до самого конца сентября. Если пока не достигнуто результатов, то это еще не дает основания терять надежды на успех. Помимо значения, которое наступление генерала Брусилова имеет в других отношениях, укрепление положения нашего в Галиции имеет влияние и на румынский театр войны. Если немцы предпримут попытку наступления из Трансильвании, они, вероятно, сосредоточатся в районе Германштадта, чтобы ударить на Бухарест или на Фокшаны. Такому движению наша армия могла бы помешать, заняв по отношению к нему фланговое положение. Овладение нами линией Быстрица—Мармарош создало бы такое положение. Уже в на-

[1]) Так в подлиннике.

стоящее время мы усиливаем наше давление на южный склон Карпат у левого крыла армий генерала Брусилова. Если обнаружится сосредоточение противника в Трансильвании, по словам начальника штаба, можно будет ответить на него продвижением в указанном направлении. Выяснится все это уже в начале октября, так как для обеих сторон наступательные операции в Карпатах, ввиду времени года, представятся вскоре все более затруднительными. Таким образом, сосредоточение главных наших сил на фронте генерала Брусилова, у которого, по сравнению с действующими против него войсками, более, чем двойное, превосходство сил, является, по словам начальника штаба, наиболее действительным способом в случае необходимости парировать удар противника на южном направлении [1]).

О положении дел в Добрудже я вам писал на-днях. Могу лишь прибавить, что, для облегчения посылки нами войск на болгарский фронт, генерал Жоффр отказался от отправки на французский фронт трех бригад, имевших быть перевезенными во Францию в течение октября и ноября.

На салоникском фронте численность союзных войск со времени прибытия последних итальянских и русских контингентов превышает 400 000 человек. По мнению генерала Жанен, болгары лишены возможности снять с македонского фронта даже незначительное количество войск. В развитие наступательных операций союзников на этом фронте генерал Алексеев мало верит. Генерал Жанен допускает возможность продвижения левого крыла генерала Саррайля. О смене последнего больше не говорят.

Наступление на западном фронте имеется в виду продолжать без перерыва всю зиму. Причиняемые им немцам потери, повидимому, очень значительны. Это также заставляет сомневаться, чтобы немцы могли предпринять какую-либо новую операцию в большом масштабе. На-днях здесь получены будут предположительные данные о понесенных немцами на Сомме потерях. Не премину вам их сообщить.

Н. Базили.

Письмо Базили 12 октября (29 сентября) 1916 г.

Ставка. 29 сентября 1916 г.

Строго секретно.

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

27-го сего сентября в ставку прибыли из Бухареста румынский посланник г. Диаманди, адъютант румынского короля полковник Ангелеско и полковник Татаринов. В тот же день лица эти удостоились высочайшего приема. На следующий день г. Диаманди принят был

[1]) На прилагаемой карте воспроизведен схематический набросок, которым генерал Алексеев пояснил свою мысль. *(Примечание в подлиннике.)*

в моем присутствии начальником штаба, после чего выехал в Петроград. Вслед за этим начальник штаба беседовал с полковником Ангелеско.

Привезенные полковником Татариновым, а также полученные здесь за последние дни известия с румынского фронта указывают на несомненное ухудшение положения в районе Кронштадта. Австро-германцы сильно нажимают в этой местности на армию генерала Авереско, который с трудом против них держится. По уверению румын, некоторые их дивизии потеряли до половины своего состава. Положение это чрезвычайно действует на впечатлительных румын, и из Бухареста в ставку непрерывно поступают просьбы о присылке русских войск.

В беседе со мной г. Диаманди прежде всего обрисовал неблагоприятное военное положение, в котором ныне оказалась Румыния. Он отметил, что причиной этому является как недостаточная активность салоникской армии, так и некоторые ошибки, допущенные румынским командованием. Он признался, что болгарскому фронту не было уделено достаточно внимания. Затем г. Диаманди жаловался на недостаточную подготовленность румынской армии. Виною этому, по словам его, является главным образом то обстоятельство, что нынешние союзники Румынии отказывали ей в предметах военного снабжения до самого времени ее выступления. Я возразил на это г. Диаманди, что румынское правительство до самой последней минуты избегало давать нынешним своим союзникам уверенность в скором ее выступлении на их стороне и что оно поэтому должно пенять на себя, если война застала ее недостаточно подготовленной. Затем г. Диаманди подчеркнул невыгодную в оборонительном отношении конфигурацию румынского фронта. Австро-германцы имеют возможность перебрасывать в Трансильвании войска по внутренним коммуникационным линиям, румыны же вынуждены расположить свои войска узким кордоном по фронту в 1 800 километров. Неблагоприятно еще то обстоятельство, что в самом опасном для румын пункте, в районе Кронштадта, Карпаты ниже и удобопроходимее, чем на север и на запад от этого района. Наконец, размеры страны и форма ее границ придают особую чувствительность ударам противника. «Я желал бы, чтобы у вас отдали себе отчет, что как расстояние, так и время измеряются у нас по необходимости несравненно меньшей шкалою, чем у вас; нам некуда отступать, и поэтому, именно, наши просьбы о содействии носят такой настойчивый характер». Бухарест находится в 60 верстах от болгарского и от трансильванского фронтов. Постоянные налеты аэропланов и цеппелинов сильно действуют на настроение столицы; ими до сего времени убито в Бухаресте свыше тысячи человек. Перенесение главной румынской квартиры и местопребывания правительства в другое место поставило бы руководство армией и страной в более спокойные условия. По словам Диаманди, мера эта будет, вероятно, в скором времени принята. Вследствие всего изло-

женного Братиано проявляет за последнее время немалую нервность, чего Диаманди не отрицает. Этого однако, по словам посланника, не надо слишком ставить в вину Братиано, и необходимо считаться с тем, что этот государственный деятель принял на себя всю ответственность за выступление его страны. Диаманди показывал мне полученную им в ставке телеграмму от Братиано, в которой он самым настойчивым образом просит о присылке русских подкреплений, указывает на невозможность дальнейшего сопротивления, если Россия не придет на помощь Румынии, и говорит о предполагаемом образовании в Румынии «национального министерства». По объяснению Диаманди, это означало бы привлечение в состав министерства Таке Ионеско [1]) и, может быть, еще некоторых других деятелей.

Затем Диаманди сообщил мне, что ему поручено просить о скорейшей присылке трех корпусов на северный фронт румынской армии, что позволило бы румынскому верховному командованию перевести оттуда несколько дивизий для обороны других частей фронта. «Мы были бы очень опечалены, если бы в этом обращении, — прибавил Диаманди, — у вас усмотрели стремление румын «загребать жар чужими руками»; мы думаем, что в борьбе с общим врагом нельзя больше отличать румынского фронта от русского, и надеемся, что верховное русское командование будет сообразовываться не с буквой конвенции, а с изменяющимся фактическим положением».

Изложенное Диаманди повторил при мне начальнику штаба.

Отвечая румынскому посланнику, начальник штаба прежде всего отметил необходимость спокойного отношения к военным событиям. Каждую задачу нужно спокойно разрешать одну после другой, по мере развития событий; в этом, — по словам генерала Алексеева, — заключается первейшая обязанность военного командования. Не нужно преувеличивать угрожающую Румынии опасность. На-днях Братиано передал в ставку известие о готовящемся, будто бы, сосредоточении против Румынии австро-германской армии в 500—600 тысяч человек. О подобной угрозе не может быть и речи. Такая армия состояла бы не менее, чем из 60 дивизий. Между тем у немцев число всех дивизий не превышает 200. Наступление на Сомме не позволяет германцам снять сколько-нибудь значительные силы с их западного фронта. Генерал Жоффр и Хэйг [2]) уверили нас в твердом своем намерении безостановочно продолжать выполняемое ими наступление. Непрекращающаяся энергичная деятельность нашей армии не дает немцам возможности ослабить свои силы и на нашем фронте; для этого необходимо было бы, чтобы мы «заснули», а этого, — с твердостью заметил генерал Алексеев, — не будет. По мнению начальника штаба,

---

[1]) Таке Ионеско — румынский политический деятель, в рассматриваемое время примыкал к консервативной партии, сторонник союзнической ориентации.

[2]) Ген. Хэйг — генерал английской службы, сменивший лорда Китченера на посту военного министра после гибели последнего на пути в Россию в июне 1916 г.

приходится считаться со следующими цифрами. Болгары располагают 350 тысячами, из коих только малая часть не прикреплена к салоникскому фронту. Турки могут выделить в помощь своим союзникам до 50 тысяч человек. По сведениям генерала Алексеева, германских батальонов против румын выставлено от 27 до 33, австрийских же до 45. Таким образом в настоящее время в Трансильвании действует около 70—80 тысяч австро-германских войск. Нужно, действительно, ожидать, что немцы примут все меры для усиления действующих против Румынии войск, но более 80, в крайнем случае, 100 тысяч человек они в Трансильванию послать, сверх уже находящихся там войск, лишены возможности. Отвлечением большего количества войск на румынский фронт германцы подвергали бы опасности жизненные для них направления. Австро-германцы, очевидно, будут сосредоточиваться для действий против румын в районе Кронштадта (Брассо). Для перевозки туда войск они располагают лишь тремя железными дорогами. Если предположить, что немцы будут направлять по каждой из этих линий ежедневно даже 10 воинских поездов, то они перевезут в день не более 10 батальонов с соответствующей артиллерией. Все это приводит к убеждению о невозможности для противника собрать в Трансильвании армию, которой он мог бы наводнить Румынию в короткий срок. Опасения румын должны быть признаны значительно преувеличенными. Они не должны забывать, что у них имеется 316 батальонов, потери же румын не превышают 60 тысяч человек. Ту же цифру называет и Диаманди, но отмечает, что цифра эта чрезвычайно велика как по сравнению с периодом, к которому она относится — всего 40 дней, — так и в отношении к количеству населения Румынии.

Перейдя затем к обсуждению положения на румынском театре, генерал Алексеев отметил, что наиболее выгодной для противника операцией явилось бы овладение линией от Кронштадта на юго-восток к Дунаю, чем отрезана была бы часть румынской армии, и вся Валахия с Бухарестом попала бы в руки противника. Направление это должно защищаться румынской армией наиболее энергичным образом, как с севера, со стороны Трансильвании, так и с юга, со стороны Дуная и Добруджи. Раз в настоящее время создалась опасность продвижения противника к юго-востоку от Кронштадта, необходимо все свободные силы противопоставить этому движению и поручить командование ими наиболее способным генералам. Генерал Алексеев особенно настаивал на том, чтобы румыны проявили должное упорство в сопротивлении на кронштадтском направлении. Упорство румынам необходимо проявить особенно в течение двух-трех недель. К концу этого периода положение должно будет улучшиться вследствие принимаемых нами мер. Тут начальник штаба остановился на необходимости внушить румынским государственным деятелям и генералам, что никакая операция перевозки войск не может быть выполнена в меньший срок, чем дозволяет известная совокупность обстоятельств, совершенно не зависящих от воли военачальника. Он связан арифметическими законами.

Нельзя, поэтому, предъявлять требования перевезти войска в известный срок, не считаясь с тем, что технически возможно. Затем начальник штаба просил Диаманди заверить румынское правительство, что нами будет сделано все возможное для облегчения положения румынской армии. В настоящее время уже началась перевозка двух корпусов (из армии генерала Брусилова), имеющих занять место правого фланга румынской армии, т.-е. правое крыло армии генерала Презана. Головные эшелоны этих корпусов прибудут на места 3 октября, а последние 10—11 дней спустя. Один из этих корпусов будет перевезен через Унгены — Яссы, другой через Черновицы—Ицканы—Сучава. Корпуса эти должны будут с юга обойти Дорнаватрские проходы и облегчить операции генерала Лечицкого. Три корпуса под начальством последнего уже 2 октября должны будут начать наступление. Таким образом предположено произвести комбинированное продвижение на гор. Быстрицу. Операции эти оттянут силы противника и облегчат положение румын на кронштадтском направлении. Вместе с тем они позволят перевезти туда часть войск армии генерала Презана. Помимо этого, генерал Алексеев ныне же изыскивает способы поддержать армию генерала Авереско, защищающую центральную Румынию. Пользуясь тем, что в Добрудже операции приостановились, начальник штаба предполагает перевести две русских дивизии генерала Зайончковского в район Галац—Фокшаны, откуда они, в случае необходимости, могут быть переброшены в армию генерала Авереско. В настоящее время предприняты сношения с генералом Зайончковским для выяснения, осуществимо ли такое предположение. Затем, в распоряжение генерала Зайончковского посылаются 12 тяжелых орудий из Москвы. В случае надобности, орудия эти могут быть использованы в армии генерала Авереско. Наконец, начальник штаба изучает в настоящее время вопрос о посылке новой группы русских войск в район Галаца, но еще не может сказать на этот счет ничего окончательного.

Генерал Алексеев остановился затем на распределении румынских войск и указал на полную возможность временного усиления армии генерала Авереско двумя дивизиями из других частей фронта, и, в частности, из западной Валахии. «Делайте то же самое, что делают ваши противники, перевозите войска хотя бы на неделю в нужное место, вместо того, чтобы оставлять их неиспользованными или мало использованными на второстепенных пунктах». Всего у румын 22 дивизии: 3 — на молдавском фронте у генерала Презана, 6 — у генерала Авереско, 5 — в западной Валахии, 2 — прикрывают Бухарест с юга и 6 — в Добрудже. По словам генерала Алексеева, не вызвавшим возражения со стороны румын, против генералов Презана и Авереско действуют не более семи дивизий; в районе Германштадта (Сибиу) остался только один карпатский корпус, равный одной дивизии, да на западной границе Румынии небольшое число неприятельских батальонов. Что австро-германцы располагают в Трансильвании лишь очень ограниченным количеством сил, подтверждается еще тем обстоя-

тельством, что та же самая неприятельская дивизия, которая недавно теснила румын в районе Германштадта теперь появилась у Кронштадта.

Отвечая на замечание Диаманди, что румыны просят о присылке не двух, а трех дивизий, начальник штаба высказал пожелание, чтобы к нему отнеслись с полным доверием. Румыны сами просят рассматривать их фронт как часть нашего. Раз говорят об единстве русского и румынского фронта, то необходимо и единство плана и осуществления. Раз наше командование берется помочь, нужно предоставить ему решить, где полезнее, с общей точки зрения, применить силы, и не надо стеснять его в подробностях. Посланник воспользовался этим, чтобы отметить высокое уважение, которым пользуется в Румынии имя генерала Алексеева, и полную готовность румынского правительства следовать его советам и указаниям.

Продолжая беседу с г. Диаманди, генерал Алексеев с полной откровенностью поделился с ним беспокойством, которое вызывает в нем чрезвычайная техническая неподготовленность румынской армии. Обстоятельство это озабочивает начальника штаба более, чем нынешнее военное положение на румынском фронте. Последнее лишь временно неблагоприятно, между тем отсутствие технических средств даст чувствовать себя продолжительное время. По собственному опыту кампании 1914—1915 года, генерал Алексеев знает, как тяжело бороться с недостаточным количеством ружей, артиллерии, снарядов, телефонов и пр. и как трудно восполнять эти пробелы. Румыния не имеет запаса ружей для своих резервов. Недавно мы отдали ей 50 000 винтовок, но этого хватит ненадолго. У румын нет проволоки для заграждений, нет телефонов и телеграфов, нет стерео-труб, недостаточно снарядов, мало артиллерии и пр. Начальник штаба настоятельно советует безотлагательно образовать в Бухаресте при нашем участии комиссию, которая обстоятельно выяснила бы все нужды румынской армии. На основании этих данных возможно будет совместно с союзниками принять необходимые меры к тому, чтобы, по мере возможности, удовлетворить потребности румынской армии. Сами мы много дать не можем и только теперь начинаем сами доводить наши запасы до уровня, хоть несколько приближающегося к нашим потребностям. Проволоки мы, вероятно, сможем дать нашей выделки. Ружья придется просить у союзников. Может быть удастся получить 100 000 винтовок от англичан и столько же от французов [1]).

Начальник штаба отметил затем необходимость более тесного сотрудничества между румынским и нашим штабами. Он желал бы за-

---

[1]) О беседе Диаманди с ген. Алексеевым см. также М. Палеолог, стр. 214—215. В своей телеграмме от 29/IX 1916 г. за № 1037 Базили, по поручению ген. Алексеева, сообщал Поклевскому к руководству при объяснениях с Братиано, что румынское правительство преувеличивает опасность положения на румынском фронте, что помощь войсками со стороны России будет оказана, но что для этого нужно время, а пока румыны должны сами принять нужные меры и проявить известное упорство.

менить обмен шифрованными телеграммами через посредство военных представителей непосредственными разговорами с генералом Илиеско по прямому проводу, соединяющему ставку с Бухарестом. Желая упрочить связь с румынской армией, наше верховное командование решило отправить в Румынию в качестве начальника нашей военной миссии бывшего начальника генерального штаба М. А. Беляева [1]), особенно компетентного в только что затронутом деле военного снабжения. Если румынское правительство пожелает, кроме генерала Беляева, начальник штаба готов послать в Румынию еще и другого генерала, особенно сведущего в вопросах, непосредственно касающихся ведения войны. Генерал этот мог бы находиться в распоряжении генерала Илиеско, который, в случае надобности, мог бы командировать его в помощь любому румынскому военачальнику. Чрезмерно обремененный работой полковник Татаринов, с усилением русской военной миссии, также сделается более полезным для общего дела. Желательно, чтобы Румыния в возможно большей степени использовала приобретенный ее союзниками двухлетней войной опыт и избегла бы тех неизбежных ошибок, через которые пришлось пройти всем воюющим теперь армиям. Советы означенных русских генералов, а также и командированного теперь в Румынию французского генерала Бертело дадут румынскому командованию эту возможность.

Ввиду отхода через несколько минут петроградского поезда спешу отправить эти строки и завтра дополню настоящее письмо продолжением.

Н. Базили.

Отношение директора диплом. канцелярии при верх. главнокомандующем на имя тов. мин. ин. дел 12 октября (29 сентября) 1916 г. № 1659.

Весьма секретно.

Милостивый государь

Анатолий Анатолиевич.

В дополнение к телеграмме вице-директора вверенной мне канцелярии от 26 сего сентября за № 1026 [2]), имею честь представить у сего для личного сведения вашего превосходительства копии весьма

---

[1]) В телеграмме Базили от 28/IX 1916 г. за № 1032 отмечалось, что назначение ген. Беляева (бывш. начальника ген. штаба) вызывалось, «с одной стороны, посылкой в Румынию французского генерала Бертело, с другой стороны, необходимостью, в связи с осложнением военной обстановки на румынских фронтах, развить влияние наше на румынскую армию».

[2]) В телеграмме от 26/IX 1916 г. за № 1026 Бер сообщал о том, что начальник штаба поручил ген. Жилинскому «сделать настоятельное представление обоим нашим союзникам в целях усиления французских и английских войск салоникской армии и производства ею решительного наступления».

секретных телеграмм генерал-адъютанта Алексеева генералу Жилинскому от 19 сего сентября № 5104 и от 21 сентября № 5135 касательно военных действий на Балканском полуострове.

Н. Базили.

Копия секретной телеграммы нач. штаба верх. главнокомандующего ген. Жилинскому 2 октября (19 сентября) 1916 г. № 5104 [1]).

Агентура, ход совершающихся боевых событий в Трансильвании, ряд военных признаков указывают, что неприятель в ближайшем будущем изберет Румынию главным предметом своих действий, руководствуясь соображениями внешнего эффекта, моральными и, отчасти, стремлением использовать продовольственные запасы. Необходимые для атаки силы, кроме болгар, отчасти, турок, неприятель снимет и уж снимает, главным образом, с французского фронта, несколько дивизий с итальянского и с нашего, севернее Полесья. Можно допускать, что неприятель соберет для этой операции свыше 300 батальонов. Выяснившиеся слабые боевые качества румын, отсутствие материальной подготовки всею тяжестью легли на нас в виде нервных настояний о скорейшей помощи непосредственной. Мы вынуждены были отправить в Добруджу четыре пехотных, две конные дивизии, теперь вопрос идет уже о присылке войск собственно в Румынию. Сила обстоятельств заставит нас, вероятно, выручать союзника, хотя это ведет к непомерной растяжке наших войск, трудности сосредоточения превосходных сил в районе удара, что особенно ощутительно при нашей бедности в тяжелой артиллерии и особенно в снарядах для нее. Полагаю, мы вправе рассчитывать на деятельную помощь союзников. Слабое развитие операции генералом Саррайлем нисколько не обеспокоивает болгар. Если противник смело снимает дивизии с французского фронта, то казалось бы, отправление двух-трех новых французских и английских дивизий в Салоники вызывается общими интересами. Быть может привлечение двух португальских дивизий для пассивных участков или охраны тыла было бы крайне полезно. Не менее необходимо осуществление вспомогательной операции, о которой вы сообщали. Значительные силы, развернутые неприятелем южнее Полесья, не дают нам возможности с прежнею быстротой продвигаться в Галиции; каждый шаг покупается тяжелым упорным боем; следовательно, наша атака армий Брусилова сама по себе не может парализовать назревающего нападения на Румынию; образовать новую вспомогательную армию западнее Ясс нам невозможно за отсутствием сил. Считая противодействие новому замыслу неприятеля делом общим, прошу вас сделать настоятельные представления обоим союзникам, чтобы вся тяжесть предстоящих событий не легла исключительно на русские плечи, а

[1]) Приложение к отношению Базили от 12 октября (29 сентября) 1916 г. № 1659.

поражение Румынии, подобно Сербии и Черногории, допускать невозможно, что́, думаю, должно быть понятно союзным главнокомандующим.

Алексеев.

С подлинным верно. Старший секретарь дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем *С. Валуев.*

Копия секретной телеграммы нач. штаба верх. главнокомандующего ген. Жилинскому 4 октября (21 сентября) 1916 г. № 5135 [1]).

Совокупность получаемых от наших военных агентов сведений указывает, что итальянцы недовольны способом использования их дивизии на салоникском фронте, грозят увести оттуда дивизию, тогда как я обратился к Кадорне с просьбою послать вторую дивизию. Недавно заключенное болгаро-турецкое соглашение поведет, вероятно, к появлению турецких войск в восточной Македонии, замене ими болгар, которые могут быть направлены в Битоли или Добруджу. Имеются сведения о направлении на Балканы немецких войск для нравственного воздействия на греческое правительство и народ. Все это доказывает, что балканский и румынский театры действий временно снова приобретают для неприятеля исключительно важное значение. Разрушение тут его целей имеет серьезное нравственное значение, а сохранение Румынии и остатков сербской армии — и военное значение. Поэтому, возвращаясь вновь к вопросу о необходимости усиления существенного салоникской союзной армии [2]), производства ею решительного наступления и устранения трений с итальянцами, вытекающих, повидимому, из отношений генерала Саррайля. Окажите возможное содействие благоприятному разрешению этих вопросов.

Алексеев.

С подлинным верно. Старший секретарь дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем *С. Валуев.*

Письмо Базили 13 октября (30 сентября) 1916 г.

Весьма секретно. *Ставка. 30 сентября 1916 г.*

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

Возвращаюсь к прерванному мною изложению румынских дел в связи с приездом в ставку г-на Диаманди и полковника Ангелеско в сопровождении полковника Татаринова.

---

[1]) Приложение к отношению Базили от 12 октября (29 сентября) 1916 г. № 1659.

[2]) Так в подлиннике.

В дальнейшей беседе с начальником штаба румынский посланник затронул вопрос о передаче Румынии австро-венгерских пленных румынской национальности. При этом г. Диаманди сослался на то, что оказание Румынии этой услуги было обещано ей во время переговоров о выступлении ее. На мое замечание, что вопрос этот остался открытым, и нами не принято на себя по сему предмету никаких обязательств, г. Диаманди ответил, что все же считает возможным ссылаться на заверения, данные ему на словах в министерстве. Со своей стороны, начальник штаба высказал мнение, что удовлетворение просьбы румынского правительства встретит значительные затруднения ввиду крайнего у нас недостатка в рабочих руках. Наблюдается острая потребность в рабочих для нужд обороны, на заводах, изготавливающих предметы снабжения, на сооружаемых в связи с войной путях сообщения, не говоря о нуждах сельского хозяйства, также тесно связанного с войной. Пленных румынской национальности у нас имеется свыше 100 000, и лишиться такого значительного числа рабочих явилось бы для нас весьма затруднительным. Продолжая свои настояния, посланник указал на моральное значение этой услуги. По словам его, в Румынии никто не поймет, почему Россия сочла возможным отпустить пленных эльзасцев, сербов, чехов и затрудняется сделать то же в отношении румын. Начальник штаба не отрицал значения этого соображения, но указал, что решение возбужденного посланником вопроса входит исключительно в компетенцию военного министра и что, если последний признает возможным в той или иной степени удовлетворить пожелание Румынии, он не будет против этого возражать. Он советовал г-ну Диаманди переговорить об этом деле с военным министром или, еще лучше, с генералом Аверьяновым.

После свидания с г. Диаманди начальник штаба имел в том же смысле объяснения с полковником Ангелеско.

Последний передал его императорскому величеству письмо короля румынского с изложением пожеланий румынского штаба в отношении содействия нашей армии. Составленное мною и удостоившееся высочайшего одобрения ответное письмо государя императора содержит заверения о готовности поддержать румынскую армию, указание предпринимаемых с этой целью мер, оговорку о необходимости для выполнения их известного времени, пожелание о полнейшей согласованности действий румынского и русского штабов и ряд обычных courtoisies. Письмо это доставлено будет по назначению отъезжающим в ближайшие дни в Бухарест полковником Ангелеско.

К изложенному считаю долгом прибавить еще несколько слов из разговоров моих с полковником Татариновым о румынской армии. Последняя проявляет полнейшее неумение воевать. Румыны ничему не научились за два года европейской войны. Так, например, войска, оставаясь по две недели на месте, не окапываются. Технические службы очень плохо оборудованы и организованы. Сравнительно лучше артиллерия, которая стреляет прилично. Из генералов, бесспорно,

лучший — Авереско, наш искренний друг, хорошо говорящий по-русски. Ему по очереди поручают важнейшие участки фронта. К сожалению, у него давние политические счеты с Братиано.

Н. Базили.

Отношение директора диплом. канцелярии при верх. главнокомандующем на имя тов. мин. ин. дел Нератова 14 (1) октября 1916 г. № 1662.

Весьма секретно.

Милостивый государь

Анатолий Анатолиевич.

В дополнение к письму моему от 29 сентября с. г. № 1659 имею честь представить у сего в копиях телеграммы начальника штаба верховного главнокомандующего полковнику Энкелю от 19 сентября с. г. № 5107 и генералу Десино [1]) от 28 сентября с. г. № 5261 касательно военных действий на балканском театре войны.

Н. Базили.

Копия телеграммы нач. штаба верх. главнокомандующего полковнику Энкелю 19 сентября 1916 г. № 5107 [2]).

По всем признакам, неприятель готовит решительный удар на Румынию, снимая для этой цели войска с французского, отчасти итальянского фронтов. Новое предприятие неприятеля могло бы быть существенно ослаблено энергичным наступлением генерала Саррайля, но этого мы не видим, вследствие, быть может, недостатка сил. Считая помощь Румынии делом общим, а не исключительно обязанностью России, принявшей уже много на свои плечи, обращаюсь к союзникам с настоятельною просьбою усилить салоникскую армию, придать ей способность к решительному, энергичному наступлению. Прошу вас изложить генералу Кадорна мою усердную просьбу [3]) усилить итальянские войска армии Саррайля, имея в виду, что поражение Румынии затянет ход войны, а неудача неприятеля в задуманном предприятии явится его поражением.

Алексеев.

С подлинным верно. Секретарь дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем *С. Валуев.*

---

[1]) Русскому военному агенту в Англии.

[2]) Приложение к отношению Базили от 14 (1) октября 1916 г. № 1662.

[3]) К этому же времени относятся и настояния представителя французского правительства в Риме о посылке итальянских подкреплений в Салоники в размере, по крайней мере, двух дивизий. Об этом сообщалось в телеграмме Штюрмера директору дипканцелярии при ставке от 23/IX 1916 г. за № 4252, причем указывалось на необходимость поддержать из ставки настояния французов.

Копия телеграммы нач. штаба верх. главнокомандующего генералу Десино 28 сентября 1916 г. № 5261 [1]).

Причиною служат полная неготовность румынской армии в материальном отношении, слабая боевая подготовка; все повлекло подрыв веры в себя. Необходимо, чтобы прочие союзники не только приковывали болгар, а взяли более деятельную соответственную долю участия. Поручаю вам передать английскому верховному командованию настоятельную просьбу, чтобы союзная салоникская армия была усилена не менее, как четырьмя дивизиями французских, английских, быть может, португальских войск, дабы нанести болгарам поражение, овладеть долиной Вардара, достигнуть до зимы Ускюба и стать в угрожающее положение. Только этим будет оказана действительная помощь Румынии и общему делу нашего союза на Балканах, только этим будет положено начало сжатия неприятеля с юга. Если салоникская армия останется в нынешнем слабом, беспомощном составе, то к зиме она добровольно отойдет к береговой полосе и останется только немой свидетельницей той большой, тяжелой борьбы, которая развернется на Балканах зимою и ляжет на наши плечи. Мы уже принесли большие жертвы и ожидаем, что, кроме советов, союзники примут участие присылкой войск, имея в виду, что в наступающий фазис войны на Балканах совершатся события, которые окажут мощное влияние на весь последующий ход войны. Невозможно, чтобы только мы несли на себе тяготы. Ожидаю энергичного, настойчивого вашего представления.

Алексеев.

С подлинным верно. Старший секретарь дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем *С. Валуев.*

Письмо Базили 17 (4) октября 1916 г.

Ставка. 4 октября 1916 г.

Совершенно секретно.

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

Имею честь представить у сего в копиях телеграмму президента Французской республики на имя государя императора от 29 сентября (12 октября) с. г. и ответную телеграмму его императорского величества от 4(17) сего октября [2]).

И. Базили.

---

[1]) Приложение к отношению Базили от 14 (1) октября 1916 г. № 1662.

[2]) Тел. Пуанкарэ см. ниже стр. 40—41; тел. Николая II в деле отсутствует.

Письмо Базили 17 (4) октября 1916 г.

Ставка. 4 октября 1916 г.

Совершенно секретно.

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

Как я имел честь вам сообщить, 27 сентября с. г. в ставку прибыл флигель-адъютант румынского короля полковник Ангелеско, который привез личное письмо короля его императорскому величеству.

Государю императору благоугодно было, в ответ на означенное письмо, обратиться к королю румынскому с личным письмом, которое будет доставлено его величеству полковником Ангелеско, вчера, — 3 октября, — отбывшим из ставки в Румынию.

Копии означенных писем имею честь представить у сего для личного вашего сведения.

Н. Базили.

Копия письма румынского короля Фердинанда Николаю Романову 7 октября (24 сентября) 1916 г. [1]).

Ставка. 24 сентября 1916 г.

Дорогой кузен.

Пользуюсь поездкой полковника Татаринова в русскую ставку, чтобы написать тебе это письмо, содержание которого я доверил моему адъютанту, полковнику Ангелеско, сопровождающему Татаринова. Прошу тебя выслушать с величайшим вниманием то, что оба офицера сообщат тебе о военном положении на нашем трансильванском фронте.

Если, благодаря соединенным усилиям русско-румынских войск под командой генерала Зайончковского, который заслуживает всяческих похвал, положение на добруджском фронте удовлетворительно, то я не могу скрывать от тебя, что события на театре военных действий в Трансильвании причиняют мне величайшее беспокойство. Ты знаешь, что для отражения болгаро-немецкого наступления на нашем южном фронте мы были вынуждены взять войска, предназначенные для операций на севере, и что в силу этого северный фронт утратил значительную часть своей сопротивляемости, в особенности, если принять во внимание растянутость этого фронта и систему путей сообщения, которые позволяют неприятелю с легкостью и быстротой перевозить войска из одного пункта в другой, тогда как недостаток или разрушение железнодорожных линий на территории, занятой нашими войсками, лишает нас возможности отражать удары с той же быстротой.

Позволь мне изложить тебе в нескольких словах, как я представляю себе положение, и каковы, по моему мнению, средства к тому, чтобы превратить опасное отступление наших войск в наступление,

[1]) Перевод с французского.

имеющее, по-моему, все шансы на успех. Мне представляется чрезвычайно важным достигнуть долины Мароч и Быстрицы до распутицы, но я сомневаюсь, чтобы это возможно было осуществить попыткой перейти Карпаты со стороны Кирли-Баба, попыткой, которая повлекла бы за собой значительные жертвы и натолкнулась бы на крупные препятствия. По моему мнению, единственным способом преодолеть сопротивление в горах на буковинском и южно-галицийском фронте явилось бы обходное движение с юга, которое позволило бы войскам, оперируя с этой стороны, обойти препятствия и тем вынудило бы неприятеля отступить и открыть дорогу войскам генерала Лечицкого. Эта цель могла бы быть достигнута продвижением русских войск в составе трех корпусов на нашу территорию, где мы предоставим в их распоряжение необходимые перевозочные средства, — движением, которое позволило бы нашей северной армии сократить свой фронт и выиграть таким путем в силе и связи, а равно позволило бы ей перейти в наступление одновременно с нашей второй армией. Мне кажется, что это наступательное движение на трансильванском фронте сможет осуществиться лишь в том случае, если русско-румынские войска будут насчитывать, по крайней мере, двадцать дивизий. Тогда я смог бы, думаю, ручаться за успех. Но мне кажется, что нельзя терять времени (дело идет скорее о днях, чем о неделях), чтобы не подвергать мои войска необходимости отступить в пограничные горы, что значительно усложнило бы задачу русских войск, тем более, что при оборонительном положении нам придется считаться с превосходством тяжелой артиллерии неприятеля.

Я уверен, что ты простишь меня за то, что я отнял у тебя такое дорогое для тебя время своим длинным письмом, продиктованным мне не только тяжелым положением, в котором находятся в настоящее время мои войска в Трансильвании, но и интересами нашего общего дела. Полковник Ангелеско, на которого я возложил это поручение к тебе и который является одним из лучших офицеров генерального штаба, сможет сообщить тебе все подробности, касающиеся нашего положения.

Шлю самые горячие пожелания славы твоим войскам.

Твой любящий кузен *Фердинанд.*

Копия письма Николая Романова румынскому королю Фердинанду 15 (2) октября 1916 г. [1]).

Ставка. 2 октября 1916 г.

Дорогой кузен.

Твой адъютант, полковник Ангелеско, передал мне твое письмо о положении на трансильванском фронте. Я прочел с величайшим вниманием твои строки и с тою же тщательностью выслушал сообщение, которое этот офицер сделал мне по твоему поручению.

[1]) Перевод с французского.

Я прошу тебя прежде всего быть уверенным в живейшем участии, которое я принимаю в военном положении Румынии. Зная мои чувства к тебе и твоей стране, ты не будешь сомневаться в том, что в этом отношении я лишь повинуюсь движению моего сердца. Общность наших интересов укрепила узы, соединяющие наши страны, особенно тесно тем, что, сражаясь бок о бок, румынские и русские войска занимают, в сущности, единый фронт, и что ход операций на театре военных действий одной из наших армий неизбежно отзывается на положении другой. Если я останавливаюсь на этих соображениях, то лишь для того, чтобы подчеркнуть, какое значение я придаю тесному сотрудничеству наших штабов, и для того, чтобы еще решительнее заверить тебя, что я сделаю все от меня зависящее для усиления сопротивления и для поддержки операций твоей армии.

Я — в курсе затруднений, перед которыми находится в настоящее время высшее командование Румынии, и вполне отдаю себе отчет в причинах беспокойства, которым ты со мной поделился. Положение на трансильванском фронте было подробно изучено в моей ставке. Не умаляя значения того усилия, которое румынской армии предстоит сделать в настоящий момент, я счастлив, что могу сообщить тебе, что мой штаб не считает, чтобы положение должно было вызывать особые опасения, принимая во внимание, что силы, которыми неприятель располагает в настоящее время в Трансильвании, относительно невелики. В связи с австро-немецким давлением на твои войска, я уже отдал распоряжение найти способы оказать им поддержку, идя, таким образом, навстречу твоему желанию. Важные меры уже приняты в этом направлении, другие намечены. Генерал Коанда, наверное, сообщил тебе подробно об этом. Я всецело разделяю твои взгляды на своевременность операции, которая позволила бы обойти проходы Дорна-Ватра. Русские войска немедленно выступят для присоединения к правому крылу румынской армии, заняв, как ты предлагаешь, молдавские пути. Их задачей будут совместные действия с войсками генерала Лечицкого. Я не сомневаюсь в том, что эти меры не замедлят значительно улучшить положение на трансильванском фронте. Однако содействие, которое должны оказать твоей армии мои войска, не сможет осуществиться так скоро, как я бы того хотел. Их переброска, — что, прочем, находится уже на пути к выполнению, — неминуемо потребует некоторого времени, сократить которое я физически не в силах. Я вынужден просить тебя иметь это в виду.

Я хотел бы еще раз обратить твое внимание на необходимость такого же тесного сотрудничества наших штабов, какое существует у наших армий. Действуя бок о бок, наши армии будут соединять свои усилия тем с большей пользой, чем лучше будет согласована их деятельность как с точки зрения замысла, так и с точки зрения выполнения намеченных мероприятий. Впрочем, я не сомневаюсь, что при взаимном доверии этот результат будет достигнут без труда.

Мне остается только выразить тебе мои лучшие пожелания на будущее время. Военное счастье изменчиво, и испытания, через которые мы проходим, зачастую являются не чем иным, как путями к успеху. Да избавит провидение твою страну от тяжелых часов и да увенчает в ближайшем будущем ее усилия успехом! Прими уверение в моей искренней и неизменной дружбе.

Любящий тебя кузен *Николай.*

Письмо Базили 17 (4) октября 1916 г.

Ставка. 4 октября 1916 г.

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

Как вам угодно будет вспомнить, начальник штаба в разговоре со мной имел случай коснуться вопроса о посылке японских войск на македонский фронт. В последних беседах, которые я имел с начальником штаба о необходимости усиления означенного фронта, генерал Алексеев высказал мне, что усиление это настолько теперь сделалось настоятельным, что усложнять этот спешный вопрос переговорами о посылке на балканский театр японских войск представляется едва ли желательным в настоящую минуту, тем более, что японские подкрепления, во всяком случае, явились бы слишком поздно для предстоящей ближайшей кампании. Изложенное не исключает однако необходимости иметь в виду возможность привлечения наших дальне-восточных союзников к сотрудничеству весною на указанном театре.

Н. Базили.

Письмо Базили 17 (4) октября 1916 г.

Ставка. 4 октября 1916 г.

Совершенно секретно.

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

Поступающие из Румынии сведения о военных событиях в Трансильвании продолжают носить тревожный характер. Ввиду сего начальником штаба верховного главнокомандующего принимается ряд мер для облегчения тяжелого военного положения Румынии.

О принимаемых в этом отношении мерах генерал-адъютант Алексеев поставил в известность генерала Илиеско телеграммой от 3 сего октября, в копии у сего представляемой.

Н. Базили.

Копия телеграммы нач. штаба верховного главнокомандующего генералу Илиеско 3 октября 1916 г. № [1]).

Ваши сведения о силах противника примерно согласуются с теми данными, которые имеем мы. Против вас в Трансильвании в 11 дивизиях самое большее 120 батальонов, 26 эскадронов; в Добрудже и на Дунае 131 батальон, 44 эскадрона. Всего 251 батальон, 70 эскадронов. Подвоз новых сил, быть может, и будет, но пока его незаметно, и на выполнение его нужно время. Силы противника, как вы изволите усмотреть, вовсе не столь грозные, чтобы мы могли говорить о критическом или крайне тяжелом положении. Мы имеем 331 румынских, 52 русских батальона, всего 383 батальона. Неприятель дерется тоже 45 дней, его потери не менее ваших; следовательно, преимуществ в числе, в сохранности сил у неприятеля нет. На его стороне технические средства и опытность в ведении операции и боя. Все дело теперь будет заключаться в твердом проведении в жизнь обного [2]) плана и принятия соответствующей группировки. План же таков: твердо и прочно держаться за наши фланги в северной Молдавии и Добрудже, базироваться на Прут, сокращать выдвинутый вперед центр, но только под давлением обстановки, жертвуя сначала западной Валахией, затем, в крайности, Бухарестом. Главнейшая задача — сохранение в целости армии во что бы то ни стало. Армия эта возвратит временно оставленное и достигнет целей войны. Близкое, непосредственное соприкосновение с нашими флангами безусловно необходимо, чтобы румынская армия не была отрезана от русской; ваша армия должна составить с нами один фронт. В отношении группировки нужно, сообразуясь с наметившимся направлением главного удара неприятеля, усиливать всем, чем можно, ваш резерв у Плоешти—Бузео. Лично я решился бы временно оставить по одной бригаде у Оршовы, в Жиуля, одну дивизию в Ольте. Тогда три дивизии можно иметь наготове в резерве в Питешти и Плоешти. Нужно обязать всех начальников, войска которых не атакованы неприятелем, наносить самим контр-удары, не стоять пассивно, так как в этой пассивности — источник наибольшей слабости. Позволил бы себе еще просить, чтобы начальники прониклись спокойствием, настойчивостью и особою предусмотрительностью по охране флангов, употреблению резервов. 22-я дивизия вынуждена к отступлению не техническим превосходством неприятеля, а обходом фланга, к парированию чего не было принято мер.

Принимая в полной мере во внимание тяжелое положение вашей армии, мы отдали распоряжение о сосредоточении армии из русских войск, первоначально из четырех корпусов, в районе Нямца—Пятра—Окна—Баксу—Роман. По мере того, как войска будут сосредоточи-

---

[1]) Приложение к письму Базили от 17 (4) октября 1916 г. В копии номер отсутствует.

[2]) Так в подлиннике. Надо, повидимому, «общего».

ваться, мы условимся с вами относительно разграничительной линии. Для обеспечения сосредоточения армии часть войск генерала Лечицкого займет Бростени; я просил чрез полковника Татаринова вашего распоряжения отправить от генерала Зайончковского одну русскую дивизию на усиление вашей 14-й дивизии. Я позволил бы рекомендовать вам, по мере сбора наших корпусов, включить в них некоторые из ваших дивизий третьими дивизиями. Это усилит армию, на которую выпадет активная задача, и позволит вашим дивизиям пережить тяжелое время первоначального втягивания в боевую науку.

Должен сказать, что, при слабости железных дорог, сосредоточение потребует не мало времени. Головные два корпуса начнут подходить в ближайшие дни своими передовыми частями, но два последующих корпуса только что начнут посадку, тем более оттянется время дальнейшего усиления армии [1]).

Поэтому крайне необходимо: 1) поднять до наивысшей степени упорство сопротивления румынских войск, которые должны помнить, что каждый выигранный день вносит улучшение в судьбу армии и отечества; 2) подготовить к энергичной непрерывной деятельности те румынские железные дороги, которые будут перевозить русские войска.

Просил бы ознакомить меня, куда предполагаете вы переместить ваши правительственные учреждения. Это необходимо знать, чтобы выбрать место для размещения нашего штаба той армии, которая сосредоточится в северной Молдавии.

Вы видите, что мы сделаем все доступное, чтобы стать плечом к плечу с вашей армией, занять часть вашего фронта, сгустить ваше расположение на важнейших направлениях. Но это не исключает насущной необходимости в следующих мерах:

1) Образование исполнительных комиссий для обсуждения и принятия мер по эвакуации. Быть может, некоторые заводы придется отправить на нашу территорию. Чем меньше сохранит при себе запасов остающееся на местах население, тем лучше. Эвакуация — дело сложное, но исполнимое; нужен только план работ, разделение на очереди вывоза. Для этого и нужно образование комиссий из энергичных людей.

2) Усиленные работы по укреплению позиций и особенно Окна—Фокшаны—Бабадаг. Мы отправляем вам свои инженерные организации; они помогут вам, если только во-время будут собраны рабочие руки.

Я буду отвечать вам таким сообщением на все те вопросы, которые вы мне сделаете.

Алексеев.

---

[1]) Так в подлиннике.

Письмо Базили 17 (4) октября 1916 г.

Ставка. 4 октября 1916 г.

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

Спешу уведомить вас, что, по полученным сегодня сведениям, положение на румынском фронте несколько ухудшилось. Австро-германцы потеснили румын к западу от Предеала у Гемеша, где они, повидимому, угрожают прорвать румынский фронт. То же опасение создается и на молдавском фронте. Австро-германские войска продвинулись в направлении на Нямцу. Натиск германцев в этом направлении создает угрозу железнодорожной линии, по которой должна состояться перевозка наших корпусов, отправляемых в район Пятры.

Н. Базили.

Отношение директора диплом. канцелярии при верх. главнокомандующем на имя тов. мин. ин. дел Нератова 17 (4) октября 1916 г. № 1673.

Совершённо секретно.

Милостивый государь

Анатолий Анатолиевич.

В дополнение к моему письму от 1 сего октября № 1662 имею честь представить у сего в копиях телеграмму начальника штаба верховного главнокомандующего генералу Жилинскому, генералу Десино, и полковнику Энкелю от 1 сего октября № 5320 и телеграмму генерала Жилинского от 24 сентября с. г. № 273 касательно военных действий на балканском театре войны.

Н. Базили.

Копия телеграммы нач. штаба верх. главнокомандующего ген. Жилинскому, генералу Десино и полковнику Энкелю 1 октября 1916 г. № 5320 [1]).

Донесения наших военных агентов указывают, что слухи о прибытии немцев на македонский фронт усиливаются. Появление трех-четырех немецких дивизий нарушит окончательно равновесие в пользу неприятеля, заставит союзников отступить к Салоникам, уничтожит результаты ныне производимой операции, лишит возможности союзников оказать какое-либо содействие Румынии, окончательно определит судьбу Греции, что же важнее еще — рушит все надежды сербов [2]). Необходимо признать, что ныне выполняемая операция лежит

[1]) Приложение к отношению Базили от 17 (4) октября 1916 г. № 1673.

[2]) В телеграмме Нератова на имя Базили от 24/IX 1916 г. за № 4272 сообщалось переданное Бьюкененом содержание телеграмм великобританского посланника в Афинах на имя лорда Грэя по поводу положения на Балканах и в частности

полностью на плечах сербов, которые купили успех ценою 12 000 своих сынов при более, чем скромном, участии остальных союзников. Отход к Салоникам подорвет окончательно дух сербов, и союзники лишатся наиболее сильного элемента своей армии. Стратегические последствия этого поражения будут громадны; союзники навсегда утратят Балканы и возможность побороть там Германию, между тем, к сохранению немцами господства на Ближнем Востоке сводится ныне смысл войны. Поражение немцев на Балканах решительнее скажется на ходе войны, чем захват нескольких километров пространства и десятка селений на французской территории. Сделаться сильными на Балканах есть стратегическая и нравственная обязанность союзников. Между тем, когда я обратился, при посредстве наших представителей, к союзным главнокомандующим о посылке войск на усиление восточной армии, то получил ответ, что французы сделать этого не могут, итальянцы с трудом выделяют бригаду; в чем выразится содействие англичан, не знаю. Считаю обязанным энергично протестовать против такого своеобразного решения вопроса. На французском фронте — такое численное превосходство союзников, что они не только имеют возможность, но, казалось бы, без колебаний должны считать себя обязанными выделить по две дивизии от французской и английской армий для отправки в Македонию, имея в виду, что проигрыш там никогда не будет вознагражден незначительным продвижением вперед во Франции, как, вообще, небольшой тактический успех не может вознаградить за крупное стратегическое поражение общего, большого значения. Равным образом события в Трентино дают полное право итальянцам дать не ничтожную по силам бригаду, а полные две дивизии.

Генерал Жоффр охотно дает советы русской армии оказать мощное содействие румынам, иными словами, сменить последних своими войсками в Трансильвании, Добрудже, игнорируя растяжение нашего фронта, исключительные усилия, которые мы, в общих интересах, а не только собственных, развиваем на театре южнее Полесья. Мы имеем право рассчитывать, что генерал Жоффр применит свои советы к собственной обстановке, и из больших сил, действующих на скромном по длине фронте, выделит ничтожное, в две дивизии, усиление для армии Саррайля. Время не терпит, длительные переговоры и отыскание, которому из союзников надлежит посылать подкрепле-

---

Греции. «Весьма возможно, — значилось в передаче Нератова— что германцы при помощи турок наберут до 20 дивизий, перебросят их на македонский фронт. Это может случиться ранее, чем прибудут туда же соответствующие подкрепления. Посланник выражает надежду, что это обстоятельство не ускользнет от внимания военных, так как, в случае удачного выполнения немцами упомянутого плана, это будет большим ударом для Согласия, приведет к окончательной гибели Сербии, потере Румынии как союзника и утрате возможного содействия Греции. Кроме того, такой маневр послужит солидным базисом для дальнейшего закрепощения Турции Германией и упрочения германского влияния на Востоке».

ния, поведут к бесповоротному опозданию и проигрышу навсегда балканской кампании.

Прошу вас энергично изложить эти соображения. Россия, взяв на свои плечи Румынию, имеет право ожидать, что наши союзники взвесят большое современное значение балканского театра для всего союза, установят взгляд, что, действуя энергично на этом театре, становясь на важнейшем для Германии пути, мы скорее достигнем целей войны, лишим немцев тех средств, кои они получают с Балкан.

Настоящая телеграмма продиктована не какими-либо эгоистическими пожеланиями России, а стремлением к пользе общей и сознанием, что союзники имеют обильные средства и возможность осуществить идею сильного натиска на немцев на Балканах.

Алексеев.

Копия телеграммы ген. Жилинского ген. Алексееву от 7 октября (24 сентября) 1916 г. № 273 [1]).

Получил вашу телеграмму 5104 и говорил с Жоффром. В Салоники послана одна французская бригада, и послать больше генерал Жоффр не соглашается, ввиду решительных операций на французском фронте. Вполне рассчитывают на посылку еще одной итальянской дивизии, а, может быть, и двух, так как операции на трентинском фронте, ввиду снегов в Альпах, уже затихают и скоро совсем прекратятся. На английскую дивизию рассчитывать нельзя, так как англичане общих целей совершенно не понимают, всегда противились салоникской операции, а с наступлением осени снова начинают опасаться за Египет. Генерал Хэйг в этом вопросе влияния не имеет, посылка войск в Салоники зависит от английского министерства и начальника генерального штаба, генерала Робертсона в Лондоне. Португальцы [2]) свое выступление обусловили тем, что они — союзники англичан и посылают свои войска только на французский фронт, и только в район действий англичан. Таким образом, кроме посланной французской бригады, можно рассчитывать только на посылку одной или двух итальянских дивизий. Тогда на салоникском театре будет 6 дивизий сербских, одна русская, пять с половиной французских,

---

[1]) Приложение к отношению Базили от 17 (4) октября 1916 г. № 1673.

[2]) Сносясь с министерством иностранных дел по вопросу о необходимости усиления салоникской армии в своей телеграмме от 23/IX 1916 г. № 1026, ген. Алексеев указывал на необходимость привлечения двух португальских дивизий. «Португальское правительство, — писал он, — давно желало бы, кажется, принять более деятельное участие, но не допускается до этого по каким-то соображениям, едва ли уместным».

В телеграмме начальника канцелярии министра ин. дел Татищева от I/X 1916 г. № 4392 сообщалось со слов Грэя — Бенкендорфу, что португальское правительство выразило намерение более деятельной кооперации с союзниками, но только — в пределах французского фронта.

6 английских и две или три итальянских, всего от 20 до 21 с половиной дивизий. Большего числа войск, по мнению генерала Жоффра, на этом фронте сосредоточить нельзя, так как, из-за деятельности железной дороги и трудности грунтовых путей, продовольствие невозможно. Перевозка войск [из-за] недостатка судов крайне затруднительна и возможна только для Италии по близости расстояния. Действия будут развиваться, главным образом, на левом сербском и русском флангах, где ударная группа состоит из 8 или 9 дивизий и по своей силе превосходит болгар, которые уже отступили. Но, вообще, очень энергичных действий ни по ... [1]), ни по неподготовленности французских и английских войск к зимним бурям в горах ждать нельзя. Против Румынии неприятель выставил пока: 37 батальонов германских, 88 австрийских, 9 турецких и, кроме того, болгарских 73 батальона действующих и 56 баталионов милиции, всего 263 баталиона. По мнению генерала Жоффра, дальнейшее увеличение этих сил возможно только разве за счет Турции, ибо болгары, после неудачи на монастырском направлении, уже не могут снимать войска с салоникского фронта. При поражении германских войск, при развитии франко-английского наступления, возможно, что условия борьбы для Румынии в дальнейшем облегчатся. Что касается до действий на французском фронте, то генерал Жоффр подтвердил мне непреклонное решение, по соглашению с генералом Хэйгом, вести в течение зимы энергичное и безостановочное наступление, развить начатые действия на Сомме. Наступление это однако будет, несомненно, методичное, но очень медленное, как и до сих пор. Чрез несколько дней будет произведена атака немцев под Верденом. К сообщенному же в телеграмме № 262 о предположении наступления от Понт-а-Муссона—Номени сообщу дополнительно.

Жилинский.

Копия телеграммы президента Французской республики Пуанкарэ Николаю Романову 12 октября (29 сентября) 1916 г. [2]).

Ваше величество поручили генералу Алексееву обратить внимание правительства республики и высшего французского командования на необходимость увеличения численности различных частей салоникской армии.

Я могу заверить ваше величество, что правительство республики, взявшее на себя инициативу создания этой армии, понимает значение операций, начатых на Балканах, и сделает все от него зависящее к еще большему увеличению сил союзников на этом фронте. По своей инициативе, оно только что отправило в Салоники новую бригаду французских войск и использует в настоящее время все имеющиеся

[1]) Пропуск в подлиннике.
[2]) Перевод с французского.

в его распоряжении перевозочные средства для того, чтобы довести до максимума наличный состав всех частей. Но как бы велика ни была активность союзной армии на юге Болгарии, мне кажется, что не ей суждено, по территориальным условиям, и в особенности в зимнее время, оказать наиболее действительную помощь Румынии и нанести немецко-болгарским войскам решительное поражение.

Сведения, которыми мы располагаем, дают нам основание опасаться, что Германия, стремясь нанести быстрый и жестокий удар на самой слабой части всех фронтов, направит сперва все свои усилия против Румынии, в надежде обратиться затем либо против России в Бессарабии, либо против союзников в Салониках. Германия подняла бы таким образом свой престиж на Востоке, лишила бы союзников возможности соединиться через Болгарию, ободрила бы в Румынии противников войны, которые только и ждут случая, чтобы получить перевес, подняла бы дух болгар и турок и попыталась бы окончательно установить свой авторитет на Балканах и в Константинополе.

В этом таится большая опасность для нашего общего дела, в частности для исконных интересов России, которые Франция, как дружественная и союзная держава, не отделяет от своих. Чтобы помочь вашему величеству отвратить эту опасность, мы отказались от части прекрасных русских войск, которые должны были прибыть во Францию; кроме того, мы принимаем необходимые меры к тому, чтобы 100 орудий 155″ и 90 орудий 120″ были отправлены в Россию с некоторым запасом снарядов.

Я не сомневаюсь в том, что ваше величество сами считаете совершенно необходимым немедленно принять все меры, которые могут предотвратить поражение Румынии и закрыть немцам путь в Софию и Константинополь. От души желаю, чтобы операции, начатые на остальных частях фронта, позволили доблестной русской армии усилить и поддержать румынские войска в Трансильвании, на Дунае и в Добрудже и тем разрушили планы наших врагов.

Прошу ваше величество быть уверенным в моей неизменной дружбе.

Раймонд Пуанкарэ.

Париж, 12 октября 1916 г.

Письмо Бера 20 (7) ноября 1916 г.

Царская ставка. 7 ноября 1916 г.

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

Все последнее время генерал Алексеев чувствовал себя нездоровым. От времени до времени у него появлялись боли в нижней части живота и иногда эти боли были настолько сильны, что ему при-

ходилось не выходить из комнаты и даже недели две тому назад несколько дней провести в постели.

На-днях в состоянии здоровья начальника штаба наступило ухудшение. Температура была повышенная, и снова появились боли, на этот раз сильнейшие. Генерал снова слег и не принимал докладов. Вчера однако положение больного улучшилось, и вечером температура была нормальная. Начальник штаба делами не занимается и никого не принимает. Его заменяет генерал-квартирмейстер ген. Пустовойтенко. Вчера приехал сюда проф. Сиротинин. Он нашел тоже некоторое улучшение и признал, в общем, положение серьезным, но не опасным.

Несомненно, что сильное переутомление и общее нервное состояние генерала Алексеева также отразились на его здоровье, а необходимость усиленно работать и невозможность лечиться серьезно затянули болезнь и отсрочили полное выздоровление.

Теперь, конечно, генералу Алексееву предписан полный покой и, вероятно, ему придется уехать отсюда для поправления здоровья. Как продолжительно будет отсутствие начальника штаба и когда состоится отъезд, пока еще неизвестно. Также нельзя пока ничего сказать о том, кто будет заменять генерала Алексеева во время его отсутствия. Во всяком случае, сам по себе отъезд его в такое время — весьма печальный факт и, конечно, отразится на работе штаба. Исключительная трудоспособность генерала Алексеева, точность и содержательность его решений, определенность взглядов, глубокое знание вопросов при чрезвычайном их разнообразии — все эти качества выделяли его как редкого начальника и руководителя в той сложной и громадной работе, во главе которой он был поставлен.

Отъезд его, несомненно, отразится и на ходе дел нашей канцелярии. Начальник штаба был в курсе вопросов внешней политики, и даже текущие, более мелкие, дела, из коих многие возникали по его указаниям, находили при его содействии быстрое и определенное разрешение. Этим он очень облегчал нашу работу. Теперь предвижу возможность задержек и замедления в разрешении многих дел как уже возбужденных, так и могущих возникнуть. Сегодня приезжает сюда генерал-адъютант Рузский. Есть ли это случайное совпадение, как меня здесь уверяют, или же можно приписать его приезду более важное значение, — сейчас сказать очень трудно [1]).

Н. Бер.

---

[1]) 12 ноября ген. Алексеев был уволен в двухмесячный отпуск по болезни. Временно исполняющим обязанности начальника штаба верховного главнокомандующего был назначен командующий особой армией ген.-от-кав. В. И. Ромейко-Гурко.

Письмо Базили 10 декабря (27 ноября) 1916 г.

27 ноября 1916 г.

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

К официальному письму [1]) позволяю себе прибавить несколько строк. Я, конечно, еще не могу высказать сколько-нибудь обстоятельного мнения по поводу личности генерала Гурко. Однако то, что мне пришлось видеть со времени моего возвращения сюда, позволяет мне отметить, что, по сравнению с генералом Алексеевым, заместитель его не может быть признан столь же вдумчивым, но, в противность ему, он, повидимому, в высокой степени волевой тип. Черты эти сказались, например, в деле, составляющем предмет отправляемого вместе с сим письма о взаимоотношениях нашей и румынской главной квартир.

Я все более прихожу к убеждению, что генерал Алексеев сюда не возвратится, и притом не по причинам нездоровья. Свои впечатления по этому расскажу вам при личном свидании.

Генерал-квартирмейстером назначается генерал Лукомский, бывший помощник начальника канцелярии военного министра. Он уже завтра вступает в исполнение обязанностей. Генерал Пустовойтенко получает дивизию.

Не знаю, удастся ли мне завтра выехать в Петроград. Не желал бы однако откладывать поездку.

Н. Базили.

Письмо Базили 20 (7) декабря 1916 г. [2]).

Весьма секретно. *Ставка. 7 декабря 1916 г.*

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

Положение на румынском фронте представляется, в общих чертах, в следующем виде.

В настоящее время на вновь образованном румынском фронте, т.-е. от левого фланга армии генерала Лечицкого до Черного моря, мы, считая и румынскую армию, располагаем 242 батальонами, содержащими 190 тысяч штыков; из этого количества штыков 129 тысяч русских войск и около 60 тысяч румын. Эти 60 000 штыков представляют собой все, что осталось от румынской армии. В сущности, некоторое боевое значение имеет лишь одна, более или менее уцелевшая, румынская дивизия; остальные войска настолько расстроены, что рассчитывать на них совершенно не приходится; они должны будут при

[1]) Упоминаемое письмо в деле отсутствует.

[2]) На хранящемся в деле подлиннике письма Базили подпись последнего отсутствует.

первой возможности отойти в тыл для переформирования. В момент вступления Румынии в войну армия ее насчитывала до 350 тысяч штыков, ко времени же начала решительных германо-австрийских операций против Румынии румынская армия, защищавшая Валахию, содержала около 200 тысяч штыков, в нее постепенно вливались румынские войска, перебрасываемые с молдавского фронта, а теперь из всего количества 350 тысяч штыков осталось не более 60 тысяч [1]). Наши подкрепления подходят чрезвычайно медленно вследствие полной недостаточности путей сообщения, ведущих из России в Румынию, и плохого оборудования и дезорганизации румынских железных дорог. Подкрепления идут почти исключительно походным порядком. Как я вам говорил, на румынский фронт посылается 4-я армия генерала Рагозы в составе трех корпусов (72 000 штыков). Два корпуса подойдут к фронту в двадцатых числах декабря, третий только в январе.

Силы противника, обнаруженные на румынском фронте, — я продолжаю говорить лишь о театре, расположенном южнее левого фланга армии генерала Лечицкого, — определяются нашим штабом в 160 000 штыков в 239 батальонах. На первый взгляд поражает небольшое количество штыков. Объясняется это тем, что германцы и австрийцы действуют теперь с пехотными частями очень незначительного состава, но придают им много артиллерии. Это лишь дальнейшее применение принципа замены людей техническими средствами.

В настоящее время линия боя находится верстах в 20, примерно, к западу от главных наших позиций, к которым мы постепенно отходим. Позиции эти вполне оборудованы. Расположены они на правом берегу Серета, приблизительно между Фокшанами и Браиловым. Весьма желательно удержаться на них, так как, оставаясь на западном берегу реки, мы будем легче иметь возможность перейти в наступление, чем если будем вынуждены отойти на другой берег.

Не буду распространяться о причинах нашего отхода на румынском театре. С завтрашним фельдъегерем отправлю в министерство копии составленной мною по поручению генерала Гурко телеграммы государя императора президенту Французской республики в ответ на телеграмму его по поводу тревоги, вызываемой во Франции положением на румынском фронте; телеграмма эта дополнена запиской, переданной генералу Жанен для французского высшего командова-

---

[1]) В течение октября — ноября наступление австро-германских сил на румынском фронте привело к потере румынами правого берега Дуная, дунайской дельты и г. Констанцы, единственного крупного румынского порта на Черном море. Далее имели место факты перехода австро-германскими войсками Дуная у Зимница и Досенкурджева, прорыв линии Ольты и стратегический охват Бухареста; последний был занят австро-германскими войсками 23/XI 1916 г., причем румынское правительство переехало в Яссы.

В своей телеграмме в ставку от 27/XI 1916 г. № 5223 Нератов сообщал о просьбе румынского правительства, предусматривавшего возможность захвата австро-германцами Молдавии, содействовать в деле перевозки в Москву румынского золотого фонда.

ния, также посылаемой в копии в министерство. Из этих документов вы усмотрите все причины, принудившие нас выводить войска из Валахии.

Отход, вероятно, будет еще продолжаться некоторое время, дабы ускорить присоединение к войскам, сдерживающим противника, посылаемых подкреплений, идущих на фронт походным порядком. Полная недостаточность сообщений затрудняет подвоз продовольствия и снарядов, что также заставляет нас отступать. Пока имеется однако полная надежда, что мы удержимся на фокшанских позициях, но уверенности в этом не может быть, так как неизвестно, имеется ли у противника скрываемый в тылу резерв, который он мог бы использовать в решительную минуту, чтобы опрокинуть нас с этих позиций раньше, чем придут наши подкрепления. Во всяком случае, шансы противника значительно уменьшатся к концу месяца, когда равновесие сил будет более или менее обеспечено. В настоящее время противник теснит нас, главным образом, в Добрудже, с очевидным расчетом распространиться до выгодных дунайских позиций и затем, оставив в Добрудже минимальное количество войск, освободившиеся силы перевести в другое место.

Дальнейшие намерения противника пока неясны. Возможно, что он будет продолжать свой нажим на румынском фронте, возможно также, что, очистив Валахию и овладев всеми нужными ему там железнодорожными узлами, он направит свои усилия на салоникский фронт в поисках за новым моральным результатом. В таком случае ему однако, казалось бы, надлежит спешить и выполнить салоникскую операцию раньше, чем мы оправимся на румынском фронте. Такой образ действий вполне отвечал бы духу германской стратегии, но с другой стороны, — при ограниченности войск, которыми располагают немцы, и трудности сообщений в Македонии, — немцы вряд ли могут рассчитывать на серьезный успех, если им не будет обеспечено содействие греческой армии ударом в тыл генерала Саррайля.

Письмо Базили 21 (8) декабря 1916 г.

Ставка. 8 декабря 1916 г.

Весьма доверительно.

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

Насколько я могу судить, возвращение в ставку генерала Алексеева становится вновь более вероятным. Здоровье его поправляется. По его просьбе, ему ежедневно посылаются по прямому проводу, соединяющему ставку с Севастополем, все главные данные об операциях. С другой стороны, положение генерала Гурко, повидимому,

не укрепляется. Все более распространяется мнение, что заместитель генерала Алексеева не может сравниваться с ним в отношении обдуманности решений. Ни генерал Гурко, ни генерал Лукомский, новый генерал-квартирмейстер, не обладают теми громадными знаниями и опытом в области техники движения войск, благодаря которым генерал Алексеев был незаменимым «начальником штаба». С другой стороны, до меня продолжают доходить слухи, будто независимые манеры генерала Гурко производят на верхи неприятное впечатление. Впрочем, вы знаете, как трудно в этой области что-либо предсказывать, и, быть может, нас здесь ожидают еще сюрпризы.

По предложению генерала Гурко, решено учреждение должности помощника начальника штаба. Должность эта предложена генералу Клембовскому, бывшему начальнику штаба юго-западного фронта, ныне командующему одной из армий. Говорят, Клембовский — человек талантливый.

И. Базили.

Письмо Базили 21 (8) декабря 1916 г.

Доверительно. *Ставка. 8 декабря 1916 г.*

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

Штаб вновь образованного румынского фронта уже сформирован и находится в главной квартире короля Фердинанда в Бырладе [1]).

Я спрашивал как генерала Гурко, так и генерала Лукомского, предполагается ли оставить генерала Сахарова помощником короля—главнокомандующего, несмотря на тяжелый и неуживчивый его характер. Они мне сказали, что не скрывают от себя недостатков генерала Сахарова, но что выбор этот не предполагается менять. Генерал Лукомский очень оплакивает это назначение, но мирится с ним ввиду весьма ограниченного количества имеющихся у нас хороших генералов. Как он надеется, недостатки Сахарова в известной мере будет искупать его начальник штаба Шишкевич, отлично умеющий ладить с людьми. У Шишкевича с Сахаровым хорошие отношения. Шишкевич говорит по-французски, хотя и плохо, Сахаров же ни слова по-французски не знает.

---

[1]) Согласно телеграмме, посланной 22/XI 1916 г. на имя царя румынским королем Фердинандом, последний был назначен командующим всеми действующими в Румынии армиями (т.-е. и русскими войсками, действующими южнее левого фланга армий ген. Лечицкого), причем ему в помощники был назначен ген.-от-кав. Сахаров (см. тел. Базили от 24/XI 1916 г. № 1083). Останавливаясь на вопросе о распределении функций и о взаимоотношениях между командующим румынским фронтом и его помощником, Поклевский в своей телеграмме от 30/XI 1916 г. № 731 отмечал, что вопрос о назначении Фердинанда командармом является вопросом династическим и что «его величество, по словам королевы, будет фактически безусловно подчиняться во всем Сахарову».

Миссия генерала Беляева считается законченной. Ему, вероятно, будет дано командование на румынском фронте. Он получит, вероятно, дивизию, так как генерал Гурко не считает его достаточно подготовленным, чтобы управлять корпусом. Временно он, впрочем, может быть, будет заменять на румынском фронте командира одного из корпусов. Существует также предположение вызвать его ко времени собрания предстоящей военно-политической конференции.

Начальник штаба изъявил согласие на назначение Богоявленского дипломатическим чиновником при румынском фронте с подчинением его начальнику штаба.

Генералом Гурко через генерала Жанен делаются сношения с французской главной квартирой, в видах изменения роли генерала Бертело [1]). Последний состоял, как и генерал Беляев, как бы военным советником короля румынского. При новом порядке управления армиями на румынском фронте, оставление генерала Бертело в прежней роли не представляется возможным. Обращая на это внимание французского высшего командования, наш штаб просит однако об оставлении генерала Бертело в Румынии, но уже в качестве инструктора, ввиду значительной пользы, которую он и его офицеры могут принести в этой роли.

Н. Базили.

Отношение директора дипл. канцелярии при верх. главнокомандующем на имя тов. мин. ин. дел 21 (8) декабря 1916 г. № 1826.

Весьма секретно.

Милостивый государь

Анатолий Анатолиевич.

Имею честь представить у сего вашему превосходительству в копиях телеграмму президента Французской республики на высочайшее имя от 6(19) сего декабря, ответную телеграмму его императорского величества от сего числа и записку, переданную начальнику французской военной миссии генералу Жанен от имени нашего верховного командования для передачи французскому высшему командованию

[1]) Ген. Бертело был командирован в Румынию в конце сентября 1916 г. в сопровождении 25 французских офицеров разных специальностей. В телеграмме от 28/IX 1916 г. № 1034 Базили писал: «Начальник штаба относится мало сочувственно к создаваемому таким образом расширению французского влияния в Бухаресте, но не отрицает, что оно в некоторых отношениях может принести пользу... На посылку в Румынию французского генерала решено ответить командированием туда генерала Беляева».

По словам Поклевского (см. тел. его от 30/XI 1916 г. № 731), ген. Сахаров склонен был рассматривать миссию Бертело исключительно как инструкторскую и «не признавал возможным обсуждать военные действия в военных советах при короле».

в связи с помянутой телеграммой г-на Пуанкарэ и в дополнение к ответной телеграмме его величества.

Означенные весьма секретные документы касаются положения на румынском фронте. В записку, переданную генералу Жанен, помимо более подробного изложения военных обстоятельств, чем в ответной телеграмме его величества, включены некоторые указания по вопросу об ответственности за события в Румынии, которые признано было более удобным не вводить в текст высочайшего ответа, но вместе с тем сочтено было полезным не замалчивать.

Н. Базили.

Копия сообщения, переданного 19 (6) декабря 1916 г. французской военной миссией в штаб верх. главнокомандующего, с текстом телеграммы Пуанкарэ на имя Николая Романова [1].

Ставка. 19 (6) декабря 1916 г.

Телеграмма президента Французской республики его величеству императору Российскому: «Я не могу скрыть от вашего величества серьезного беспокойства, которое все больше и больше внушают французскому общественному мнению румынские события. Правительство республики и генерал Жоффр сообщили генералу Жанену свои соображения по поводу создавшегося положения. Генерал Жанен сможет изложить их вашему величеству, если ваше величество пожелаете дать ему для этого аудиенцию. Мы опасаемся, что уступка территории в поисках лучшей оборонительной линии может повлечь за собою в будущем сокращение пополнения румынской армии, оставит в руках неприятеля ценные ресурсы, вынудит отложить всякое наступление против Болгарии, лишит таким образом салоникскую армию всякой возможности развить соответствующие действия и подвергнет в ближайшем будущем реальной опасности эту армию, поставив ее между численно усилившимися немецко-болгарскими войсками и недоброжелательно настроенными греческими частями. Поступающие из Румынии сведения заставляют нас, кроме того, опасаться наступления в стране опасного морального упадка, который может способствовать пацифистским интригам среди наших союзников и попыткам раскола.

Представляя эти данные на благосклонное рассмотрение вашего величества, я убежден, что ваше величество со свойственной вам мудростью сумеете произвести всестороннюю оценку этого угрожающего положения и указать меры, которые могли бы его улучшить.

Прошу ваше величество быть уверенным в моей преданности.

Раймонд Пуанкарэ.

---

[1]) Перевод с французского. В хранящейся в Архиве Внешней Политики копии сообщения дата воспроизводимой в нем телеграммы отсутствует.

Копия телеграммы Николая Романова на имя Пуанкарэ 21 (8) декабря 1916 г.[1]).

8 (21) декабря 1916 г.

Я вполне присоединяюсь, господин президент, к вашей оценке положения, создавшегося в связи с военными событиями в Румынии. Так же, как и вы, я очень сожалею об уступке неприятелю значительной части румынской территории.

Если пришлось пойти на отступление, то это было сделано лишь под давлением настоятельной необходимости. Генерал Жанен должен был ознакомить высшее французское командование с причинами, вызвавшими такое положение. Прежде всего — это, к несчастью, почти полный разгром румынской армии и затем — недостаток в перевозочных средствах.

Недостаточность румынской железнодорожной сети дала себя знать до такой степени, что в один прекрасный день мы должны были отказаться от посылки новых подкреплений на помощь румынской армии, так как румынское командование заявило, что оно не в состоянии гарантировать их своевременную перевозку. При таком положении вещей отступательное движение наших войск, если того потребует необходимость, может развиваться на некоторой части румынской территории с тем, чтобы ускорить соединение частей с посланными им подкреплениями, вынужденными, отправляясь к месту назначения, делать длинные переходы пешком, ввиду слабости путей сообщения.

Что касается возобновления наступления, то отход войск, если он и будет продолжаться, не сможет ему помешать, так как линия, к которой стягиваются наши войска, дает возможность перехода в наступление.

Будьте уверены, господин президент, в том, что мой штаб напрягает все свои усилия к тому, чтобы улучшить положение на румынском фронте. В частности, он озабочен принятием всех мер, которые могли бы быть выполнены румынскими властями.

Прошу вас, господин президент, быть уверенным в моей неизменной дружбе.

Николай.

Копия записки, переданной ген. Жанен от имени русского верховного командования 21 (8) декабря 1916 г.[2]).

Вступление Румынии в войну произошло в условиях, которые мы не можем считать особо благоприятными с точки зрения общего плана войны. Отвергая решения, которые мы считали одновременно более удобными для нас и более выгодными для них, они настояли

[1]) Перевод с французского.
[2]) Перевод с французского.

на том, чтобы взять на себя как распределение сил, так и план действий, упорно настаивая на закреплении за ними области, являющейся предметом их притязаний. Отсюда — плохое распределение сил, оказавшее влияние на весь дальнейший ход событий.

Между тем, по истечении нескольких недель, мы все должны были отдать себе отчет в том, что военная доблесть нашего нового союзника не оправдала наших надежд и наших предположений. Недостаток обучения и выдержки в его войсках обманул все ожидания. Как только стало возможным до известной степени установить это, мы решили послать ему на помощь значительные силы, численность которых достаточно свидетельствует об интересе, проявленном нами в этом отношении.

Их перевозка, — не говоря о времени, понадобившемся для того, чтобы принять меры предосторожности на фронтах, с которых они были взяты, — была невероятно задержана в силу слабости железнодорожной сети, усугубленной разницей в ширине колеи.

Позже, когда положение стало угрожающим на западе Валахии, 14 ноября ст. ст. румынской ставке было предложено отправить по направлению к Бухаресту часть сил, сконцентрированных нами на левом фланге IX армии, отказавшись в то же время от намеченного для последней наступления. Но румынская ставка, ссылаясь на невозможность доставить необходимый подвижной состав, отказалась от этой прямой поддержки и потребовала от нас перехода в наступление IX армии через Карпаты в направлении Czic Serèda.

Вскоре после этого последовал внезапный крах румынской армии — после перехода неприятелем Дуная.

Был известный риск в посылке отдельных частей русских войск в малонадежную среду, под командование, действия которого не могли внушать доверия, — в то время как его придирчивые требования вызывали задержку в отправке.

Русские войска не смогли предотвратить отступление, и наши генералы должны были, скрепя сердце, уступить территорию. Вытекавшие из этого невыгодные последствия, как в смысле ресурсов, оставленных неприятелю, так и с точки зрения будущего пополнения румынской армии, не терялись с того времени из виду, и все меры были приняты к тому, чтобы их устранить. Пока не произошло соединение с другими русскими частями, посланными на помощь, отступление должно было продолжаться. Не потому, чтобы искали более надежную позицию, но потому, что румынские части, находившиеся справа в северной части Валахии и совершенно истощенные, не оказывали никакого сопротивления. Очень горько и тяжело, когда приходится оставлять русскую деревню, но еще тяжелее, быть может, было для наших войск оставлять неприятелю часть территории союзника, нуждающегося в помощи.

Это чувство должно явиться верной порукой того, что, если только этому не помешает исключительная военная необходимость, русские

войска будут удерживать линию, которую они занимают в настоящее время. Приготовленные позади этой линии позиции предназначены на тот случай, если слишком сильный для наличного состава румынских войск натиск будет грозить им лишением возможности в дальнейшем защитить Молдазию и прикрыть подход находящихся еще в дороге подкреплений.

Этот подход совершается, по нашему мнению, слишком медленно. Можно быть уверенным в том, что все меры будут приняты к тому, чтобы сделать его как можно более быстрым. К несчастью, этому препятствует бедность железнодорожной сети на границе, где война казалась еще менее вероятной, чем на всякой другой, недостаток дорог, трудность снабжения продовольствием. Все это—вещи, значение которых трудно понять, не зная местных условий. Расчеты, которые невольно базируются на опыте западно-европейских стран, находящихся в этом отношении в более счастливых условиях, слишком часто ведут к ошибочным заключениям.

Развал румынской армии, которая за время отступления растаяла настолько, что насчитывает лишь очень небольшой состав, заставляет выждать восстановления этой армии для того, чтобы начать намеченное совместное наступление против Болгарии. С другой стороны, велась подготовительная работа к тому, чтобы усилить железнодорожную сеть в этой области с тем, чтобы обеспечить путем правильного снабжения продовольствием возможность крупных операций. В этом отношении приняты соответствующие меры.

Все возможное будет сделано для того, чтобы добиться этого, а равно всего, что может улучшить положение в Румынии.

Письмо Базили 26 (13 декабря) 1916 г.

Весьма секретно. *Ставка. 13 декабря 1916 г.*

Глубокоуважаемый

Анатолий Анатолиевич.

В обстоятельной беседе со мной генерал-квартирмейстер при верховном главнокомандующем поделился опасениями, которые внушает нынешнее положение на румынском фронте.

По мнению генерала Лукомского, в течение последних дней выяснилось, что противники наши не удовольствуются достигнутыми в Румынии результатами и готовятся сильным натиском на наши линии отодвинуть нас еще дальше на восток.

Заключение это основывается, прежде всего, на том, что на участке фронта между Дунаем и Карпатами расположено, по сравнению с длиной этого участка, очень значительное количество неприятельских сил. Густота неприятельских сил достигает такого же коэфи-

циента только на жизненных для неприятеля пунктах, а именно на направлениях, прикрывающих Львов и проходы из Галиции в Венгрию. За последнее время наблюдается увеличение количества вражеских войск на нашем румынском фронте. Против него, по последним данным, находится уже около 26 [1]) дивизий. Силы неприятеля на этом фронте оцениваются в штабе примерно в 250 000 штыков. Затем получены сведения о перевозках германских частей с западного фронта на восток. Конечно, пока трудно сказать, переводятся ли все эти части на наш фронт, но можно думать, что, по крайней мере, в ближайшее время они будут использованы не на македонском, а на нашем румынском фронте.

Количество наших сил на этом фронте определяется в настоящий момент в 196 русских и приблизительно 102 румынских батальонов, всего 298 батальонов. Румынская армия заключает теперь только 6 дивизий, которые не могут по своему боевому значению оцениваться больше, чем в 4 дивизии; VI дунайская армия генерала Цурикова, которая теперь уже почти полностью выведена из Добруджи на левый берег Дуная, состоит теперь из 3 корпусов, с придачей одного кавалерийского; IV армия генерала Рагозы, занимающая место между румынской и VI армиями, состоит теперь из трех корпусов и одного кавалерийского, переведенного из армии Цурикова. Можно считать, что всего с нашей стороны на этом фронте выставлено 210 000 штыков, из коих 140 000 русских. У генерала Лечицкого в IX армии теперь находится 5 корпусов. Приблизительно через месяц на фронт подойдут три корпуса: один вольется в IV армию, один в VI, один в IX. Три недели спустя придут еще два корпуса: один войдет в IV армию, другой в VI. Серьезность положения на румынском фронте создается, главным образом, недостаточностью сообщений. Вследствие этого наши армии испытывают большие трудности в продовольствовании. Начинают появляться жалобы на недостаток в подвозе снарядов. Трудность сообщений еще увеличивается вследствие прекращения движения судов по Дунаю. Затем необходимо принять в соображение превосходство неприятеля как в отношении тяжелой артиллерии, так и в отношении морального состояния войск. При таком положении, по мнению генерала Лукомского, приходится серьезно считаться с тем, что мы можем быть вынуждены отойти от оборонительной линии Фокшаны — Браилов и стать на линию Серета или даже Прута. В настоящее время противник прилагает усилия, чтобы пробиться в еще надлежащим образом не заполненный промежуток между армией генерала Лечицкого и румынским фронтом, т.-е. в районе Окна — Фокшаны. Одновременно он производит нажим между IV и VI армиями.

---

[1]) Установленных дивизий — 22½, неустановленных — 7½; соответственно этому число действующих против нас дивизий можно принять равным 26. *(Примечание подлинника.)*

Почти вся Добруджа нами уже очищена, и мы потому уже три дня как перестали пользоваться Дунаем. Только у Браиловского моста мы пока удерживаем на правом берегу Дуная «тэт-де-пон».

К изложенному позволяю себе прибавить несколько сообщенных мне инж. Паукером сведений о путях сообщений в тылу румынского фронта. В самой Румынии, откуда Паукер недавно возвратился, железные дороги пришли в такое состояние, что на них трудно рассчитывать. Румынские дороги никогда не были подготовлены к массовым перевозкам; когда перед румынами предстали трудности, они совершенно не сумели с ними справиться. Благодаря непонятной пассивности нашей военной миссии, дороги в Румынии не были своевременно взяты в наши руки. В оправдание генерала Беляева надо сказать, что он послан был в Румынию с голыми руками. В результате, дороги оказались совершенно дезорганизованными. Генерал Брусилов жалуется, что скорость передвижения эшелонов не превышает 25 верст в сутки, и что при таких условиях невозможно прокормить людей на фронте.

Положение еще усложнилось благодаря тому, что наши южные дороги тоже не были своевременно подготовлены к исполнению выпавших теперь на них задач и вскоре оказались забитыми. Принятыми в последнее время мерами положение на юго-западной сети улучшилось. Количество недоставленных по назначению вагонов постепенно сокращается. В настоящее время можно считать, что на Рени подается 300 вагонов в день и столько же на Унгени. Кроме того, около 250 вагонов в день можно провести в Румынию через Черновцы.

Принимается ряд мер к созданию новых путей в тылу румынского фронта. 1 января откроется движение Одесса—Аккерман до устья Днестра, мост через который будет готов к 1 марта. От Аккермана уже проложен путь до станции Бессарабской. От этой линии строится ветка до Измаила; она должна быть готова к 1 апреля. Начата постройка линии от станции Бессарабской до Зорлени в Румынию; движение на этой линии предполагается открыть к 1 мая. На линии Бендеры — Унгени сооружается вторая колея, что частями уже выполнено. Готова дорога от Каменец-Подольска до Ларги. Начата постройкой дорога от Доржени до Михайлени. Приступлено к сооружению линии от Белец до Унген; линия эта должна быть готова через 4 месяца. Наконец, через 2 месяца откроется движение между Николаевым и Василиново на линии Одесса—Вознесенск. Предполагается перешить на широкую колею румынские линии от Галаца через Бырлад до Ясс и Доржени. Мост между Галацем и Рени уже сооружен. В настоящее время ведущие в Румынию железнодорожные линии могут удовлетворить, и то лишь в недостаточной мере, потребности по снабжению армии. Все подкрепления и пополнения приходится отправлять походным порядком. Войска идут из Белец и из Одессы. Некоторое улучшение наступит, когда откроется движение между Одессой и Аккерманом. Если обстановка существенным образом не изменится, дело

перевозок в тылу румынского фронта резко повернется к лучшему через 4 месяца: тогда к фронту можно будет доставлять, примерно, в четыре раза больше вагонов.

Ввиду крайне неблагоприятного влияния на ход операций расстройства движения на румынских железных дорогах, генерал Гурко сносится в настоящее время с генералом Сахаровым о передаче в наши руки управления всеми румынскими дорогами.

Н. Базили.

(Окончание следует.)

Крым в 1918—1919 гг.

*Окончание *).*

ОСВЕДОМИТЕЛЬНЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ В СИМФЕРОПОЛЕ НА ИМЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ ПРИ СОЮЗНОМ КОМАНДОВАНИИ В КРЫМУ **).

Телеграмма 23 декабря 1918 г. ***).

Район Бердянска — спокойно. В городе Мелитополе спокойно. Северо-восточнее Мелитополя у д. Карнеевки столкновение с бандой в 260 человек. Банда рассеяна, настигнута и уничтожена. Наши потери: один офицер убит, трое ранено. Для ликвидации банды в Ново-Васильевке, восточнее Мелитополя, выслана конница. Петлюровцами разобран путь, и движение поездов на юг прекращено. Среди татарских офицеров и солдат замечается сильное движение в пользу формирования татарских частей. Совет профессиональных союзов в Севастополе вынес резолюцию протеста против объявленной правительством мобилизации с зачислением в Добрармию. Резолюция признает необходимость создания Крымской национальной армии и одновременного очищения Крыма всеми другими вооруженными силами. Союзы послали депутацию к правительству. Лидер кадет Пасманик [1]) заявил: партия признает необходимость образования южной директории из трех лиц с вхождением в нее генерала Деникина. Его мнение: два других члена должны быть указаны генералом Деникиным. Демократические группы, по его мнению, не будут настаивать даже на одном социалисте. Декларация директории должна дать разрешение аграрного вопроса в смысле выкупа крестьянами через государство арендуемых земель. По мнению Пасманика, декларация директории заставит левые группы, попавшие поддержкой петлюровского движения

---

*) См. «Красный Архив», т. XXVIII, стр. 142—181.

**) Все телеграммы за декабрь, январь и февраль адресованы барону Нолькену; остальные генералу Аппельгрену.

***) В заголовках все даты отправления телеграмм указаны по новому стилю; в тексте телеграмм сохранен старый стиль подлинника (АОР, ф. 430, инв. № 259, д. д. № 3, 4, 10).

в затруднительное положение, отказаться от всякой связи с движением и всецело поддержать директорию. По указанию Пасманика, такова точка зрения партии, также краевого правительства. Обсуждается в печати предложение Родзянко... *) здешние демократические круги отрицают. Отмечается отсутствие в Малороссии аграрных волнений, в чем видят признак желания крестьянства получить землю законным путем. Симферополь. 10 декабря. № 0100. За наштаба... **).

Телеграмма 23 декабря 1918 г.

В районе Бердянска новых сведений не поступило. Из Керчи в Бердянск 9-го вечером направлено два орудия для усиления частей, действующих против Махно. По слухам, в районе Александровско-Попово группируются войска петлюровцев. Сотня кубанцев ночевала в районе станции Федоровка — Рейхенфельд. Ночью на восьмое декабря банда в 30 человек, назвав себя махновцами и петлюровцами, обезоружила варту в д. Шавкай — района Ново-Васильевки, восточнее Мелитополя, и взяла с населения пять тысяч рублей. Делегация городского и земского самоуправления Мелитополя выехала в штаб петлюровцев на ст. Попово для выяснения взаимоотношений. Наша часть в Перекопе, потребовавшая рабочих для исправления окопов, встретила отказ и угрозы населения. Требование наряда передано после сего городскому самоуправлению. В Каховке Совдеп требует разоружения офицерских частей и выдачи начальствующих лиц в Каховку ***). Махно понес поражение от немецких колонистов. Симферополь. 10 декабря. № 007. За наштаба полковник *Туган-Барановский.*

Телеграмма 26 декабря 1918 г.

В Бердянском районе без перемен. Мелитопольский район: бежавший из плена вартовый показал, что на станции Попово арестовано около 20 человек вартовых и военных, которых постепенно расстреливают. Банда до четырех [сот?] человек занимает разъезд Бурчацк, Окрак и ст. Попово. В Перекопском районе жители показали, что 10 декабря 50 петлюровцев перешли Днепр из Каховки на Берислявль. В Каховке спокойно. Население Чаплынки склоняется к большевизму. 25 декабря из Севастополя прибыло 2 транспорта французской пехоты. Высадка предположена сегодня. Агитация большевиков продолжается. В Севастополе на 26 назначен митинг протеста против событий в Одессе. Готовятся к съезду 29 декабря. Вырабатывается резолюция с требованием союзникам изменить враждебное отношение к демократическому движению Петлюры. Большевистское настроение растет. Из Харькова привозится литература. Рабочие

*) Повидимому, пропуск.
**) В подлиннике подпись отсутствует.
***) Так в подлиннике.

дружины Севастополя снабжают население оружием. В Мелитопольском уезде оперируют шайки каторжанина Опанасенко, петлюровца, и банды бывшего офицера Бочкова, грабительские. Симферополь. 13 декабря. № 024 *).

Телеграмма 29 декабря 1918 г.

Из Бердянского района сведений не получено. В Мелитопольском районе, по сведениям беженцев, в Тимошевку и Михайловку, северо-западнее ст. Федоровка, прибыли на 50 подводах махновцы и начали расстреливать мобилизуемых и зажиточных. Меры к ликвидации приняты. Кадры 8-го Украинского корпуса сегодня утром прошли Каховку, направляясь к Перекопу. Связь установлена. В Севастополе все последние дни настроение было особенно напряженным, были получены сведения о приезде в город целого ряда известных большевиков. Однако, в связи с высадкой десанта, начинают получаться сведения об отъезде большевистских деятелей. В Симферополе большевистская агитация ведется почти открыто. Левые газеты приняли несколько более сдержанный тон. Получены сведения о хорошем впечатлении, произведенном на сельское население северных уездов отрядом генерала Петренко. Газеты и общественные круги единодушно указывают на громадное значение для расположения населения к армии политической декларации, продовольственной помощи населению от имени Добрармии. Симферополь. 16 декабря. № 052. За наштаба полковник *Дорофеев*.

Телеграмма 31 декабря 1918 г.

В Бердянском районе без перемен. В Мелитопольском районе кубанская сотня выступила из с. Рейхенфельда на Михайловку и Тимошевку для ликвидации банд. По сведениям жителей, Никополь и Каменка заняты петлюровцами. По сведениям французов, в Николаеве происходит разоружение немецких войск французскими. Крестьяне...**) уезда просят оружия против большевиков и указания способов присоединения к частям Добрармии. В Керчи участились вооруженные грабежи, вчера убиты 2 агента сыскной полиции при обыске. В Феодосии вчера были случаи срывания погон с солдат и бросанье камней в офицеров на улице. В Симферополе настроение нервное в связи с случаем самочинного обыска. Симферополь. 18 декабря. № 79. *Пархомов*.

Телеграмма 2 января 1919 г.

В Симферополе советом профессиональных союзов вынесена резолюция требовать от правительства освобождения арестованных чинами Добрармии рабочих, причастных большевизму, также гарантии, что подобные аресты не повторятся, и наказания чинов, производивших

*) В подлиннике подпись отсутствует.
**) Не разобрано.

аресты. В случае невыполнения требования в трехдневный срок объявляется всеобщая забастовка. Резолюция была напечатана в газетах и расклеена по городу. Настроение в городе тревожное. Частые случаи грабежей на улице. На вокзале вчера был случай срывания погон и разоружения офицеров. Из северных уездов сообщают о необходимости широкого осведомления населения о союзниках и Добрармии. Большевиками распускаются слухи о признании союзниками петлюровской директории. В печати и торговопромышленных кругах указывается на желательность принудительного обложения в пользу Добрармии. Указывается, что при этом многие сделают свои взносы очень охотно, но не решаются сделать это добровольно. Симферополь. № 085. *Пархомов.*

Телеграмма 3 января 1919 г.

Профессиональные союзы обсуждают вопрос о всеобщей забастовке. Есть сведения об отъезде большевиков из Севастополя и Симферополя в связи с неудавшимся, благодаря союзному десанту, выступлением. Документально установлена связь Махно с большевиками. Получено сообщение о подчинении Краснова верховному командованию Добрармии. Телеграмму эту сообщите Никитенко. № 43. *Кирпичников.*

Телеграмма 3 января 1919 г.

В Керчи два случая убийств и грабежей. В Евпатории, в связи с прибытием туда посланной сотни таманцев, наступило успокоение. Шайка отброшена к каменоломням. В Симферополе, Севастополе, Ялте настроение тревожное, особенно в Ялте, где, в связи с невыясненными еще расстрелами трех лиц и разгромом редакции «Нашей Газеты», напечатавшей об этом статью под заглавием «Застенок», сильное возбуждение рабочих. Объявлена забастовка. В Симферополе происходит железнодорожный съезд. Постановления будут сообщены завтра. В газетах напечатан приказ командующего с подтверждением офицерам воспрещения арестов и обысков. Приказ вызвал частичное удовлетворение, печать настаивает на предании суду уже сделавших [воспрещенные] в приказе действия. Правительством опубликована декларация, в которой указывается, что арестованные выпущены не будут, как обвиняющиеся в уголовных деяниях. Остальные желания профессиональных союзов правительство считает уже исполненными. Руссофильская группа татар выступила с протестом против залога курултаем вакуфных имуществ Турции. Группа требует категорического опровержения этих сообщений. По сведениям офицера для связи с союзниками, Севастополь... *).

Телеграмма 4 января 1919 г.

Благодаря усилиям правительства, особенно левых его членов, и мерам, принятым нами, конференция профессиональных союзов

*) Конец телеграммы в подлиннике не расшифрован.

в Симферополе отклонила немедленное объявление всеобщей забастовки. Постановлено выждать, для выяснения, будут ли проведены в жизнь меры, гарантирующие от самоуправных действий чинов Добрармии. В Ялте забастовка также пока отклонена. Штаб обратился к правительству с предложением назначить комиссию с участием чинов штаба для срочного расследования имевших место в Ялте самоуправных действий и привлечения виновных к строгой ответственности. Сделанное в правительственной декларации сообщение, что командование приняло уже меры для привлечения к ответственности виновных в симферопольских арестах, произвело благоприятное впечатление и сочувственно встречено печатью. Железнодорожный съезд постановил присоединиться к протесту против самочинных действий отдельных чинов Добрармии. По существу, съезд отнесся к армии благожелательно. Члены съезда не признают забастовку допустимой мерой протеста или поддержки своих требований. В Керчи, по постановлению думы, городской голова просил коменданта об охране города во время праздников. Один из высланных патрулей имел перестрелку с разбойничьей бандой. 22 декабря. № 73. *Пархомов.*

Телеграмма 7 января 1919 г.

Несмотря на различные препятствия, путем долгих переговоров было достигнуто соглашение с правительством по вопросу обысков и облав для [?] населения. Вчерашней ночью были произведены первые обыски вокзальной части города: отобрано десять ящиков патронов, винтовки, револьверы, найдены телефоны *).

Телеграмма 9 января 1919 г.

В результате длительных переговоров совет министров согласился опубликовать обязательные постановления: 1) Запрещение движения на улицах после 24 часов ночи, причем наблюдение за исполнением постановления охраны города возлагается на Добрармию. 2) Рестораны закрываются в 24 часа; для общего наблюдения за поведением в ресторанах и публичных местах штаб назначает специальных офицеров. 3) Все оружие населением должно быть сдано; разрешения на хранение оружия выдаются только министром внутренних дел; копии разрешений сообщаются штабу; наблюдение за исполнением постановления имеют патрули Добрармии. Газетами помещено сообщение о принятии Крымпрофом резолюции с призывом в случае повторения самочинных действий чинов Добрармии быть готовыми к общему активному выступлению.

Общее положение остается напряженным. В Ялте на улице убит вольноопределяющийся Адамович. Из Севастополя сообщают о ведущейся среди французских команд большевистской агитации, [агита-

*) Подпись отсутствует.

торы], несмотря на приказы, не задерживаются. Правительство для борьбы с этой агитацией выпускает на французском и на английском языках бюллетени. Штаб принял меры использования бюллетеней в целях осведомления Добрармии. В Армянске отрядом Добрармии уничтожено большое количество самогонки. Симферополь. 26 декабря. № 87. Ген.-лейт. *Пархомов.*

Телеграмма 10 января 1919 г.

Получаются сведения, что большевики постановили организовать нападения и убийства отдельных чинов Добрармии. Крымское правительство запрошено штабом о мерах, которые приняты в предупреждение таких убийств, нападений. Из Мелитополя сообщают о прибытии беженцев из Екатеринославской и Харьковской губерний, бегущих от Петлюры и большевиков. Некоторые записываются в Добрармию. Прибыли также учителя из Царицына Кута, разгромленного шайкой. Группы рабочих и татарского населения заявляют о сочувствии Добрармии, ждут от армии борьбы со спекуляцией и дороговизной, снабжения населения предметами первой необходимости. В Симферополе сегодня ночью произведены снова обыски оружия. Симферополь. № 91. *Пархомов.*

Телеграмма 11 января 1919 г.

На выборах в Евпаторийскую думу социалисты вместо 45 мест получили восемь. Победили деловой и прогрессивный списки. Правительством опубликовано обязательное постановление о закрытии ресторанов и театров в двенадцать часов ночи. Завтра в Симферополе открывается губернский крестьянский съезд. Намечается благожелательное отношение крестьянства к армии, ожидание от нее порядка, экономической помощи. В Днепровском уезде отношение населения к армии благожелательное, население ожидает быстрой помощи. Отдельные деревни обращаются с просьбой об охране. Уездный комиссар в Алешках объявил украинскую мобилизацию, заявив себя сторонником Петлюры. Назначенный нами воинский начальник отменил эту мобилизацию и объявил свою. Крымские газеты поместили сведения из Одессы об очищении германскими войсками, поддержанными английскими судами, Николаева от петлюровцев. Сообщается, что убийства германских солдат петлюровцами вызвали резкий отпор и подъем дисциплины в германских частях, распустивших совдепы, готовых к боевым действиям. Симферополь. № 95. Ген.-лейт. *Пархомов.*

Телеграмма 12 января 1919 г.

В связи с имевшими место в Ялте самочинными действиями группы офицеров в виде установления цензуры местных газет [2]) в рабочих кругах началось снова возбуждение, также обсуждение вопроса о полити-

ческой забастовке. Сегодня в город вступили части отряда генерала Васильченко *), произведшие на население хорошее впечатление дисциплиной, порядком. В похоронах убитого принимало участие все татарское население города. Сегодня в мечети назначено общее собрание татар с участием духовенства для обсуждения убийства. О причинах и обстоятельствах убийства производится дознание. Местная печать посвящает статьи случаям в Феодосии и Ялте, называя их явлениями большевизма Добрармии. Симферополь. № 101. Ген.-лейт. *Пархомов.*

Телеграмма 13 января 1919 г.

Получены сообщения о бывших в Ялте случаях обстрела караулов. Сегодня в Ялту выехала комиссия для расследования убийства Гужона. В заседании думы в Карасубазаре профессиональные союзы настаивали на передаче охраны города, на вооружении рабочих, указывая, что иначе составленная охрана вызовет вооруженные столкновения с рабочими. Из Днепровского уезда сообщают о колебаниях населения, расположенного к Добрармии, но получающего распоряжения петлюровцев. В связи с событиями в Сибири замечается раскол в партии эсеров, побеждает правое течение, условно поддерживающее Добрармию. Симферополь. № 107. Ген.-лейт. *Пархомов.*

Телеграмма 14 января 1919 г.

В Севастополь прибыл командующий французским отрядом. В Карасубазаре толпой сделана попытка самосуда над офицером корчемной стражи, сорвавшим повешенную на улице большевистскую прокламацию. Немецкие колонисты и татары, отчасти русское население в Симферопольском уезде заявляют, что лучшее средство агитации за армию, в частности за запись добровольцев,— организация вооруженной борьбы с грабителями путем посылки по деревням небольших отрядов, также инструкторов офицеров для устройства местной самоохраны. Симферополь. № 112. *Пархомов.*

Телеграмма 15 января 1919 г.

Вместе с французским старшим начальником полковником Рюлле прибыли в Севастополь отряды санитаров и сапер, общей численностью 400 человек. Ввиду невозможности для французского командования послать миноносцы в Евпаторию старший офицер англоброненосца приказал двум англоминоносцам, направлявшимся в Одессу, зайти в Евпаторию. Миноносцы прибыли в Евпаторию. Сегодня на броненосце «Мирабо» для морских офицеров полковником Нолькен будет сделано сообщение о положении Добрармии. Такое сообщение будет

*) В подлиннике сноска: «30/XII остатки VIII корпуса, прорвавшиеся из Екатеринослава».

повторено для сухопутных офицеров. Французским радио получено сообщение о прибытии в Париж посла Нуланса, потребовавшего энергичного вмешательства в русские дела. Почтово-телеграфные служащие в Крыму предъявили ультимативно правительству требование повысить оклады, угрожая забастовкой, через две недели. В Евпатории на выборах городского головы в управе [представители] татар в связи с последними событиями поддержали прогрессивный список вместо более правого — делового. Избраны кадеты, один социалист. Симферополь. № 116. Ген.-лейт. *Пархомов.*

Телеграмма 19 января 1919 г.

Сегодня опубликовано правительством обязательное постановление о прекращении движения по улицам Симферополя после двенадцати часов ночи. Население районов, где действуют шайки, обращается в штаб с просьбами о помощи организации охраны, выдаче оружия. Сегодня удовлетворена такая просьба жителей Перекопского уезда. В Симферополе и Севастополе опубликованы избирательные списки в городские думы, началась предвыборная кампания. В связи с происходящими грабежами и нападениями в уездах наблюдается обострение национальной вражды татарского и русского населения, в городах замечается обострение отношений к евреям в связи с их активной ролью в большевистском движении. Симферополь. 6 января. № 151. *Пархомов.*

Телеграмма 27 января 1919 г.

[В Мелитополе *), по приказанию генерала Тилло, произведены аресты членов земской городской управы, в числе арестованных—городской голова Алексеев. По донесению ген. Тилло, причиной ареста является агитация против мобилизации. Из числа арестованных Миркович убит при попытке к бегству.] Заканчиваются сегодня выборы в Симферопольскую городскую думу; по предварительному подсчету, голосовало не более 25 процентов избирателей. Согласно желанию группы татарского населения, командкрым на 25 января приказал собрать съезд представителей татар для призыва их к всемерной помощи армии. Симферополь. 14 января. № 196. *Пархомов.*

Телеграмма 28 января 1919 г.

Выборы в Симферопольскую думу дали 20 кадет, 17 татар, 11 эсеров, 13 эсдеков, 3 сионистов, 3 промышленников, 2 беспартийных. Кадеты выиграли 17 мест, эсеры совершенно потеряли господствующее положение. 31 января назначены выборы в новый курултай. Предвидится менее самостийный состав. Прежние руководители частью

*) Взятое в прямые скобки в подлиннике зачеркнуто. Здесь же помета: «Прошу перевести».

покинули Крым. Правлением крымского крестьянского союза указано на чрезвычайно важное значение, которое может иметь помощь Д брармии сельскому населению в деле снабжения и открытия работ. Организованные штабом отряды самоохраны в уездах проявляют активную деятельность. Сегодня около села Николаевки Симферопольского уезда таким отрядом организовано удачное преследование шайки. Симферополь. 15 января. № 208. *Пархомов.*

Телеграмма 30 января 1919 г.

Эсеровский «Вольный Юг» посвятил сочувственную статью происходящей будто бы разработке Особым совещанием Добрармии политической декларации, а также нового положения о местных самоуправлениях. По сведениям учебного начальства последние дни в связи с осведомлением о Добрармии замечается изменение отношения к ней со стороны студентов, также учащихся средне-учебных заведений. Началась запись учащихся добровольцев. В уездах отдельные столкновения шаек с отрядами самоохраны. В городах без перемен. 17 января 1919. Симферополь. № 234. *Пархомов.*

Телеграмма 1 февраля 1919 г.

Феодосийские городские выборы дали равное число гласных левых и центра. Близ станции Сейтлер воинским отрядом расстреляно три грабителя, арестовано двадцать семь. Отобрано много награбленного имущества. Отряд, высланный для очистки села Михайловки Мелитопольского уезда, был обстрелян. После нескольких артиллерийских выстрелов отряд беспрепятственно вошел в село. Четверо зачинщиков расстреляно, остальные бежали, население выдало оружие. В Феодосию пришел из Севастополя английский контр-миноносец «Тюльбери». В течение последних дней в Симферополе произведены аресты большевиков, причем получено согласие правительства на производство арестов Добрармией без участия местных чинов. 18 января. № 249. Симферополь. *Пархомов.*

Телеграмма 9 февраля 1919 г.

Штабом опубликовано извещение, подтверждающее отсутствие разногласия между командованием и правительством. В конце извещения указано, что единство целей командования и правительства заключается в признании необходимости беспощадной борьбы с большевизмом и в воссоздании общероссийской государственной власти. Симферополь. 27 января. № 313. *Пархомов.*

Телеграмма 16 февраля 1919 г.

Союз инженеров постановил выработать обращение к правительству с указанием на необходимость твердых мер для борьбы с большевизмом. Состоялся созванный главноуполномоченным Барыковым,

по почину штаба, съезд представителей заводов Крыма и Таврии. Заводчиками была указана полная возможность для большинства заводов приступить немедленно к выработке сельскохозяйственных машин, также других фабрикатов, при получении топлива и металла, также некоторого авансирования. Есть много уже наполовину готовых фабрикатов, недостатка рабочих рук нет. Съездом была указана необходимость разрешения государственному банку кредитовать заводы не только под фабрикаты, но и под самые заводы. Согласно поступающих из уездов заявлений, незначительное число являющихся на призыв зависит от плохого осведомления сельского населения о призыве. Совет министров постановил продлить срок явки. Приняты энергичные меры к оповещению населения. В связи с призывом, а также ожиданием прихода большевиков, в левой печати, особенно в газете «Прибой», появились статьи, сочувственные Советской власти. В полученных французских газетах тревожные статьи посвящены возможности усиления германского влияния в России. Симферополь. 3 февраля. № 352. *Пархомов.*

Телеграмма 15 марта 1919 г.

Французским командованием опубликовано, что сведения о приеме им делегации рабочих лишены оснований и что французы никогда с большевиками в переговоры не войдут. Однако, по достоверным сведениям, делегация была принята командиром «Мирабо», желавшим ускорить работы на броненосце. В Севастополе была объявлена забастовка на железной дороге, которая протекает частично и несорганизованно [3]). Сегодня землевладельцами и промышленниками отправлена союзному командованию делегация для указания необходимости принятия твердых мер прекращения пассивной политики краевого правительства по отношению к большевикам. В городах, в связи с положением фронта и ожиданием выступления большевиков, настроение тревожное. В начале будущей недели состоится земско-городской съезд, где будет поставлен вопрос о доверии правительству. Симферополь. 2 марта. № 115. *Пархомов.*

Телеграмма 16 марта 1919 г.

Общее положение в городах тревожное: население ожидает выступления большевиков. В Севастополе политическая забастовка. Нарушено движение на железной дороге. Правительством приняты законы о борьбе со спекуляцией, также об улучшении земельных отношений понижением арендной платы, заменой уплаты натурой деньгами. Вчера совет министров принял постановление об изъятии из гражданской подсудности [и передаче в] военно-окружной суд для суждения по законам военного времени всех дел о нападениях на чинов Добрармии, умышленной порче путей сообщения и военного имущества, также убийствах, кроме убийства в запальчивости и раздражении,

грабеже, разбое, — дел, предусмотренных статьями 100, 101, 102, 108, 108 первой, 126, 129, 131 уголовного уложения. В случае, если виновный застигнут на месте преступления, дело передается военно-полевому суду. Министрам внутренних дел и юстиции предоставлено, с утверждения совета министров, в отдельных случаях давать этому закону обратное действие. Депутация немцев-колонистов и землевладельцев была принята французским командованием. Обещана всемерная поддержка в защите Крыма против большевиков. Сегодня греческая депутация приехала к греческому командованию [и к(?)] командиру Севастополя. Поступают сведения, что благонадежное население Севастополя ожидает твердых мер для подавления забастовки. Симферополь. 3 марта. № 19. *Чернавин.*

Телеграмма 18 марта 1919 г.

В Севастополе забастовка захватила весь город, большевистская агитация ведется открыто, на улицах расклеены прокламации к офицерам и солдатам, требующие их разоружения. Благонадежная часть населения требует прекращения забастовки твердыми мерами, обвиняя власти в бездействии. В Симферополе положение тревожное, население ждет выступления большевиков. Союз строительных рабочих вынес постановление о признании Советской власти. Поступило заявление греческого населения о согласии сформировать греческий батальон Добрармии при условии одобрения этого греческим командованием. Немцы колонисты указывают на возможность привлечения их в Добрармию немедленным призывом в Перекопском уезде, причем, по их мнению, призыв должен быть произведен воинской силой. Общее отношение населения к Добрармии изменилось к худшему в связи с положением на фронте, открытой агитацией большевиков и неуверенностью в силе Добрармии. В последних переговорах с правительством сосредоточение... *). Симферополь. 5 марта 1919 года. № 121. *Пархомов.*

Телеграмма 19 марта 1919 г.

Земско-городской съезд в Симферополе заслушал доклад правительства. Прений пока не было. В Севастополе и Симферополе произведены аресты руководителей забастовочного движения, подготовлявших выступления. В районе Джанкоя собираются беженцы-немцы, желающие принять участие в защите Перекопа. Население Евпаторийского уезда обратилось в штаб с просьбой разрешить для той же цели сформировать партизанский отряд в пятьсот человек. Совет министров предоставил министру внутренних дел особые полномочия на территории всего Крыма: предоставлено закрывать издания, запрещать собрания, налагать административные взыскания. На основании

*) Конец телеграммы зашифрован.

этого полномочия министром запрещены публичные общественные собрания в Крыму. 6 марта 1919 г. № 124. *Пархомов.*

Телеграмма 19 марта 1919 г.

Забастовка в Севастополе идет на убыль. Движение в городе восстановлено. Магазины, базары торгуют. Движение поездов восстанавливается. Около Севастополя задержаны злоумышленники, пытавшиеся испортить путь. Попытка нарушить работу севастопольского водопровода предотвращена при участии французов [4]). В Ялте усилилась агитация большевиков, начались отдельные забастовки. Было покушение на начальника уезда, который легко ранен. В Симферополе при обыске помещений рабочего клуба четверо из присутствовавших отказались назвать себя, были задержаны, при конвоировании их конвоем расстреляны [5]). Обстоятельства выясняются. В заседании земско-городского съезда председателем совета министров было заявлено о предположении объявить всеобщую мобилизацию в городах. 6 марта 1919 года. № 126. *Пархомов.*

Телеграмма 20 марта 1919 г.

В Севастополе забастовка идет на убыль, несмотря на активное противодействие этому большевиков. Авторитет стачечного комитета падает в связи со сведениями о хищении им собранных денег. Предполагаются собрания союзов для пересмотра решения о забастовке. Аресты и обыски продолжаются. Севастопольская городская дума протестует против арестов. На земско-городском съезде удачными выступлениями министров резкая критика правительства левыми парализована. Объявлено о призыве всех лиц, образования первого и второго разрядов, родившихся с 1875 по 1898 год. Имевшие место твердые меры произвели на рабочих должное действие, сильно уменьшив ожидание ими большевиков. В Перекопском уезде немцы энергично организуются для защиты Крыма. 7 марта. № 130. *Чернавин.*

Телеграмма 21 марта 1919 г.

Земско-городской съезд в Симферополе закрылся. Перед закрытием эсеры заявили, что отзовут из правительства своего представителя, если правительство не станет на демократический путь. Крымпроф объявил о своем роспуске. В Севастополе конференция профессиональных союзов постановила забастовку прекратить и требовать освобождения арестованных. Большевистская резолюция отклонена 68 против 4[?]. Предполагавшаяся на сегодня забастовка в Симферополе не состоялась. В Ялте и Евпатории забастовки также отклонены. Опубликовано заявление министра Винавера о близкой помощи союзников. В связи с слухами о близком приходе греческих войск настроение в городах менее тревожное. № 135. *Пархомов.*

Телеграмма 22 марта 1919 г.

Заседающий в Симферополе татарский парламент, за отсутствием кворума, должен будет в ближайшие дни разойтись. Парламент потерял всякий авторитет в глазах населения. В связи с занятием большевиками Северной Тавриды в Крыму чрезвычайно растет дороговизна. Некоторые продукты исчезают с рынка. Забастовочное движение в городах ликвидируется, однако в связи с положением на фронте во всех слоях населения растет недоверие к силам Добрармии. Население возлагает надежду только на приход союзников. Марта 9. № 137. *Чернавин.*

Телеграмма 25 марта 1919 г.

Генерал Франше д'Эспере отбыл на броненосце «Мишле» в Одессу 10 марта в 16 часов [6]). Печати сообщено, что главное командование союзными силами в Крыму принял на себя полковник Рюлле [7]). В городах Крыма население ожидает прибытия союзных отрядов. Замечается усиленный отъезд из Крыма подлежащей призыву интеллигенции и городских жителей. Печать, в связи с приходом союзников, обсуждает вопрос о необходимости создания русской народной армии, куда как часть войдет Добрармия [8]). Лозунгом этой армии указывается Учредительное Собрание. 12 марта. № 147. *Пархомов.*

Телеграмма 27 марта 1919 г.

В связи с положением на фронте настроение в городах Крыма крайне тревожное, среди буржуазии — паническое. В Севастополе рабочие, под предлогом невыгодности платы, отказались грузить материалы для работ на Перекопе. Настроение прибывших в Крым греческих частей благоприятное для России. Особенное возмущение вызывают гонения большевиков на церковь. 14 марта. № 149. *Пархомов.*

Телеграмма 29 марта 1919 г.

Общее настроение в городах Крыма тревожное, что поддерживается распоряжениями правительства об эвакуации ценностей и других учреждений. Из уездов поступают сведения об активных действиях шаек, оживлении деятельности неблагонадежных элементов. Правительством утверждены законы боевых суточных всем воинским чинам, находящимся на фронте, в размере 10 рублей, также об обеспечении семейств всех призванных и добровольцев, с сохранением за состоящими на службе полного оклада содержания, выдачи несостоящим на службе пайка — 50 рублей на каждого члена семьи. В Феодосии неизвестными лицами, обезоружившими караул, уведены из тюрьмы 23 арестанта, среди них — видные большевики. Арестанты найдены в двух верстах от города убитыми. 16 марта. № 154. *Пархомов.*

Телеграмма 30 марта 1919 г.

Тревожное настроение в городах, в связи с положением на фронте, несколько уменьшилось. В Феодосии дума приняла резкую резолюцию с требованием расследования убийства арестантов в тюрьме. В связи с убийством усилилась большевистская агитация. Настроение тюрьмы тревожное. В Севастополе морским офицером в редакции «Вольного Юга» нанесено оскорбление действием члену редакции за помещенную статью. Печать поместила по этому поводу протестующие статьи, обращенные к командованию флотом. Правительством принят закон о передаче дел за нарушения правил хранения оружия в военный суд. 17 марта. № 157. *Чернавин.*

Телеграмма 31 марта 1919 г.

В Феодосии командиром французского миноносца приняты меры к успокоению города. Представителям профессиональных союзов им заявлено, что никакие выступления допущены не будут. В уездах замечаются действия шаек. В деревне Сергиевке жителями обстрелян разъезд нашего полка. Паническое настроение в городах уменьшилось. 18 марта. № 164. *Чернавин.*

Телеграмма 1 апреля 1919 г.

Постановлением совета министров в Перекопском уезде введено военное положение. Краевым правительством, по соглашению с командованием, учрежден комитет обороны под председательством командарм, в составе наштарм, министров Крыма Винавера, Богданова, Бутчика и главноуполномоченного по снабжению инженера Чаева. Советом министров приняты законы об обложении возделанных земель, недвижимых имуществ, промысловом и подушном. Симферополь. 19 марта. № 165. Полковник *Аметистов.*

Телеграмма 3 апреля 1919 г.

Около Севастополя произведена порча взрывом Инкерманского моста. Предполагается, что починка не вызовет остановки движения. В окрестностях Инкермана появились шайки бандитов. В Севастополе произведена совместно с греческим отрядом облава, причем задержано свыше ста лиц. В районе Керчи открыто действуют шайки, скрывающиеся в каменоломнях [9]). Шайки берут заложников, требуя выкупа. В связи с действием шаек помещики уезжают из экономий в город, что грозит большими сокращениями посева. 21 марта. № 168. *Чернавин.*

Телеграмма 5 апреля 1919 г.

В связи с отходом наших частей на фронте в городах Крыма настроение тревожное. В прифронтовом районе скопление беженцев, направляющихся в сторону Симферополя. Замечается дезертирство

из частей. Приняты меры к задержанию дезертиров, проверке документов. Среди частей на фронте, также среди населения усиливается враждебное отношение к гвардейским частям. В уездах усилились действия шаек бандитов, особенно скопления в каменоломнях близ Керчи и Евпатории. Симферополь. 23 марта. № 169. Полковник *Аметистов*.

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Телеграммы на имя барона Нолькена из разных пунктов Крыма.

Из Евпатории 1 января 1919 г.

Частным образом считаю долгом довести до вашего сведения, что просьба городского самоуправления о срочной присылке иностранного отряда или миноносца весьма обоснована, так как Евпатория окружена крепкими и хорошо вооруженными разбойничьими бандами. Городская самоохрана совершенно недостаточна ни по вооружению, ни по количеству. Каждую ночь, особенно сегодняшнюю, ожидается организованный налет на город. Прошу извинить за беспокойство. Старший лейтенант *Остроградский*.

Из Симферополя 2 января 1919 г.

Отправлен ли миноносец в Евпаторию? Если нет, просите о немедленной отправке: там положение критическое. Желательно высадить хоть небольшой десант. Я послал туда сотню казаков. Отвечайте срочно. *Пархомов*.

Из Евпатории 3 января 1919 г.

В городе спокойно. В уезде отделение богайской шайки с главарями Казанцевым, Довгалем, Лушининым продолжают большевистскую агитацию. Помещики не решаются обсеменять поля. № 63. Полковник *Демин*.

Из Евпатории 6 января 1919 г.

В каменоломнях замечены в разных местах около тридцати человек. Одна из кучек махала белым флагом, пытаясь завязать переговоры. Казаки от переговоров отказались. Бандиты всеми способами пытаются увеличить состав шайки, ведут большевистскую пропаганду среди жителей деревни Богай, в большинстве сочувствующих восстанию. Перехвачено письмо с подписями, отправленное арестантами из тюрьмы в каменоломни на имя Майбороды, руководившего расстрелами жителей Евпатории в дни большевизма, с просьбой освободить их. Подробно указано число стражи и способ нападения на тюрьму. № 7. Полковник *Демин*.

Из Евпатории 8 января 1919 г.

Разъезды казаков обнаружили в каменоломнях около 50 бандитов, пытавшихся завязать с ними переговоры. Караул караульной команды воинского начальника на аэродроме разбежался, распустив по городу слух о начавшемся наступлении богаевцев, вызвав панику. Подобный случай оставления караульной командой постов не единичный. № 11. Полковник *Демин*.

Из Евпатории 11 января 1919 г.

Вчера в четыре часа дня ограблена экономия «Демерджи»: взято четыре лошади, оружие, патроны, гранаты; сопровождали пятнадцать верховых, экипаж, назвались комиссарами. Задержаны грабителями вчера вечером посланные населением пятнадцать подвод Чернава с ячменем и овсом для Добрармии и 8 подвод зернового хлеба для Евпатории; караулили еще 8 подвод, судьба неизвестна, бандитов было тридцать человек. Вчера взяты в плен ехавшие мимо Богай евпаторийский ветеринарный врач Коноплянский и неизвестный помещик, оба находятся в каменоломнях. Шайка готовится напасть на Богай-деревню и на немецкий Майнак. Среди татар возбужденное настроение, вызванное убийством арестованного казаками татарина за попытку к бегству. В знак протеста закрыты татарские магазины. Союзом союзов организуется сегодня митинг протеста совместно с татарами против действий Добрармии, возможна помощь Богая. В городе много офицеров и солдат Добрармии, просрочивших отпуска, регистрация воинским начальником не ведется. Тревога в городе чрезвычайная. № 14. Полковник *Демин*.

Из Евпатории 13 января 1919 г.

Весьма срочно.

Крайне встревоженная выступлением богайской шайки по направлению к городу дума в экстренном заседании постановила ходатайствовать перед вами о срочной посылке миноносца и десанта для защиты города. Покорнейше прошу срочно телеграфировать о последующем распоряжении. № 2. Городской голова *Джигит*.

Из Евпатории 13 января 1919 г.

В уезде продолжается обычная реквизиция лошадей, фуража, продуктов. Шайкой захвачена экономия Шишмана в 4 верстах от города. Подвоз продуктов в город прекратился, цены повысились. Бандиты приступили к рытью окопов. Положение города таково, что в каждый данный момент он может очутиться во власти богаевских бандитов. Добровольцы, находящиеся в Евпатории, могут, при создавшихся условиях, не оправдать возлагавшихся на них надежд. Крайне

необходимы безотлагательные решительные действия, тем более, что 15 января нов. стиля праздник Крымского интернационала, а городские большевики, при содействии богаевцев, намерены совершить долго подготовлявшееся выступление. В городе паника. № 18. Полковник *Демин*.

Из Евпатории 13 января 1919 г.

По полученным сведениям, богаевская шайка, заняв экономию Шишмана, что в 4 верстах севернее Евпатории, постепенно от одного закрытия к другому подвигается к городу. Навстречу отправился отряд добровольцев. В городе паника. Крайне необходимы быстрые решительные действия, иначе город окажется во власти бандитов, которые, несомненно, в первую очередь прервут всякую связь Евпатории с Симферополем. Бандиты, пользуясь безнаказанностью, успешностью действий [sic!], весьма обнаглели, высылают конные и пешие разведки. Проезд в город и из города на север закрыт. Прошу ответить, что предполагается вами для обеспечения города и уезда, которые свыше месяца живут весьма тревожной жизнью. № 19. *Демин*.

Из Евпатории 14 января 1919 г.

В уезде, вчера в 12 часов ночи, в тридцати верстах от города, на имение Ойбур-Поповка напали бандиты, разоружили кордон, 12 человек, убили офицера Григорьева, взяты лошади, припасы. После вчерашних решительных быстрых действий добровольцев, выдвинувшихся навстречу богайской шайке, последняя сегодня пассивна. В город прибыли подозрительные китайцы, 12 человек, со старшим русским, установлено наблюдение. № 21. *Демин*.

Из Симферополя 15 января 1919 г.

По данным разведки, Орехов занят бандами Махно, Зубкова, Иванько, объявившими мобилизацию. Мужское население района Еристовка — Гейдельберг переходит в Васильевку, в штаб Опанасенко, куда свозится хлеб, вооружение. В районе Гавриловки (45 в. к западу от ст. Федоровки) организуется новая шайка. Население северо-восточного района Мелитопольского уезда на предложение поступить в Добрармию говорит, что не видит ее силы и ждет прихода петлюровцев. В деревнях Мелитопольского уезда ведется усиленная агитация за выступление против колонистов. В Каховке городским самоуправлением получено требование из Б. Лепатихи об отводе квартир на 50 человек революционной армии. В Бериславле население к Добрармии благожелательно. Симферополь. 2 января. № 0425. *Пархомов*.

Из Евпатории 17 января 1919 г.

Крестьяне в Саках рубят казенный лес, грозили убить начальника отдела, пытавшегося остановить порубку. Представитель богайской шайки Казанцев организует в Саках отряды, направляет в каменоломни. В деревне Агай бывший комиссар Лушинин также организует шайку. Совместное действие всех отрядов предполагается между 20—25 января. № 29. Полковник *Демин*.

Из Симферополя 17 января 1919 г.

Действия разбойничьих шаек развиваются в Евпаторийском, Симферопольском уездах; по последним сведениям также в Перекопском уезде. Шайка произвела нападение на Ойбурский пост, близ Евпатории убит офицер пограничной стражи, команда его отошла к городу. В Евпаторийском уезде шайка производит набор под лозунгом захвата власти и истребления буржуазии. В Перекопском уезде шайкой ограблена экономия Кузьминых, попорчен телеграф вблизи станции Айбар. В Мелитопольском уезде селение Кизияр отказалось дать призывных, была наряжена карательная экспедиция, расстреляно 4 агитатора, после чего половина явилась на призыв, половина разбежалась. Неявившиеся в трехдневный срок будут преданы полевому суду. Из Севастополя полковник Нолькен сообщает: по частным сведениям... *). Симферополь. 4 января. № 140. Ген.-лейт. *Пархомов*.

Из Евпатории 20 января 1919 г.

Операции против богайской шайки затягиваются вследствие недостатка сил. [Нужны] подкрепления. Телеграфировал в Симферополь. № 41. *Демин*.

Из Евпатории 21 января 1919 г.

Операции против богайцев продолжаются успешно. Предполагаю ликвидацию завтра. № 42. Полковник *Демин*.

Из Симферополя 21 января 1919 г.

На Мелитопольском направлении в районе Белозерка — Томашевка банда Опанасенко производит мобилизацию населения. В районе Терпение (к северу от Мелитополя) жители не дают призывных, готовя сопротивление. В Казачьих лагерях высадилась батарея петлюровцев, бомбардируются Алешки. В районе Каховки без перемен. Симферополь. 8 января. № 0437. *Пархомов*.

---

*) Конец телеграммы в подлиннике не расшифрован.

Из Симферополя 21 января 1919 г.

Разбойничья шайка, засевшая в каменоломнях близ Евпатории, почти ликвидирована. Атаман шайки Петриченко тяжело ранен, взят. Осталось человек двадцать. Входы и выходы нами взрываются. Наши потери: четыре убитых, три раненых. Посланный в деревню Кезы из Керчи патруль был обстрелян. Убит агент керченского отделения Синявский, сопровождавший патруль. По показаниям жителей, был арестован Приходько. Пытался бежать, застрелен. Отряд Виленского полка в тридцать человек с пулеметами послан в Сейтлер Феодосийского уезда для ликвидации разбойничьей шайки. Отряд, посланный в Терпеньевскую волость Мелитопольского уезда для производства призыва, при входе в село Спасское был встречен пулеметным и ружейным огнем. По полученным сведениям, в деревне несколько сот вооруженных, при нескольких десятках пулеметов. Вся волость организована для противодействия призыву. Карательным отрядом выпущено по Спасскому тридцать гаубичных снарядов. Ввиду малочисленности отряда на-днях посылается большой. Симферополь. № 169. *Пархомов.*

Из Евпатории 22 января 1919 г.

Богайская шайка ликвидирована, зарегистрировано 117 трупов бандитов. Раненый главарь Петриченко скончался. В ближайшие дни буду просить начальника отряда ликвидировать отделения шайки в Саках, Ак-Мечети и Агай с предводителями Казанцевым, Довгалем и Лушиновым. № 46. *Демин.*

Из Симферополя 24 января 1919 г.

9 января части 3-й дивизии вели бой с бандитами у с. Марьевки, что северо-западнее от ст. Еленовки. Результат неизвестен. В районе селений Благодатное, Петровское, Ивановское, М. Янисель, Чердаклы, Волноваха, Ольгинское вспыхнуло серьезное повстанческое движение, для ликвидации которого начдивом 3 приняты решительные меры. Частями генерала Тилло вчера, 10 января, взят город Орехов. Добыча выясняется. Противника преследуют отряды колонистов под командой офицеров гвардии. В Терпеньевской волости наш карательный отряд при подходе к селу Спасское (20 верст севернее Мелитополя) был вновь обстрелян ружейным огнем. После двухчасового обстрела артиллерией и минометами село уничтожено. Жители села почти все бежали. Ликвидация восстания в районе Федоровка — Троицкое — Терпение, за темнотой, отложена на следующий день. В ночь на 9 января, после сильного обстрела противником артиллерией с очень близкой дистанции и тяжелого боя, под давлением превосходных сил наши части оставили мест. Алешки, понеся большие потери, особенно во время отхода через местечко, где жители стреляли из домов. Отошедшие части сосредоточились в районе с. Преображенка — с. Калаччак. Сила всего Пере-

копского отряда, действующего района сосредоточения... *). Противник, по данным разведки, занял мест. Алешки 8 сотнями с двумя орудиями и часть этих сил направил через Казачий лагерь на Каховку. Командир нашего батальона, находящегося в Каховке, получил из Херсона от полковника Зенкевича телеграмму оставить Каховку в 24 часа. Симферополь. 11 января 1919 г. 11 час. 20 мин. № 0443. *Пархомов.*

Из Симферополя 23 января 1919 г.

Евпаторийская шайка ликвидирована, убито 117 человек, незначительная часть прорвавшихся преследуется. В Терпеньевской волости Мелитопольского уезда крестьяне, противясь призыву, хорошо вооруженные, роют окопы. Их разъезды между Терпеньем и Мелитополем говорят о выступлении тимошевских и троицких крестьян на Мелитополь. Меры приняты. Вчера убиты три офицера и ранены два, ехавшие на дрезине до станции Терпенье. В Терпеньевской волости, нарушая связь, перерезают провода. В Симферополе не наблюдается увеличения большевистского движения, но отсюда исходят все директивы в уезды. Главная деятельность большевиков перенесена в уезды, организуют и частью организовали уже банды для выступлений анархо-большевистского характера. Симферополь. 10 января. № 176. *Пархомов.*

Из Симферополя 26 января 1919 г.

В Мелитопольском уезде села Терпенье, Спасское, Троицкое оказали вооруженное сопротивление набору новобранцев. В селе Спасском прибывший отряд был встречен пулеметным и ружейным огнем. Село было обстреляно артиллерией, после чего все эти села прислали делегацию для изъявления покорности. В села приезжают агитаторы, призывающие не давать новобранцев. В Терпеньевской волости несколько домов бежавших агитаторов сожжено. Захваченные агитаторы понесли наказание. Село дало обещание выполнить призыв полностью. 13 января. Симферополь. № 191. *Пархомов.*

Из Симферополя 25 января 1919 г.

10 января банда Махно заняла с. Воздвиженское, что севернее Очеретино. Около 14 час. того же дня наши части после небольшого боя в районе ст. Очеретино отбросили банды на запад и заняли с. Александровку. В районе Волноваха восстание разрастается, повстанцы захватили водокачку ст. Волноваха. Начдивом посылается на станцию Волноваха поддержка. Отряд, действовавший в районе Керменчика, отошел к ст. Зачатьевской. С утра 10 января противник, получив подкрепление со ст. Чаплино, перешел в наступление на ст. Гуляй-Поле; под давлением превосходных сил наши части отошли к югу, против-

*) Далее зашифровано.

ник занял Сянцево, но далее остановлен нами. В Мелитопольском районе жители все время рвут телеграфные провода. Противник из села Жеребец повел вчера наступление на Орехов, но был отбит пулеметным огнем. Ореховский отряд усиливается колонистами. Вчера из села Михайловки к 9 и 12 часам к ст. Пришиб подходили конные разъезды, но были отогнаны огнем наших частей, занимающих станцию Пришиб. В Тердяньской волости порядок наведен, жители изъявили покорность и выдают оружие и зачинщиков. Перекопский отряд сосредоточивается к Перекопу. Отряд, следовавший через с. Чаплинку, выдержал здесь двухчасовой бой с местными большевиками. Симферополь. 12 янв. 1919 г. 12 ч. № 0445. *Пархомов.*

Из Симферополя 26 января 1919 г.

На Бахмутском направлении противник занял село Троицкое. Наш отряд, направленный на село Марьевку — западнее ст. Рутченково, при приближении к нему был обстрелян, но после двух наших орудийных выстрелов беспрепятственно вошел в село [откуда большая часть жителей бежала] *). Отряд, двигаясь дальше, занял село Георгиевку и Максимилиановку и здесь производит мобилизацию. В районе Токмакской жел. дороги Спаксино [?] движение восстановлено. Оставленный было 11 января кубанской сотней Орехов вчера вторично занят отрядом колонистов под командой гвардии ротмистра Балдовута. В Мелитопольском районе порядок восстановлен, агитаторы и виновные понесли суровое наказание. В Перекопском районе без перемен. Симферополь. 13 января 1919 г. 11 час. 30 м. № 0447. *Пархомов.*

Разные телеграммы.

Евпатория. Полковнику Базаревскому**).

Телеграммой №21 гардемарином [sic!] было вам послано извещение, что союзники будут подавлять всякие выступления. Между тем это не так. На самом деле они просили от имени местного городского самоуправления заявить, что самоуправление узнало о намерении союзников в будущем наказать за всякое нарушение порядка. № 372. *Нолькен.*

Симферополь. Наштабарм генералу Пархомову**). Из Севастополя. 181. Военная. 100. 5/1,0.

Идет страшная агитация большевиков среди французских солдат, распоряжение французского полковника о задержании агитаторов

*) Слова, взятые в прямые скобки, в подлиннике зачеркнуты. Здесь же помета: «Кап. Лобанову для перевода».

**) Дата в подлиннике отсутствует.

французскими солдатами... *) органов для разведки и задержания преступников у меня никаких нет. Особенно агитируют женщины против Добрармии и союзников. Необходимо спешно организовать борьбу с агитацией, ибо в Севастополе есть гнездо большевиков. Упускать время невозможно, иначе французы нас не поддержат. № 92. Комкреп полковник *Карпов*.

Донесение донскому атаману атамана зимовой станицы Всевеликого Войска Донского при Крымском правительстве полк. Власова 25 марта 1919 г. **).

Донскому атаману [10]).

В начале марта большевики стали накоплять свои войска на Мелитопольском фронте, намереваясь перейти в решительное наступление на юге. Первые атаки их начались 10 марта и закончились занятием станции Пришиб, в 40 верстах к северу от Мелитополя, а затем — 11 марта — захватом узловой станции Федоровки, от которой добровольческие части отступили к Мелитополю.

Согласно своей обычной системе, большевики, задумав начать наступление, стали прилагать все усилия к тому, чтобы одновременно вызвать в тылу своих противников беспорядки, развал и деморализацию. Матросы, которых в Крыму еще немало, севастопольские рабочие большевики и, главное, приезжие агитаторы, не скупясь разбрасывавшие деньги направо и налево, открыли энергичную кампанию против Добровольческой армии, краевого правительства, подчинившегося ей всецело и «изменившего демократии», и против «союзных империалистов». Севастопольские газеты: «Прибой», официально именующий себя органом с.-д. меньшевиков, и «Вольный Юг» — орган социалистов-революционеров, помогали большевистской пропаганде нападками на правительство, а затем и на «мировой империализм»...

В конце концов одна из статей «Прибоя», наполненная грубыми выпадами против союзников, — особенно румын, — вывела из терпения командующего сухопутными войсками французов в Севастополе полковника Рюлле, который объявил «Прибой» приостановленным на восемь дней и занял помещение типографии караулом [11]). Краевое правительство осталось этим недовольно, хотя само оно решительно ничего не предпринимало для обуздания замаскированных большевиков. Министр внешних сношений Винавер поспешил в Севастополь и добился снятия караула в типографии «Прибоя», а затем и выхода самой газеты, которая, таким образом, была приостановлена лишь на 3 дня. Вместе с тем от французов добились обещания, что впредь в подобных случаях они будут сначала обращаться к правительству,

*) В подлиннике одно слово неразобрано.

**) На подлиннике штамп: «Атаман зимовой станицы [полномочный посланник] Всевеликого Войска Донского при Крымском правительстве. Марта 25 дня 1919 г. № 187. Г. Симферополь». АОР, ф. 1261, оп. I, д. № 47а, л. 152.

чтобы не ронять его престиж. В знак сочувствия «Прибою» забастовали на один день все крымские газеты, но затем внешне все успокоилось.

Тревожное настроение в Севастополе усилилось с приближением 12 марта — второй годовщины революции, которую правительство объявило праздничным днем. Определенно указывалось, что в этот день должны произойти демонстрации, которые затем перейдут в вооруженное выступление большевистски настроенных масс. Французское командование и находящиеся в незначительном количестве в Севастополе добровольцы приняли поэтому меры предосторожности: целый день по городу дефилировали сильные патрули, а на Графской площади были выставлены пушки. В результате — годовщина революции прошла совершенно спокойно.

Зато 13 марта в Севастополе заволновались. Конференция профессиональных союзов, заседавшая целую ночь напролет, постановила, что, при создавшемся как внутри Крыма, так и на фронте положении, «на пролетариате Крыма лежит священный долг притти на помощь героической Красной армии и свергнуть ненавистное краевое правительство» [12]). Для этого решено было объявить в Севастополе всеобщую политическую забастовку с требованиями: удаления Добровольческой армии, ухода краевого правительства, установления Советской власти, освобождения политических заключенных; чинам Добровольческой армии предлагалось немедленно сложить оружие, взамен чего гарантировался свободный выезд из Крыма и личная безопасность. Затем постановили избрать стачечный комитет для руководства в начинающейся борьбе и для установления дня забастовки. В некоторых предприятиях, особенно же в порту, рабочие не дождались назначения дня и забастовали уже 13-го.

Делегация рабочих отправилась на все еще сидящий на камнях при входе в рейд броненосец «Мирабо» и была принята командиром. Хотя он, конечно, ничего не обещал большевикам, но самый факт приема делегации дал возможность агитаторам уверять, что французское командование обязалось не противиться установлению Советской власти и чуть ли даже ей не сочувствует. Это известие склонило на сторону большевиков много народа, и так уже раздраженного на краевое правительство за отсутствие с его стороны каких бы то ни было реальных мер по борьбе с спекуляцией и дороговизной, неудержимо растущей в Крыму с каждым днем.

13 марта командующий армией ген. Боровский объявил железные дороги на военном положении, с воспрещением в их полосе митингов, забастовок и т. д.; однако на следующий день забастовка все-таки состоялась.

Тем временем большевики на фронте нанесли новый удар и заняли Мелитополь и Бердянск. Как по уговору, утром этого же дня стачечный комитет объявил в Севастополе всеобщую забастовку, к которой примкнули железнодорожные рабочие, порт, трамвай, служащие

гостиниц, ресторанов и частных предприятий. Все магазины закрылись, на базаре под влиянием запугивания агитаторов тоже прекратилась торговля. Из Севастополя перестали отходить поезда, и только воинский поезд был отправлен, когда добровольческий отряд потребовал этого, угрожая оружием.

Стало известно, что большевики решили произвести нападение на одну из крупных севастопольских гостиниц, где живет много офицерства, и устроить там резню, чтобы посмотреть, как будут на это реагировать французы. Ввиду этого были приняты соответственные меры предосторожности: приготовлено оружие, учреждены дежурства, назначены коменданты в гостиницах, а здание Морского собрания превратилось в подобие маленького форта. Увидав, что им придется встретить жестокий отпор, большевики отказались от своего намерения. Таким образом в самом городе Севастополе никаких эксцессов не было, и улицы с закрытыми магазинами и большим скоплением народа имели даже праздничный вид. Только на окраинах было несколько случаев обстрела патрулей из засад, да и то никто не был ранен.

16 марта большевистские части на фронте подступили уже к местечку Большой Утлюг, приблизительно в 35 верстах к югу от Мелитополя. В Севастополе забастовочное движение разрасталось; перестали работать водопровод, хлебопекарни; цены на предметы первой необходимости повысились чуть не вдвое. Стачечный комитет выпустил воззвание к Добровольческой армии, убеждая офицеров и солдат сложить оружие и уезжать из Крыма. В другом воззвании сообщалось, что работы по снятию с камней французского броненосца «Мирабо» прекращены в наказание за то, что французское командование отказалось от обещания о невмешательстве, которое, якобы, было дано сначала. Однако в стачечном комитете обозначился уже раскол; часть его требовала немедленного вооруженного выступления, другие же находили, что это преждевременно. В тот же день была сделана попытка взорвать около Севастополя добровольческий поезд — к счастью — неудачная. Бомба, которую большевики бросили под вагоны, взорвалась сравнительно слабо, поезд остановился и, благодаря этому, не наскочил на приготовленное несколько дальше большое количество взрывчатых веществ, достаточное, чтобы разрушить поезд. Выскочившие на полотно офицеры открыли по убегавшим злоумышленникам стрельбу и убили двух. Таким образом попытка большевиков потерпела неудачу только из-за несогласованности действий.

В Симферополе быстрое наступление красных войск с севера и пассивное непротивление правительства севастопольскому большевистскому движению вызвали паническое настроение. Быстро стали распространяться всевозможные слухи; настойчиво утверждалось, что министры бежали, причем с особой определенностью рассказывали о бегстве министра внешних сношений Винавера.

Только к вечеру было опубликовано обязательное постановление министра внутренних дел, запрещавшее собрания и демонстрации,

под страхом ареста на 3 месяца, в Симферополе и уезде. Затем совет министров постановил предоставить министру внутренних дел право приостанавливать периодические издания, возбуждающие население к неповиновению законной власти, и изъять на три месяца из гражданской подсудности с передачей военным судам дел о вооруженных нападениях на чинов Добровольческой армии, умышленном истреблении предметов воинского снаряжения и вооружения, об умышленной порче мостов, дорог, водопроводов, телефонов, телеграфа, железнодорожного пути и пр.

17 марта в Севастополе магазины по нескольку раз открывались, затем снова закрывались, под влиянием противоположных приказаний представителей законной власти и агентов большевистского комитета. Получились известия о захвате красными войсками Херсона и Николаева, что вызвало на симферопольских улицах громкие возгласы восторга местных большевиков и еще больший страх и уныние интеллигенции и буржуазии.

18 марта открылся в Симферополе земско-городской съезд, с которым связывалось много тревожных предположений. Говорили, что съезд вынесет правительству недоверие за измену демократии, и тогда правительство вынуждено будет уйти, отчего положение еще более осложнится и запутается. Однако в первый день съезд спокойно выслушивал доклады министров, да и в последующие дни никакого «недоверия» вынесено не было.

18 же марта было опубликовано правительственное сообщение следующего содержания: «Вопреки обязательного постановления министра внутренних дел, в помещении рабочего клуба состоялось собрание рабочих металлистов, причем имелись точные сведения, что на нем участвовали приезжие агитаторы-большевики. Отряд милиции вместе с нарядом Добровольческой армии закрыл собрание, а президиум, состоящий из 4 человек, в том числе 3 еврея — Вайль, студент Гитлин и Сандельман, был арестован. По дороге добровольцы удалили из конвоя милиционеров, а затем, когда была произведена попытка какой-то группы освободить арестованных, чины конвоя убили всех четверых. Командующий Крымско-Азовской Добровольческой армией генерал Боровский отдал приказ произвести расследование обстоятельств дела».

До сего времени, однако, результаты расследования не известны.

19 марта в Севастополе общая забастовка еще продолжалась, но без особых волнений. Стачечный комитет объявил о необходимости забастовки электрической станции, но тогда, по приказу полковника Рюлле, станция была занята французским отрядом, и работа на ней не прекратилась.

Последнее заседание земско-городского съезда в Симферополе состоялось 20 марта. Была вынесена резолюция с решительным осуждением «бессмысленного убийства» — самосуда чинами Добровольческой армии. В дальнейшем выступил лидер соц.-дем. меньшеви-

ков, недавно избранный Севастопольским городским головой — еврей Могилевский. Он сообщил о новом «трагическом событии», которое в это время уже было известно в Симферополе. Дело в том, что 20 арестантов-большевиков из Симферопольской тюрьмы были отправлены по железной дороге в Керчь. Среди них находился матрос Мурзак, который во время большевистского господства принимал активное участие в зверских убийствах многих офицеров, еврейка Немич, лично руководившая истязаниями и убийствами офицеров в Евпатории, и другие. В пути арестанты сделали попытку взбунтоваться, ранили трех офицеров и все были расстреляны конвоем и тут же зарыты у полотна железной дороги [13]).

Могилевский разразился критикой изменившего демократии правительства и, в заключение, объявил, что должны быть приняты меры к избавлению Крыма от ужасов гражданской войны. На вопрос министра юстиции Набокова, какие это меры, оратор промолчал; вдруг раздался возглас: «Послать телеграмму Троцкому?», и лидер меньшевиков ответил: «Да, может быть, придется говорить с Троцким!» Перед закрытием съезда представитель с.-р. объявил, что если деятельность правительства не изменится, то его партии придется призадуматься, имеет ли смысл дальнейшее пребывание в составе правительства социал-революционеров.

В Севастополе 20 марта решились на более энергичные меры против забастовщиков; [полк. Рюлле объявил в приказе, что неявившиеся на работы на водокачку рабочие будут преданы полевому суду, а добровольцы начали арестовывать нежелающих торговать владельцев магазинов]. Наконец 21 марта получились сведения, что забастовка кончилась после ареста стачечного комитета. Но рабочие главари объявили главной причиной неудачи ошибочную надежду на невмешательство французов, что, будто бы, было им сперва обещано.

В широких кругах публики наступило успокоение, но сферы, близкие к правительству, считают, что не исключена возможность значительных изменений в его составе и даже, быть может, перемены самого образа правления. Насколько основательны такие предположения, покажет будущее.

Полковник *Власов*.

Донесение донскому атаману атамана зимовой станицы Всевеликого Войска Донского при Крымском правительстве полк. Власова 20 (7) апреля 1919 г.*).

Донскому атаману

Будучи принят 30 марта [14]) командующим союзными войсками в Крыму полковником Труссоном, я поставил ему ряд вопросов:

*) На подлиннике штамп: «Атаман зимовой станицы [полномочный посланник] Всевеликого Войска Донского при Крымском правительстве. Апреля 7 дня 1919 г. № 247. Г. Новочеркасск».

какие силы обороняют Севастополь и сколько времени он рассчитывает его удержать? Успею ли я после доклада атаману возвратиться в Севастополь? Восстановят ли бывшее правительство, и, если нет, то какая будет гражданская власть? Может ли Дон рассчитывать теперь получить еще что-либо из боевых припасов Севастополя?

Почти дословно полковник Труссон ответил следующее:

— Севастополь я считаю необходимым оборонять до последней крайности ради колоссальных запасов в порту, стоимость которых определяется в 5 миллиардов, а потому я затребовал от своего правительства все необходимое для обороны. Кроме того я буду всячески оттягивать время, даже вступая в переговоры с большевиками. В настоящее время войска прибывают ежедневно, особенно много греков и черных. Уже имеются: 2 полка греков, 1 бригада французов (170-й и 175-й полки) и до 7 тыс. черных (сенегальские стрелки), всего до 22 тысяч человек. Флот: греческий — броненосец «Лемнос», крейсер «Аверов» и 2 миноносца; английский — броненосец «Мальборо», крейсер «Калипсо» и 3 миноносца; французский — 4 броненосца и 5 миноносцев; итальянский — 1 миноносец, а всего 6 броненосцев, 2 крейсера и 11 миноносцев; кроме того французское госпитальное судно и до 15 транспортов [15]). Таким образом, если я получу достаточное количество войск, я безусловно удержу Севастополь, если же мне пришлют столько, сколько я просил, то очищу весь Крым, и притом в весьма короткое время; надо будет только исправить произведенные железнодорожные повреждения и мосты. 30 марта линия сопротивления — Джанкой — Карасубазар.

— Теперь же, — продолжал полковник Труссон, — я просил Добровольческую армию продержаться в течение двух недель, чтобы подготовить оборону Севастополя, а они дали мне лишь 4 дня, так как отступают на Феодосию и Керчь с изумительной быстротой. Но там они должны удерживаться во что бы то ни стало, и я даже готов отдать приказ миноносцам, — если части ее будут переправляться без боев через пролив, — обстреливать их и топить.

Тут полковник стал раздражаться все более и более:

— Да! Добровольческая армия удирает при приближении красных, и в последний раз большевики были еще в 22 верстах, когда началось беспорядочное, паническое бегство; всюду разложение, разврат, грабежи, трусость, и дай бог, чтобы в рядах армии нашлась одна треть благородных людей. Следовало бы при таких условиях иметь 2 линии: в первой добровольцы, а за ними вторая с пулеметами, чтобы не давать им преждевременно бежать. За время нынешней войны я командовал португальцами, итальянцами, греками, сербами, африканцами, сенегальцами, но ничего подобного не видал. Штабы огромны, а дивизии по 300 человек; я же управляю всеми здешними войсками, более 20 тысяч человек, вдвоем с моим помощником. Мое желание — совершенно избавиться от Добровольческой армии, которая здесь бесполезна. Генерал Деникин предлагал мне 300 человек в помощь,— я, разумеется,

отказался. Дон и донская армия совсем другое дело: она, действительно, народная, я ее ценю и отношусь к ней с полным уважением. Я считаю глубокой ошибкой то, что ей не помогли в свое время. Но обещания Фуке [16]) и Эрлиша являются самочинными, никто тогда не уполномачивал их расточать обещания донцам и, если бы была моя воля, я бы их обоих повесил!

Затем полковник Труссон сказал, что ему теперь важно знать правду о Доне, его армии, ее численности и ближайших намерениях, чтобы координировать с нею действия французов, которые намерены, ради угля, помочь отобрать у большевиков и возможно дольше удержать в своих руках Мариуполь. Для этого, да и вообще, нужна связь. Он желал бы иметь одного человека, но такого, который бы знал все про Дон и держал бы его в курсе, не вводя в заблуждение, как бывшие при нем четыре представителя Добровольческой армии, которые или сбивали его с толку, утверждая, что численность армии то 300 тысяч, то 150 тыс., когда в действительности она была гораздо меньше, или же были совершенно неосведомлены и ничего не могли объяснить, о чем бы их ни спросить.

Зная меня уже раньше, он сказал, что рад видеть во мне представителя донской армии, а узнав, что я имею в виду проехать для доклада на 1—2 дня в Новочеркасск, просил привезти ему интересующие его сведения, а затем посещать его периодически, осведомляя о всем, что делается на Дону. Затем обещал, что запасы остающегося в Севастополе вооружения будут распределены, и все, что не окажется нужным французам, он охотно предоставит в распоряжение именно Дона.

Правительство в прежнем составе больше не существует, и оно не может быть восстановлено, так как скомпрометировало себя попыткой увезти до 10 миллионов краевых денег, а потому он их задерживает, впредь до выяснения этого вопроса [17]). В случае оккупации Крыма французами полковник Труссон предполагает организовать гражданскую власть в типе Особого совещания при Добровольческой армии, но, конечно, уже из новых деятелей.

Командующий союзными войсками в Крыму французский полковник Труссон, которому в настоящее время поручена оборона Севастополя, был в течение войны на салоникском фронте. Он лично руководил операцией по разгрому Болгарии по разработанному им же плану. Он пользуется репутацией весьма дельного, решительного и с твердым характером офицера генерального штаба. Все его мероприятия и предпринимаемые им шаги безусловно подтверждают такую его характеристику.

Полковник *Власов*.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Д-р Д. С. Пасманик. В дореволюционное время в продолжение многих лет был членом центрального сионистского комитета в России. Потом превратился в ярого приверженца Деникина и даже по собственному признанию стяжал среди евреев славу погромщика. Выпустил в Париже в 1926 г. мемуары: «Революционные годы в Крыму».

2. Имеется в виду налет добровольцев-офицеров на с.-д. газету «Наша Газета».

3. Постановление об объявлении всеобщей политической забастовки было вынесено на конференции правления профессиональных союзов 13/III. Эта же конференция избрала стачечный комитет, который 14/III объявил начало забастовки. Некоторые предприятия (особенно в порту) начали забастовку еще 13/III, не дожидаясь постановления стачечного комитета.

4. На следующий день, 20 марта, командующим союзными войсками в Крыму, полковником Рюлле, было объявлено, что рабочие, не явившиеся на работу на водокачку, будут преданы полевому суду.

5. См. донесение полковника Власова (стр. 79).

6. Ген. Франше д'Эспере, главнокомандующий союзными силами на востоке, приехал в Севастополь 23 марта. Перед тем он был в Одессе (с 18 марта), где устранил добровольческое командование и окончательно оформил оккупационное управление в «союзной зоне».

7. Полк. Рюлле был командующим союзными войсками в Крыму и до приезда ген. Франше д'Эспере. 1 апреля он уехал во Францию, и его заменил полк. Труссон.

8. Попытка создания новой «южно-русской армии» была сделана как раз в эти же дни в Одессе. 21 марта ген. Шварц был назначен генералом Франше д'Эспере командующим русскими войсками в союзной зоне с подчинением ему генерала Тимановского, командующего Добровольческой армией в Одесском районе. 28 марта ген. Шварц распубликовал приказ о формировании южно-русской армии. «Формируемая армия, — говорилось в приказе, — будет работать в полном согласии с преследующими те же цели русскими армиями ген. Деникина, Юденича, адмирала Колчака и др.».

Реально этот приказ в жизнь провести не удалось ввиду начавшейся вскоре эвакуации Одессы, но он показывает, что союзники, разочаровавшись в Добровольческой армии, решили противопоставить ей новую русскую армию.

9. Речь идет о партизанских отрядах, имевших своей базой каменоломни близ гор. Керчи. Партизаны имели свой военно-революционный штаб, помещавшийся в Аджимушкайских каменоломнях, и проявляли большую активность. Им пришлось вести из подземелья героическую борьбу с белыми, которые прибегли к длительной блокаде и взрыванию каменоломен динамитом.

10. Повидимому, дата, поставленная на штампе данного доклада, указана по новому стилю, так как все даты, встречающиеся в тексте доклада, приведены по новому стилю (например, 12 марта — вторая годовщина революции). Любопытно, что в публикуемом ниже докладе (№ 247) (стр. 80) все даты почему-то приведены по старому стилю, так же, очевидно, как и дата самого доклада «7 апреля». (Оба доклада взяты из одного дела.)

11. Газета «Прибой» была закрыта полковником Рюлле на 8 дней (с 7 по 14 марта) за напечатание статьи, критикующей условия перемирия, заключенного союзниками с немцами, и за «тяжелое оскорбление» Румынии, содержащееся в этой же статье.

12. Приводим полностью текст резолюции, вынесенной конференцией: «Конференция правлений профессиональных союзов, обсудив всесторонне вопрос о власти, находит, что при создавшемся теперь положении, как внутри области, так и на крымском фронте, на пролетариат и беднейшее крестьянство Крыма

ложится революционный долг притти на помощь героической Красной армии и общими силами низвергнуть ненавистное краевое правительство. Исходя из этого, конференция постановляет немедленно объявить всеобщую политическую забастовку с требованиями:

1. Удаления Добровольческой армии.
2. Устранения краевого правительства.
3. Восстановления в Крыму Советской власти.
4. Освобождения всех политических».

13. Расстрел имел место на ст. «Семь колодезей». В числе расстрелянных были:

М у р з а к, старый матрос Черноморского флота, участвовал в восстании броненосца «Потемкин Таврический» в 1905 г. Во время переворота в январе 1918 г. командовал красногвардейским отрядом. Потом был комендантом гор. Симферополя. На этом посту оставался вплоть до прихода немцев и был ими арестован.

С е м ь я Н е м и ч — три сестры и два брата:

А н т о н и н а — старая партийная работница евпаторийской организации. После 1905 г. была арестована и сидела в тюрьме. Во время переворота в январе 1918 г. была членом военно-революционного комитета, после установления в Крыму первой Советской власти — членом евпаторийского комиссариата соц. обеспечения. Была арестована во время захвата Евпатории немцами в апреле того же года.

С е м е н — юноша 20—21 года. Вступил в РКП до октябрьских дней, будучи прапорщиком на одном из фронтов. В 1918 г. был членом евпаторийского военно-революционного комитета и исполкома. Командовал отрядом Красной гвардии.

Ю р и й — младший из семьи Немич. Служил матросом в Черноморском флоте.

Т а т ь я н а (по мужу Матвеева). Сначала левая эсерка, затем член РКП. Работала в 1917 г. в евпаторийском исполкоме.

В а р в а р а (по мужу Гребенникова). Член РКП. Работала в 1917 и 1918 гг. в евпаторийском исполкоме. В январе 1918 г. была членом евпаторийского военно-революционного комитета.

Д е м ы ш е в Н и к о л а й. Бахчисарайский мещанин. Член РКП. Был рядовым на фронте. В Евпаторию прибыл в ноябре 1917 г. Впоследствии был избран председателем евпаторийского военно-революционного комитета и затем председателем исполкома. Кроме того был председателем евпаторийской организации РКП и комиссаром финансов. Был арестован во время прихода немцев.

К а б а б ч ь я н ц. Член анархистской организации приблизительно с 1905/06 г. Был приговорен царским судом к смертной казни, но бежал из тюрьмы. В 1917 г. примкнул к правому крылу партии эсеров. В январе 1918 г. от этой партии вошел в исполком г. Евпатории, но работал в качестве комиссара продовольствия в полном контакте с РКП.

М а т в е е в. Член РКП с начала революции. Рабочий-обойщик. Во время войны служил унтер-офицером в авиационных частях. С ноября 1917 г. член и казначей евпаторийского комитета большевиков. В 1918 г. член военно-революционного комитета и исполкома гор. Евпатории и начальник военного штаба.

Ф р а н т. Начальник евпаторийского автомобильного отряда.

К о р н и л о в. Рабочий. Начальник евпаторийской тюрьмы после январского переворота. Левый эсер.

Г р у б ь е. Матрос Черноморского флота. В 1918 г. член евпаторийского военно-революционного комитета и член комиссариата юстиции.

(Список расстрелянных приведен по сборнику «Революция в Крыму», № 2.)

14. Повидимому, дата «30 марта» указана по старому стилю (по новому — 12 апреля), так же, как и дата, стоящая на штампе данного доклада «7 апреля» (по нов. ст. 20 апреля). Это явствует из событий, о которых идет речь в докладе. Полковник Власов спрашивает Труссона: «будет ли восстановлено бывшее пра-

вительство». Правительство же существовало до 10 апреля (по нов. ст.), когда было опубликовано его последнее постановление о передаче гражданской власти органам городского и земского самоуправления.

15. Эти сведения о численности союзных войск в Крыму не совпадают с другими имеющимися на этот счет данными. По некоторым добровольческим источникам, гарнизон Севастополя состоял из двух батальонов 175-го французского пехотного полка, одного батальона греков, двух батарей 242-го французского артиллерийского полка, небольшого количества вспомогательных французских войск и высаженного на берег экипажа «Мирабо».

Кроме того в Симферополе был один батальон греков, одна рота которого была выдвинута в Таганаш, а другая — на ст. Джанкой. По сведениям Лукомского («Воспоминания», II, стр. 138) в Севастополе, кроме того, 12/IV (30/III) было высажено 2 тыс. алжирцев и 14 (1)/IV — 2 тыс. сенегальцев.

У Деникина общая цифра союзных войск в Крыму определяется в $7^1/_2$ тыс. человек. Эти данные совпадают с показаниями Крымского краевого правительства, министр внешних сношений которого (Винавер) составил уже после бегства правительства из Крыма особую «справку» — своего рода тезисы для отчета о деятельности Крымского правительства. По вопросу о количестве союзных войск в Крыму в «справке» сказано: а) в начале декабря был высажен английский десант в 500 чел. (вероятно, вскоре этот десант был уведен с берега. По крайней мере больше о нем никаких указаний нигде не встречается. [*А. Г.*]); б) позже был высажен французский десант всех разрядов войск — 1 600 чел., усиленный затем до 3 000 чел.; в) 23 марта высадились 2 греческих батальона, численностью до 2 000 чел. Один из батальонов на следующий же день был отправлен в Симферополь. О высадке в апреле алжирских и сенегальских войск в «справке» нет никаких упоминаний. «Справка» Винавера напечатана в XXII т. «Красного Архива».

16. Здесь имеется в виду заявление, сделанное наказному атаману войска донского Краснову прикомандированным к нему «офицером для связи», капитаном Фуке. Этот последний предложил Краснову оказать донской армии помощь присылкой французских войск при условии, если Краснов подпишет особое «условие», по которому донская власть («в качестве представителей одной из будущих частей великой России») должна была взять на себя обязательство возместить все убытки, понесенные подданными союзных стран от разрушения, остановки и бездействия заводов в Донецком бассейне, а также и обязательство «справедливого удовлетворения за погибшие человеческие жизни». Это условие подписано не было, и капитан Фуке был отозван, но опровержения заявлений, сделанных капитаном Фуке, союзное командование не прислало.

17. 11 апреля 1919 г. члены Крымского правительства были вызваны к полковнику Труссону, который потребовал выдачи ему денег, необходимых на эвакуацию. Министры передали Труссону все ценности «с тем, чтобы им расходовались необходимые суммы на нужды края, а остаток был затем передан в одну из русских миссий в Европе, но никаким образом не попал в руки большевиков». Однако Труссон заподозрил министров в желании утаить и увезти часть ценностей. Поэтому до окончания ревизии финансовых дел правительства последнее было арестовано. Ревизия продолжалась два дня, но министры были выпущены из Севастополя лишь 15/IV.

Временное Правительство Автономной Сибири.

8 февраля 1918 г. Томским Советом Р. Д. были произведены аресты ряда членов собравшейся в Томске Сибирской Областной Думы, и тем самым была прекращена открытая деятельность этого контрреволюционного гнезда. Оставшаяся на свободе часть членов Думы на конспиративном собрании выработала истерическую «декларацию» «ко всем трудящимся Сибири» о действиях «большевистских палачей», не допустивших «свободного открытия Сибирской Областной Думы», с работой которой «неразрывно связан позорный конец» Советской власти. «Именем многих миллионов трудящихся и населяющих Сибирь народностей и туземных племен» Областная Дума решила «громко заявить», что... «отныне вся полнота власти в Сибири принадлежит подлинным избранным трудящихся и народов Сибири — Временной Сибирской Областной Думе». Группа эсерствующих интеллигентов не ограничилась декларацией «протеста против насилия, допущенного захватчиками власти, опирающимися на силу слепых и обманутых штыков»; на этом же конспиративном заседании, не дожидаясь того времени, когда, как было написано в декларации, «большевистские палачи, как и царские опричники, предстанут перед праведным всенародным судом и гневом», — эта группа облекла себя «всей полнотой власти», включив почти всех собравшихся на конспиративном собрании в состав «Временного Сибирского Правительства».

Таким путем образовалось 9 февраля подпольное «Сибирское Временное Правительство» в составе: П. Дербера — премьер-министра и министра земледелия, П. Вологодского — министра иностранных дел, А. Краковецкого — военного министра, А. Новоселова — министра внутренних дел, Вл. Крутовского — министра здравоохранения, Ив. Михайлова — министра финансов, Г. Патушинского — министра юстиции, М. Колобова — министра торговли и промышленности, И. Серебренникова — министра снабжения и продовольствия, Л. Устугова — министра путей сообщения, Д. Ринчино — министра просвещения, И. Юдина — министра труда, В. Тибер-Петрова — министра туземных народов, Сулима — министра экстерриториальных народностей, М. Шатилова, С. Кудрявцева, Г. Неометуллова и Е. Захарова — министров без портфелей.

О местопребывании нелегального правительства в декларации было сказано: «Правительство никакого перерыва и ущерба в своей деятельности не потерпело; оно находится на безопасной территории, куда переезжает и Областная Дума. О местопребывании Областной Думы и ее Правительства будет оповещено особо».

Несмотря на то, что деятельность «правительства» вплоть до чехословацкого выступления протекала в условиях подполья, — о его «местопребывании» стало известно

довольно скоро. На Дальнем Востоке в марте-апреле зашевелились всякого рода «претенденты на власть». Замелькали имена Хорвата, Семенова, Путилова, Дальневосточного Комитета активной защиты родины и Учредительного Собрания... Стала вырисовываться фигура Колчака. И скоро здесь же выявило себя Сибирское Правительство — правда, под псевдонимом «Правительства Автономной Сибири»...

Во главе с «премьером» П. Я. Дербером часть правительства сразу же после своего самоизбрания двинулась сюда. Обосновавшееся частью в Харбине, а частью во Владивостоке, это нелегальное правительство приступило здесь к подготовке почвы для легального выступления. Основной задачей Дербера и К° было добиться признания и поддержки со стороны иностранных государств. А так как наряду с дербероВской группой претендовали на власть и признание и другие группировки, в особенности Хорват, пользовавшийся весом в японских кругах, Дальневосточный Комитет, опиравшийся на торгово-промышленные круги Дальнего Востока, и Колчак, — необходимо было принять меры к устранению конкурентов. Март-апрель 1918 г. — это время всевозможных взаимных политических маневров, интриг, предательства и подкупа боровшихся между собой групп. Эсеровское дербероВское «правительство» приняло в этом активнейшее участие.

В нашем распоряжении нет всех материалов, отражающих эту борьбу за власть на Дальнем Востоке в 1918 г. Но и тех отрывочных данных, которые дошли до нас, более чем достаточно для того, чтобы будущий исследователь мог нарисовать яркую картину позорной роли сибирских эсеров в подготовке интервенции на Дальнем Востоке и диктатуры Колчака.

Особенно ярко вырисовывается роль «Правительства Автономной Сибири» в деле подготовки колчаковской диктатуры.

Колчак приехал в Омск в вагоне английского генерала Нокса и был назначен министром в октябре 1918 г. С этого момента Колчак открыто выступил на политическую арену. Появление Колчака в роли морского министра Сибирского Правительства, однако, следует отнести к гораздо более раннему периоду, к «утробному периоду» существования самого Сибирского Правительства. Оказывается, за 7 месяцев до этого Колчак получил официальное предложение о вступлении в состав правительства в качестве управляющего морским министерством. 3 апреля нов. ст. «премьер» Дербер и «государственный секретарь» «Правительства Автономной Сибири» Моравский по телеграфу дали директиву своим «полномочным представителям» в Пекине — Устругову и Сталю — «предложить Колчаку от имени Правительства вступить в состав (правительства) в качестве управляющего морским (министерством)» (документ № 13). В обстоятельном письме того же числа Дербер пишет Устругову и Сталю: «Вы спрашиваете о возможности приглашения Колчака и т. п. На все поставленные вопросы отвечаем утвердительно, тем более, что они были разрешены положительно при вашем участии» (док. № 14). Уструговы и Сталь писали Дерберу о Колчаке еще 28 марта: «Завтра же даем телеграмму в Шанхай Колчаку с просьбой приехать в Пекин» (док. № 11).

Нам неизвестно, что ответил Колчак на эти предложения вступить в эсеровское правительство. Впоследствии он называл дербероВское правительство «опереточным».

Повидимому, связывать свою политическую карьеру с «опереточным» правительством, помещавшимся где-то в вагоне между Харбином и Владивостоком, не входило в расчеты будущего диктатора. Важно то, что подобное предложение эсерами Колчаку было сделано, что вступления Колчака в состав правительства эсеры домогались.

Не их вина, что Колчак предпочел другие пути к посту «верховного правителя».

Быть может, однако, Колчак намечался Дербером на роль «заложника» цензовых элементов буржуазии в эсеровском правительстве. Что из этого могло бы выйти — на этот вопрос дает недвусмысленный ответ та же телеграмма Дербера: «Сегодня вели переговоры с Хорватом, окончательного ответа не дал, обещает завтра... Принимаем меры воздействия на Хорвата. Завтра полагаем вести переговоры с Путиловым относительно участия его в выработке финансового плана». И далее: «Полагаем возможным провести такую конструкцию: выделить малый совет в составе семи, в том числе четыре выборных, три приглашенных» (док. № 13). В другом месте: «Существенное в наших разговорах (с Хорватом): образуется правительство из 7 человек, причем в состав его входят Хорват, Колчак и еще, может быть, кто-нибудь» (док. № 14).

Правительство Автономной Сибири ведет переговоры с Хорватом, Колчаком и Путиловым. Намечает образование малого совета с тремя «приглашенными». Четыре «выборных» — несомненно члены Сибирского Правительства во главе с самим Дербером, «избранные» Областной Думой. А «приглашенные»?.. Хорват, Колчак и... может быть... Путилов?! Разумеется, о них идет речь.

Других кандидатур Дербер не называет. Спрашивается, кто у кого был бы «заложником» в этом «малом совете»? (Кстати — «малый совет» — это «административный совет» «Ваньки-Каина» — И. А. Михайлова, подготовившего колчаковскую диктатуру. Дербер здесь предвосхитил организационную форму продвижения колчаковской диктатуры в Сибирском Правительстве.)

Возникает вопрос о военной силе, на которую опиралось бы правительственное большинство в этой своеобразной «коалиции». На этот вопрос Дербер дает также ответ в цитированной уже нами телеграмме: «Атаман Амурского (казачьего войска) Гамов обещает поддержку, готов приступить к организации отрядов имени правительства» (док. № 13). Тот самый Гамов, который незадолго перед тем залил кровью трудящихся Благовещенск, должен был явиться опорой дерберо-эсеровского правительственного большинства в коалиционном правительстве. Воистину опереточное построение опереточного правительства! Но оно чрезвычайно характерно для мечущихся в поисках реальной силы беспочвенных «взбесившихся мелких буржуа». Союз с махровыми черносотенцами (Хорват), кандидатами в диктаторы (Колчак) и финансовыми тузами (Путилов) под защитой бандитских шаек (Гамова) для борьбы с трудящимися России под флагом Сибирской Думы, Учредительного Собрания, «истинно полного народоправства» и т. п. «демократических» побрякушек — как это характерно для эсеровских политических деятелей! Зачатие колчаковской диктатуры следует отнести к марту 1918 г., «утробный период» продолжался 7 месяцев, на восьмом месяце последовали роды худосочного диктатора...

Переговоры дербероского правительства с Хорватом, Колчаком, возня вокруг «малого совета» — все это имело тесную связь с вопросом о взаимоотношениях с «союзниками». Ни одно из возникавших в эти годы «правительств» самостоятельно без штыков и денег иностранцев на борьбу с Советской властью не решилось бы. Такая попытка была бы совершенно безнадежной, и «Правительство Автономной Сибири» прежде всего должно было добиться «признания», а значит, и поддержки... деньгами, продовольствием, оружием и иностранными войсками. Этим в первую очередь обусловливалась погоня за крупными «именами», «коалиция» с которыми могла бы служить для «союзников» залогом «надежности» правительства.

В некоторых публикуемых нами документах проскальзывают как будто опасения членов правительства за возможную попытку интервенции со стороны союзников. Однако при внимательном чтении документов можно увидеть, что «Правительство Автономной Сибири» опасалось только одного: как бы союзники помимо него и даже вопреки ему не приступили к действиям, заключив союз с другими «правительствами» Дальнего Востока и Сибири. А так как наиболее активно в тот момент выступала Япония, определенно ориентировавшаяся на Хорвата и даже Дальневосточный Комитет,— то вся истерика эсеровского правительства против интервентов направлена была только по адресу японцев, не понимавших, что эсеры могут быть лучшими чичероне по стране Советов для иностранного штыка, чем махровые монархисты типа Хорвата. В конце концов, когда японцы привезли 5 апреля «кету», т.-е. высадили десант (док. № 18 и прим.), «Автономное Правительство» публично не издало ни одного звука протеста против этого. Владивостокские земцы обивали пороги японского и великобританского консулов, писали ноты, протестовали. Советы Дальнего Востока приступили к организации сил для отпора, центральная Советская власть заявила энергичный протест и готовилась к борьбе против интервентов... А «Правительство Автономной Сибири» молчало.

«Автономному Правительству», конечно, было бы трудно протестовать,— это означало рубить сук, на котором оно пыталось удобно расположиться. Вместе с тем оно учитывало всеобщее возмущение, которое вызывала самая мысль об интервенции. «Вмешательство иностранных сил ни для кого не представляется возможным», пишет Дербер из Владивостока член правительства Захаров. И тут же подсказывает выход из положения: «Есть надежда помирить с ним (т.-е. с вмешательством иностранцев), но как с коллективным действием в с е х держав» (док. № 15). Вся переписка Дербера и Моравского с Устругговым и Сталем, письмо Русанова к Кудашеву и пр. представляют собой эту подготовку «коллективных действий всех держав». В первую очередь этой цели должна была служить нота Вильсону. Указывая на то, что «некоторые державы, игнорируя законное Сибирское Правительство, готовы оказать поддержку отдельным группам, даже лицам, далеким общественности», нота предлагает союзникам: участие в охране магистрали в целях планомерного продвижения союзных войск на Урал, в восстановлении транспорта, и выражает надежду, «что международный отряд во Владивостоке согласует свою деятельность с Сибирским Правительством» (док. № 24). В письме Дербера к Устругову и Сталю «коллективные действия всех держав» рисуются в виде активной помощи владивостокских консулов во время переворота во Владивостоке: «1) Союзники должны разрешить нам перебросить 1—2 тысячи человек морем во Владивосток, 2) владивостокские консулы должны по очищении нами города от большевиков заявить последним, что они не допустят военных действий во Владивостоке» (док. № 14). Отношение союзников к «Автономному Правительству», однако, все время остается чрезвычайно сдержанным. Сталь из Пекина пишет: «Японии или, вернее, ее официальным представителям, наша демократия, вероятно, не по сердцу, а наша революция поперек горла; поэтому Хорват и принципиально и душевно ближе всех вас, вместе взятых»... «Только что были у японского посланника. Холод и безразличие» (док. № 12)... Кн. Кудашев «не считает, что оздоровление Сибири через Сибирское Правительство при данной международной обстановке является единственным правильным путем»... «союзники... не пожелают признать Сибирское Правительство» (док. № 22). «... Имели беседы с американским, французским посланниками. Они находят, что опубликование декларации и декрета о добровольческой армии, обращение к союзникам преждевременны» (док. № 25). По мнению французского послан-

ника, «немедленного признания Сибирского Правительства ожидать нельзя, в данный момент Сибирское Правительство выступать не должно, а должна действовать военная организация» (док. № 26).

И это — после «нажима», который пытались сделать на союзников дербероvское правительство. В одной из директив Устругову и Сталю Дербер пишет: «Следует взять более твердый и настойчивый тон в ваших переговорах. Союзникам вы должны определенно и настойчиво сказать: идут ли они с нами, представителями населения, или с Дальневосточным Комитетом, — авантюристической организацией, — или же с единоличным Хорватом. Вы должны их предупредить и о гражданской войне, которая возникнет в тылу у иностранных войск, и о терроре, который разовьется в случае осуществления комбинации власти сверху» (Разрядка наша. *В. М.*) (док. № 14). Храбрости у «правительства» хватило не надолго. Запугивающий очень быстро оказался в положении запугиваемого и... запуганного. Цитируемое директивное письмо датировано 21 марта, а 29 марта от Устругова и Сталя было получено письмо, в котором они, после разговоров с союзными посланниками, предлагали... «сидеть смирно». «Дербер у необходимо остаться в Харбине, — писали они, — члены Сибирского Правительства, находящиеся во Владивостоке, должны сидеть смирно; надлежит дать срочную телеграмму во Владивосток, чтобы ни декларация ни декрет о добровольческой армии не были опубликованы» (док. № 25). И, конечно, храброе правительство, только что рекомендовавшее «твердый тон» в отношении союзников, требованиям союзников повиновалось. «Настойчиво просим не опубликовывать ни постановления от 11 марта (декларации), ни объявления о закупке товаров и создании транспорта (о добровольческой армии), не заключайте сделок с сотрудниками (союзниками) до получения распоряжений» (док. № 30). Так ответил по телеграфу во Владивосток «Ребров»-Дербер на приказ из Пекина.

Условия совместной работы интервентов и Сибирского Правительства довольно четко отражены в публикуемом нами документе № 33, являющемся, повидимому, наброском платформы Сибирского Правительства: а) образование штаба верховного главнокомандующего, с включением в него представителей всех союзных армий; б) Англия и Япония снабжают всем необходимым; в) стратегический резерв из бригады — дивизии японцев; г) включение в резерв представителей всех союзных армий; д) американские инструктора усиливают провозоспособность железных дорог.

Здесь мы видим попытку привлечь все державы к «коллективному действию» против страны Советов.

Правительство Автономной Сибири существовало до 29 июня полулегально: частью в Харбине, частью во Владивостоке. 29 июня в связи с чехословацким выступлением «правительство» объявило о своем существовании в составе: председателя совета министров и мин. ин. дел П. Я. Дербера, мин. внутренних дел — В. Т. Тибер-Петрова, государственного секретаря Е. В. Захарова, управляющего военным ведомством Г. Ш. Неометуллова и управляющих ведомствами на правах министра: ведомством иностранных дел — А. Н. Петрова, продовольствия и снабжения И. П. Тарасова, финансов — А. А. Трутнева, председателя финансово-экономического комитета — К. П. Лаврова. В настоящее время мы ограничиваемся публикацией части документов, относящихся к деятельности этого правительства до 29 июня. После переворота во Владивостоке начинается новая полоса жизни этого «правительства», бесславно окончившего свои дни почти одновременно с вхождением Колчака в состав «Временного Всероссийского Правительства».

22 октября выехавший на Дальний Восток председатель Сибирского Правительства Вологодский добился самоликвидации Правительства Автономной Сибири, а 4 ноября указом Временного Всероссийского Правительства вице-адмирал А. В. Колчак назначен военным и морским министром. Документы, относящиеся ко второму периоду деятельности Правительства Автономной Сибири, будут опубликованы в ближайшее время.

Публикуемые документы взяты нами из ряда дел «Правительства Автономной Сибири», хранящихся в Архиве Октябрьской Революции в Москве (ф. 175, д. С. М. 29). Основная коллекция документов — переписка между Дербером и Моравским, жившими в Харбине, и Устругловым и Сталем, выехавшими в Пекин для переговоров с союзниками о признании Сибирского Правительства. Вторая группа материалов — переписка между Харбином, — где находилась в марте-апреле часть членов правительства во главе с Дербером, — и Владивостоком, куда выехала другая часть правительства (Захаров, Колобов, Юдин и др.). Кроме этого мы сочли небезынтересным напечатать несколько писем и телеграмм из Иркутска, Никольск-Уссурийска, Читы. Эти письма дают характеристику деятельности бело-эсеровских подпольных организаций накануне чехословацкого выступления. К сожалению, этих документов уцелело незначительное количество, а часть пока не расшифрована.

Все документы печатаются целиком с сохранением стиля и дат подлинников.

В. Максаков.

1.

Письмо Неупокоева в Харбин Правительству Автономной Сибири [1]).

12 марта ст. ст. [*1918 г.*]

Уважаемые товарищи.

Три дня тому назад я послал вам с Гарифом краткое сообщение о наших иркутских делах и, признаюсь, до получения вашего ответа писать не думал, но сегодня было заседание нашего коллектива, который между прочим постановил сделать вам подробный срочный доклад о положении дел здесь, прося вместе с этим вашего категорического ответа на несколько вопросов, которые очень нас интересуют и волнуют в данное время. Итак, исполняя волю коллектива, довожу до вашего сведения следующее:

---

[1]) К док. № 1. Документ находится в АОР., ф. 175, оп. 29, д. № 1: «Осведомление о событиях и происшествиях в Сибири и расследование различных, связанных с ними, обстоятельств». Письмо адресовано членам «Автономного Правительства Сибири». Письмо датировано 12 марта ст. ст., но приписка к письму на имя «Николая Александровича» имеет дату 28/III. Документ представляет собою копию письма; вполне возможно, что письмо на имя «Николая Александровича» написано позднее и случайно присоединено переписчиком к письму «Вячеслава».

Иркутское губернское земское собрание открылось 21 февраля (н. ст.). В первом же заседании выяснилось, что большинство гласных — эсеры, пытающиеся использовать земство в целях борьбы с Советской властью. На следующий день 22 февраля земское собрание по распоряжению Иркутского СРД было закрыто.

Созванный эсерами губернский крестьянский съезд был распущен по постановлению Иркутского Совета 16 марта (н. ст.).

Упоминаемые в письме: Гариф — Гариф Шегибердanович Неометуллов — член Временного Сибирского Правительства; И. Н. Трубачеев — член Сибирской

Общее положение момента как в самом Иркутске, так и в губернии, можно считать удивительно благоприятным как для «появления на свет божий» «отца», так в частности и всего того, что с этим появлением связано. Все слои населения положительно мучаются в тоске по власти. И не удивительно, что разговоры о Гучковском кабинете в Пекине родят такие характерные возгласы: «Слава богу, наконец-то» и т. д. И когда в ответ на возглас говорят, что это ведь Гучков, то чаще всего тебе отвечают (и это вполне естественно при нашей теперешней политической атмосфере): «Хоть бы сам чорт, лишь бы был закон и порядок». И от палат «буржуев» и «саботажников» до самых низов, до бань барахолки включительно, ежедневно вы слышите смертельную тоску о скорейшем приходе этого «спасителя». В этом ожидании творится настроение. Хотя нужно сознаться, что за редким исключением никто определенного имени этому спасителю пока что не дает. Что же касается деревни, то здесь дело обстоит еще острее. И лучшей иллюстрацией этого положения может служить то обстоятельство, что мирные пашни сибирской деревни огласились ружейной пальбой, и обильно пролита на них братская кровь. Вы уже знаете, что у нас в Балаган-

---

Областной Думы; П. Д. Яковлев — эсер, впоследствии при Сибирском Правительстве и Колчаке — иркутский губернский комиссар; Н. С. Калашников — эсер, бывший рабочий, участник террористических актов в дореволюционное время. Во время империалистической войны окончил военное училище. В 1917 г. в декабрьские дни участвовал в юнкерском восстании в Иркутске. В 1918 г. активный участник подпольных эсеровских антисоветских военных организаций. В 1919—1920 гг.— один из командующих отрядами Политцентра при ликвидации колчаковщины в Иркутске. А. А. Орлянский — эсер, убит белыми в числе 31 на ледоколе «Ангара» в январе 1920 г.; В. В. Сигорский — эсер; В. П. Неупокоев — эсер, член Сибирской Областной Думы, автор публикуемого письма; М. А. Кравков — эсер, в момент чехословацкого переворота был назначен членом Нижнеудинского комиссариата, впоследствии управл. Нижнеудинским уездом; А. А. Трутнев — известный в Сибири эсер, член Сибирского Правительства, в Правительстве Автономной Сибири (дерберовском) был назначен управляющим ведомством финансов на правах министра; Кругликов А. А.—эсер, член Учредительного Собрания, участник Уфимского совещания, управляющий делами «Всероссийского Правительства» (Директории); Кроль М. А. — эсер, член Учредительного Собрания, член Сибирской Областной Думы; Дистлер А. Г. — эсер, член Сибирской Областной Думы.

Под «отцом», «появления на свет божий» которого ожидает автор письма, повидимому, разумеется Сибирское Правительство, которое должно было объявить во Владивостоке о своем существовании.

«Кр.», приезд которого ожидают в Иркутске, — А. Краковецкий, эсер, б. командующий Иркутским военным округом при Временном Правительстве, военный министр Сибирского Правительства.

«Коллектив», от имени которого написано письмо и утверждение состава которого требуется от адресата, — Иркутский эмиссариат, руководивший подготовкой восстания против Советской власти.

«Николай Александрович» — повидимому, полк. Галкин, находившийся в то время на Дальнем Востоке. Впоследствии он принимал участие в подготовке выступления чехословаков в Самаре, был управляющим военным ведомством Комуча.

ском уезде, вблизи Черемхова было противу-советское восстание крестьян. Правда, в этой местности оно ликвидировано, но это вовсе не значит, что «усмирение» наступило, наоборот, движение разрастается, и мы боимся, что оно может принять слишком большие формы и будет опасно кому угодно, так как не носит пока характер организованности и борьбы за какие-либо определенные лозунги. Но все же приезжие из этих мест, а также и вообще наши работники из уездов передают два основных положения: 1) никто не верит в заключение мира в такой форме, как это сделано сейчас Наркомом, — не верят, ибо понимают то положение, к какому мы с этим миром приходим, и 2) это еще более сильное (чем в городе) — тоска по правительству, по власти — вот общее положение. И, конечно, вполне естественно, что это обстоятельство заставляет задумываться и нас. Тем более, что большевистские деяния становятся все более беспардоннее и наглее, а репрессии их— все сильнее и сильнее. Земство разогнали, губернский крестьянский съезд также. Печать преследуется усиленно. Есть аресты. Арестован между прочим И. Н. Трубачеев. Вы его знаете. (Причин ареста пока не установили.) Мы лично целы только благодаря предпринятым шагам в смысле предосторожности и усиленной конспирации. В заключение несколько слов о наших с.-р. Нет возможности писать об этом подробно — но не могу и смолчать. Если читаете газеты, то видите, как они «умничают», занимая эту двойственную позицию. Боюсь, что и капитал не приобретут и т. д., и кто знает, что, может быть, вина этой позиции товарищей скрыта в том, о чем я подробнее буду говорить ниже, т.-е. в нашем полнейшем неведении о том, что творится там у вас на Востоке. Еще несколько сообщений о нашей деятельности. Не касаясь работы городской, с нашим личным участием, типографией и выступлениями, сообщу только о том, что нами образованы в пяти уездах надежные ячейки с активными работниками, которые, в данный момент, организуя общественное мнение в массах, занимаясь внедрением в массы наших идей и лозунгов, объединяют их и спаивают вокруг «отца» и его дел. Деятельность их очень интенсивна и продуктивна, так как очень и очень благоприятна. Не задели пока Иркутского уезда, но на-днях надеемся пополнить и этот пробел. Связались с Томском и Красноярском и пытаемся установить связь с Якутском. (Между прочим в Якутске большевизм изжит. Опасность в посылке карательных отрядов устраняется за отсутствием средств сообщения, а забастовка почтово-телеграфных служащих окончена.) Мы издали отдельными изданиями декларацию и еще кой-что нелегально. Легально имеем сибирские отделы в газетах: «Друг Народа» и «Иркутские Дни» и, пользуя эти возможности, пытаемся дерзать и на этом поприще. Красноярцы еще сидят, и новостей от них пока что не имеем. Вот кратко о нашей деятельности. Я уже вам писал, и коллектив настоятельно просит еще раз указать на то обстоятельство, что полная отрезанность от вас, полное отсутствие каких-либо сведений о ваших шагах и сношениях, ставит нас в совершенно неприемлемое

положение, совершенно парализует нашу деятельность и безусловно исключает возможность решительных шагов той [1]) или иной области нашей компетенции. Поэтому информация эта — тот необходимый нерв, который даст нам возможность и жить и действовать. И коллектив сегодня заявил определенно, что он должен знать, к а к и ч т о. До сего времени ведь мы не получили от вас ни строчки, а между тем мы много должны знать вполне определенно и именно от вас, от первоисточника. Так, например, каковы в данный момент отношения к вам союзников? Что достигнуто и с кем определенно? Каковы условия и пр.? Что такое «Пекинское правительство»? Ваше отношение к нему? Почему там путаются и Колчак, и Хорват, и Устругов? Каковы ваши отношения к Семенову? И почему он свирепствует, если только он зависим и т. д.? Что вы можете сообщить относительно наступления и пр.? Я привел от имени коллектива in corpore только часть тех вопросов, без ответов на которые, вы сами понимаете, у нас связаны и руки и ноги. И поэтому повторяю: мы ждем от вас самых срочных ответов, конечно, в области возможного. Состояние нашей военной организации великолепно, но тем не менее должен доложить, что, если не будет исполнено то, о чем я уже писал, он [1]) невольно должен прекратить свою деятельность, так как б е з д е н е г существовать и работать (в особенности в данное время), мы полагаем, — совершенно н е м ы с л и м о. И конечно, от этого же не может не страдать и деятельность всего коллектива. Значит, второе наше пожелание — высылка (срочная) денег совершенно необходима. Ждем приезда Кр. к понедельнику и думаем, что он будет нам очень и очень полезен. Теперь еще одно постановление коллектива. Согласно установившегося правила наш коллектив должен быть утвержден персонально правительством; мы полагаем, что эта официальность скоро должна понадобиться нам здесь на месте, просим срочно же не отказать прислать официальное утверждение коллектива из следующих лиц: 1) Павел Дмитриевич Яковлев, 2) Николай Сергеевич Калашников, 3) Абрам Александрович Орлянский, 4) Василий Васильевич Сигорский, 5) Вячеслав Павлович Неупокоев, 6) Андрей Васильевич Попов, 7) Максимилиан Алексеевич Кравков и 8) Александр Афанасьевич Трутнев. Означенные лица и составляют тот коллектив, каковой в нужный момент и будет ответственен за все действия и пр. Я бы мог подробно изложить вам наш план, но думаю, что совершенно лишнее. Адрес для срочных телеграмм: Ланинская, Орлянский. Для писем и людей тот же, что и для военной организации. Вот, кажется, и все, что требует срочного сообщения. Ваш ответ даст нам и силу, и энергию, и возможность работать, и мы его ждем. — Жму руку с искренним товарищеским приветом. *Вячеслав.*

P. S. Здесь у меня якутский представитель, который поставил в известность о том печальном положении, в котором будет находиться

[1]) Так в подлиннике.

Якутск, если мы не предпримем своевременно шагов по снабжению Якутска продовольствием и всем необходимым. Я сделаю вам в скором времени по этому подробный доклад, но во всяком случае это обстоятельство нужно иметь в виду и, если есть возможность, не упускать его из вида при разговорах о снабжении Сибири товарами и пр. Нужно обратить внимание и на возможность снабжения через Охотск. Но об этом подробно в другой раз или лично через якутского представителя. Ждем ваших подробных сообщений. *Вячеслав.*

Дорогой Николай Александрович.

Подательница сего послана для получения денег, которые нужны во что бы то ни стало, не менее ста тысяч. Их нужно выслать как можно скорее. Во всем остальном работа идет благополучно, имеется налицо четыреста человек, вполне сформированных, организуется пятая сотня. Большим тормозом служит также отсутствие точных сведений от вас. Кормимся слухами. Требуется самое точное, регулярное информирование. Удивительно, что до сих пор этого не было. Все уезжающие к вам застревают, и от вас ни слуху, ни духу. Ждем денег и информации и еще раз денег, денег и денег. Посыльного снабдите деньгами для обратного пути. Ив. Мих...

28/III. Силы большевиков — 2 кар. батальона — 800 человек, охранный отряд в военном училище — 400 челов., Красн. Гвард. — 165 челов., 2 батареи 16 оруд. — 600 человек, состав кар. батальона в военном городке имеется 150 военнопленных [1]). Сегодня прибыло 2 000 челов. австрийцев, турок, славян, одетых в русскую форму, вооружены винтовками и пулеметами и проследовали дальше на восток. Есть сведения, что получено 20 пулеметов, 8 орудий, 1 500 000 патронов, 20 автомобилей и 4 грузовика. Арестован Кругликов. Покушались на Кроля и Дистлера, но их дома не было. Запись в Красную армию идет слабо особенно, среди рабочих. Безработное офицерство записывается.

2.

[Полномочия Сталю и Устругову на переговоры с иностранцами [2]).

Милостивый государь,

г. Пишон.

Наши разговоры, в которых вы убежденно выказали себя истинным другом России и защитником автономной Сибири и ее органов управления, закончились вашими заверениями в помощи Франции Сибирскому Правительству. В настоящее время настал момент, когда

[1]) Так в подлиннике.

[2]) К д о к. № 2. В деле находится отпуск аналогичного письма о полномочии Устругова на переговоры с иностранцами.

А. Ф. Сталь — эсер, во времена керенщины был прокурором московской судебной палаты. Л. А. Устругов — инженер; в дореволюционное время был начальником Омской ж. д., затем пом. начальника главного управления российских ж. д. При Временном Правительстве был тов. министра путей сообщения. Неза-

Сибирское Правительство, приступая решительно к организации правопорядка и борьбе с разрушительными силами, ощущает острую потребность в союзной помощи и признании.

Гражданин прокурор московской судебной палаты А. Ф. Сталь уполномочен Правительством Автономной Сибири на переговоры с союзными державами на предмет признания Сибирского Правительства и оказания в необходимых формах и размерах помощи.

Прошу вас, г. Пишон, ознакомиться ближе с миссией гражданина А. Ф. Сталь и оказать вашу авторитетную поддержку, которую вы проявляли во все время наших с вами сношений.

Примите уверение в моем совершенном к вам уважении

П. Дербер.

3.

Российскому посланнику князю Кудашеву[1]).

Гр. А. Ф. Сталь уполномочен Правительством Автономной Сибири на ведение, совместно с главноуполномоченным Л. А. Уструговым, переговоров с представителями иностранных держав по всем вопросам, связанным с признанием державами Правительства Автономной Сибири.

Сообщая об изложенном, Правительство Автономной Сибири просит вас оказать гражд. А. Ф. Сталю (Л. А. Устругову) возможное содействие.

Председатель совета министров *П. Дербер.*

Член совета государственный секретарь *В. Моравский.*

4.

Телеграмма Устругова и Сталя из Пекина [2]).

Копия.

Дерберу, председателю Сибирского Правительства. Служебный вагон. Харбин.

Остановились в отеле вагон ли (спальных вагонов). Телеграфный адрес: «Wagonlits». Последние сообщения союзников оповещают о

долго до Октябрьской революции был командирован на Д. Восток для переговоров с американской миссией Дэвиса; в январе 1918 г. был «избран» без его на то согласия Сибирской Областной Думой министром путей сообщения Временного Сибирского Правительства, был послан в Пекин Правительством Автономной Сибири; здесь «переметнулся» к Хорвату и Колчаку, вошел в состав «Делового кабинета» ген. Хорвата, объявившего себя 9/VII 1918 г. «временным верховным российским правителем». При «Директории» был министром путей сообщения.

Документ извлечен из ф. 175, оп. 29, д. 2., по министерству внешних сношений «О признании Сибирской власти правительствами союзных государств».

В левом углу документа штамп: «Правительство Автономной Сибири. Министр-председатель. Марта 10 (23) дня 1918 г. № 22».

[1]) К док. № 3. На бланке с левой стороны штамп: «Правительство Автономной Сибири. Марта 11 (24) дня 1918 г. № 27».

[2]) К док. № 4. Копия телеграммы написана чернилами на листе почтовой бумаги большого формата. На полях красным карандашом написано: «15/III». Документ находится в деле № 4, «по министерству внешних сношений» — «О признании Сибирской власти правительствами союзных государств».

большом сражении на английском фронте на участке С.-Кантен — Перонн, с частичным перемещением фронта, при сохранении его неразрывности. В Париж попало несколько гранат. Уверены, что Сибирское Правительство будет занимать важное [1]) положение. Делаем попытки ускорению его признания со стороны союзников для общих усилий.

Устругов,
Сталь.

5.

Письмо Устругова адмиралу Найту [2]).

Харбин, Манчжурия. 24 марта 1918 г.

В дополнение к моему письму имею честь заверить вас, что Сибирское Правительство чрезвычайно сожалеет о том, что не виделось с вами, и просит меня сообщить вам, что ввиду того, что некоторые члены Правительства могут покинуть в настоящее время Харбин, Правительство делегирует трех своих членов г.г. Е. В. Захарова, В. Т. Тибер-Петрова и И. С. Юдина и поручает им сообщить вам, адмирал, все просимые вами сведения относительно условий в Сибири, а равно относительно сформированного Сибирского Правительства.

Сообщая вам эти сведения, я пользуюсь случаем выразить вам мое глубочайшее уважение и остаюсь, г. адмирал, искренно вам преданный.

Я крайне сожалею, что мой отъезд в Пекин лишает меня возможности поехать лично в настоящее время во Владивосток, но я надеюсь, что, исполнив возложенное на меня Сибирским Правительством поручение, мне удастся прибыть во Владивосток через Токио, когда Сибирское Правительство туда переедет.

Устругов.

6.

Телеграмма Дербера и Моравского Устругову [3]).

Пекин. Вагон Lits. Устругову.

Александровым имени Дальневосточного Комитета послана Кудашеву следующая телеграмма:

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) К док. № 5. Найт — адмирал, главнокомандующий азиатским флотом Северо-Американских Соединенных Штатов. На подлиннике помета синим карандашом: «14/III».

[3]) К док. № 6. Дальневосточный Комитет — сокращенное название контрреволюционной организации, существовавшей в Харбине: «Дальневосточный Комитет активной защиты родины и Учредительного Собрания».

Упоминаемый в телеграмме К. П. Лавров — до революции — председатель иркутской казенной палаты, бывший иркутский губернский комиссар при Временном Правительстве; после переворота во Владивостоке в конце июля

«Дальневосточный Комитет защиты родины и Учредительного Собрания, состоящий из представителей Восточной Сибири и Дальнего Востока, сообщает вам, что группа лиц, претендующая на звание Сибирского Правительства, принадлежит исключительно к социалистическим организациям, от социалистов до максималистов включительно, без участия демократических организаций и других представителей вышеупомянутых элементов в Областной Думе, и которые составляли правительство, что было причиной выхода из Думы, в виде протеста, председателя Потанина. Отход при разрешении вопроса о судьбе Сибири способных и активных сил приведет к неизбежной гибели страны. Здоровые и сознательные элементы Сибири никогда не признают такое правительство, которое в своей декларации и в других актах сконяется в сторону программы социалистов-максималистов. Комитет взывает к вам с просьбой сообщить об этом посланникам союзных держав. Александров».

Сообщите посланнику: Дальневосточный Комитет распался. Состава вышли: Лавров, Никитин. Большинство членов солидарны Лавровым, Александров изолирован. Телеграмму Александрова ввиду этого нельзя считать исходящей Комитета. Существу телеграммы сообщите Кудашеву: 1) в составе Дальневосточного Комитета нет представителей дальневосточных общественных организаций; 2) в состав Правительства большевики не входят; 3) Потанин данное время изменил свою позицию, признав необходимым личное участие работах Областной Думы, настойчиво советовал своим друзьям Вологодскому и Крутовскому не отказываться участия в правительстве. Фракция областников председательством Потанина составила свой список, пять кандидатов которого вошли в состав правительства.

Ознакомьте немедленно Кудашева и представителей держав составом правительства, его декларацией. Подробно письмом.

Дербер.
Моравский.

1918 г. вошел в состав Правительства Автономной Сибири в качестве председателя совета министров; Г. Н. Потанин — популярный общественный деятель Сибири, в 1917 г. председатель временного сибирского областного совета, почетный председатель Сибирской Областной Думы; П. В. Вологодский — присяжный поверенный, бывший член II Государственной Думы, в 1917 г. был председателем Омской судебной палаты, член Сибирской Областной Думы, член Временного Сибирского Правительства, впоследствии председатель совета министров Сибирского Правительства и правительства Колчака; Вл. М. Крутовский — врач, в 1917 г. красноярский губернский комиссар, член Сибирской Областной Думы, министр внутренних дел Сибирского Правительства.

В деле хранится: 1) весь документ на английском языке; 2) перевод на русский части этого документа; в переводе опущен текст самой телеграммы Александрова. На английском тексте имеются пометы: синим карандашом: «16/III» и сделанная черным карандашом помета: «16 (29)/III—18 г.».

7.

Телеграмма Дербера и Моравского Устругову [1]).

Пекин. Устругову.

18 (31) III 1918 г.

Выясняется необходимость немедленного издания положения добровольческой армии, приступа формированию добровольческих отрядов. Благоволите срочно снестись представителями держав, правительством Китайской республики, выяснить возможность выступления правительства формирования добровольческих отрядов полосе отчуждения. Укажите срочную необходимость немедленного формирования добровольческих отрядов на Востоке вообще, в частности — целях сохранения наличных сил, также привлечения сюда сил Западной и Восточной Сибири. Срочно телеграфируйте результаты. Держите нас курсе хода переговоров. Спекулянты Харбина, Благовещенска телеграфировали Кудашеву непризнании правительства; имеем заявления крупной промышленности, общественных деятелей Востока несогласии указанной телеграммой. Днях официально этом будет сообщено Кудашеву.

Дербер.
Моравский.

8.

Телеграмма Дербера Устругову [2]).

Пекин. Устругову.

Русановым подана телеграмма Кудашеву. Копия вам будет передана.

Дербер.

---

[1]) К док. № 7. На подлиннике имеется помета: «Отправлена зашифрованной (см. № 41)». В деле имеется зашифрованный текст этой телеграммы (ф. 175, оп. 29, д. № 2). «Спекулянты Харбина и Благовещенска» — Дальневосточный Комитет, в составе которого было действительно не мало настоящих спекулянтов. «Другим центром, вокруг которого вращаются сибирские, российские и зарубежные политические и финансовые мошенники и авантюристы, представляется Дальневосточный Комитет активной защиты родины и Учредительного Собрания» — так характеризовали Дальневосточный Комитет «Известия» (№ 102, 1918 г.).

[2]) К док. № 8. А. Н. Русанов — бывший член Государственной Думы от Сибири, трудовик, комиссар Временного Правительства на Дальнем Востоке в 1917 г. На подлиннике помета синим карандашом: «4/IV». Далее в деле находится написанный от руки английский текст телеграммы на имя кн. Кудашева с большим количеством исправлений. Здесь приводим эту телеграмму в переводе на русский язык.

9.

Телеграмма Русанова кн. Кудашеву [1]).

Кудашеву. Русское посольство. Пекин.

Нахожу необходимым высказать мое мнение по вопросу о признании Сибирского Правительства. [Считаю ошибочным принимать во внимание мнение Дальневосточного Комитета, которое может иметь фатальные последствия] [2]). Думаю, [что] будет заблуждением [ошибкой] с фатальными результатами [последствиями] для общих условий [борьбы] и спасения страны прислушиваться к мнению Дальневосточного Комитета. Члены Комитета не имеют полномочий, не пользуются доверием даже тех классов, [которые] они стараются представить. Я вполне уверен в том, что настоящая дальневосточная буржуазия вполне против них. Благодаря случайным элементам, входящим в Комитет, его считают неответственным за свои решения. Владивосток представлен Меркуловым, покинувшим Владивосток после продажи своей спичечной фабрики японцам. Иркутский правительственный комиссар Лавров, который старался объединить общественные элементы, оставил Комитет, так же как и Мыслинский — польский представитель в Иркутске, и полковник Никитин со всем своим штабом. Теперь Лавров от имени членов Комитета, согласных с ним, обратился ко мне с просьбой помочь организовать новый Комитет, включающий общественные элементы. Их намерения неосуществимы, так как невозможно иметь теперь [ни один] авторитетных представителей земского и городского самоуправлений [не может быть теперь избран]; кроме того, это бесполезно, так как правительство собирает Сибирскую Думу из [всех] представителей всех земских и городских самоуправлений. Комитет произвел плохое впечатление на военные организации. [Численность полка] Полк насчитывает только пятьсот человек и не увеличивается, хотя в Харбине, кроме этого, тысяча офицеров. Здесь офицеров нельзя считать, так как они не примут участия в предприятиях Комитета, который проявил враждебность к самым элементарным требованиям общественности и сделал много... [3]). Едва ли возможно обращать внимание на намерение Комитета разъединить

---

[1]) К док. № 9. Телеграмма является попыткой опорочить телеграмму Дальневосточного Комитета на имя Кудашева о составе Правительства Автономной Сибири (см. док. № 6). Меркулов, о котором говорит Русанов, — один из двух братьев Меркуловых, владельцев нескольких промышленных предприятий во Владивостоке. Впоследствии Меркуловы играли довольно видную роль в правых политических группировках Дальнего Востока и возглавляли так называемое Приамурское Правительство в мае 1921 г.: Спиридон Меркулов — в качестве председателя, а Николай Меркулов — министра иностранных и военно-морских дел. Даты отправления на черновике телеграммы нет.

[2]) Здесь и ниже в прямых скобках помещены слова и фразы, в подлиннике зачеркнутые.

[3]) Далее два слова неразобрано.

силы и подорвать идею активной борьбы с большевиками, представляя ее авантюрой безответственных людей, хотя эта идея объединяет все здравые умы, кроме большевиков. Вполне уверен, что коммерческие промышленные классы Владивостока и других городов, далекие от спекулянтов, — противники Комитета. Задержка в помощи Сибирскому Правительству мешает началу продуктивной активной борьбы с большевиками. Глубоко убежден, что мое мнение поддерживается широкими общественными кругами демократии и настоящей буржуазией Дальнего Востока, которая не потеряла политического чутья. Думаю, что моя девятимесячная работа как областного комиссара Временного Правительства, долгая общественная работа в продолжении пяти лет как амурского депутата в IV Думе дают мне право думать, что мое мнение не отличается от мнения общественных и торговых классов, и смею надеяться, что на него обратят внимание при решении наиболее важных вопросов объединенной работы.

Будьте добры дать копию телеграммы уполномоченному Сибирского Правительства Устругову.

Областной комиссар Временного Русского Правительства

Русанов.

10.

Письмо Дербер у из Никольск-Уссурийска [1]).

15/III. [1918 г.]

Здесь, т.-е. в Никольск-Уссурийске, задержался на 2 дня в ожидании приезда начальства, а начальства все нет и нет; боюсь, что и здесь они недостаточно спешат. Коротко сообщу о местной жизни. Пока положение таково, что по нынешним условиям большего и требовать нельзя. Имеются партийные организации: с.-р. и меньшевики работают вместе. На-днях с.-ры выделили левых, и они образуют свою группу. Большевизм не успел пустить корней, и замечается уже отлив. Публика опять возвращается к старым организациям. Особенно заключение такого мира заставило массы внимательнее присмотреться к большевикам. У большевиков нет видных работников, нет прочных организаций, в то время, как с -ры и меньшевики имеют их. Помимо партийн. орган. действуют главн. комит. ж.-д. союза, местн. городск. и земск. самоуправл. В жел.-д. союзе до сего времени преобладало эсеровское влияние и достаточно сильно. В органах местного самоуправления — и с.-ры и меньшевики. Совет Р. и С. Д., переизбранный недавно, тоже не дает перевесу большевикам. Туда согласно последним партийным директивам вновь вошли с.-ры. Фактически до последнего времени никакой власти Совет не проявляет, за последние дни сделаны по-

[1]) К док. № 10. Письмо — без подписи — повидимому, И. С. Юдина, который выехал из Харбина в Никольск-Уссурийск, а оттуда во Владивосток. Упоминаемый в письме «Петр Яковлевич» — П. Я. Дербер.

пытки насаждения комиссаров, но не совсем удачно. Хотя в Совете большевики и не в большинстве, однако большевистские приемы практикуются; объясняется это, как и везде, не силой их, а нахальством и нашим бессилием. Вопрос о власти здесь также стоит. Во Владивостоке борьба уже начинается. В области пользуется, как говорят, солидным авторитетом областная земская управа, которая и объявляет себя властью, кажется, это уже и сделано. Большевики должны были арестовать их, но иностранные крейсера действуют успокаивающе; теперь же видимо скоро кризис. О Сибирском Правительстве знают до обидного мало. Один видный общественный работник говорит, что Сибирское Правительство в их представлении переплелось с именами Семенова, Дальневосточного Комитета, Хорвата и пр., а потому никаких надежд особенно не возлагалось, да о нем и не говорил никто.

Досадно, что внутренняя организационная работа поглощает внимание настолько, что не уделяется времени творческой, созидательной работе. Условия местной жизни таковы, что возможность говорить о себе есть. Жизнь в области идет очень интенсивно, все болеют вопросом о власти, придумывают всякие комбинации, созывают специальные съезды, а тут под боком живет и работает эта самая власть, и никто о ней не знает, просто не знают. Я говорил с отдельными представителями местной общественности, и сказанное мной явилось откровением для них. 30/III будет крестьянский областной съезд, созываемый во Владивостоке областной земской управой. Возможность выступления на нем Сибирского Правительства выясню и сообщу. Между 1 и 5 апреля здесь в Никольске съезд железнодорожный по следующей программе: 1) доклад о всероссийском ж.-д. съезде; 2) отношение союза Уссурийской дороги к Викжедору; 3) текущие дела (организация профессиональных союзов, ж.-д. милиция); 4) продовольственный вопрос; 5) культурно-просветительные дела; 6) безработица и мелкие вопросы. Никаких официальных приглашений рассылаться не будет, дабы не посылать их и Советам, а потому, если представители Сибирского Правительства будут на съезде, то встретят их очень приветливо. Официально, по чисто тактическим мотивам, слово по текущему моменту, как таковому, предоставлено быть не может, но, если выступят под флагом приветствия съезду, то это совершенно желательно и необходимо. Или в неофициальном заседании съезда можно выступить со специальным докладом. Большевиков будет незначительный процент, большинство с.-ры. Если бы приехал Петр Яковлевич, это было бы прекрасно. Сейчас положение здесь таково, что возможность выступления гарантируется, в смысле полной неприкосновенности личности. Будет ли Устругов? Тут совсем не знают, в каком он положении, т.-е. у дела или нет. Отношение к нему не плохое, только указывают, что в своих работах он исключительно сносится с администрацией, игнорируя ж.-д. организации. Еще раз повторяю, что выступление на этом съезде необходимо со-

вершенно, как и во Владивостоке 30/III, но нам еще неизвестно, каково будет положение к тому времени, об этом напишу. Подробно о ж.-д. делах может рассказать Ивашкевич, член ж.-д. комитета Кит.-В. ж.-д. Точно о времени съезда они будут уведомлены. Не очень давно был крестьянский съезд, затем многолюдный казачий (чел. до 700—800), видимо, просто казаков. Казаки просили выдать им винтовки, большевики отказали, предложив принять их резолюцию. Казаки приняли. Винтовки были выданы в количестве 700 шт., а на-завтра с трибуны с винтовками за плечами было сказано, что принятие резолюции большевиков лишь маневр, а затем разъехались по станицам. Нужно широко развить письменную пропаганду, в массе издавать листовки, одним словом, действовать столь же энергично, как большевики. Несколько дней, если не ошибаюсь, как закончился во Владивостоке съезд народных учителей. Сегодня открывается казачий съезд на Имане. Местных работников не так много, они заняты, большевики пришлют своих гастролеров, а потому есть некоторое опасение, что они победят. Конечно, все это несерьезное, но имеет несомненно моральное значение.

Здесь издается орган Совета, довольно бесцветный листок «Известия», «Народная Газета» ж.-д. союза с эсеровской окраской. Вот бегло, кажется, все, что можно писать. Сегодня еду во Владивосток, ибо там знают столько же о Сибирском Правительстве, сколько и здесь, между тем там это особенно важно.

Никакой организационной работы здесь мы пока не начинали, ограничившись лишь [illegible] информацией, так как надеемся, что товарищи все же подъедут. Извиняюсь за хаотичное изложение. Действовать надо быстро, не то может быть упущено время. Всего доброго.

Остановиться можно в гостинице «Гранд Отель», — чисто, уютно. Выпишу вам владивостокские газеты, а также и местные, — вероятно, важно иметь для политического отдела, пришлите адрес для газет.

Никольск-Уссурийск.

11.

Письмо Устругова Дерберу [1]).

Пекин. 28/III 1918 г.

Многоуважаемый
Петр Яковлевич.

1. Сегодня имели беседу с кн. Кудашевым. Впечатление такое, что князю очень трудно признаться, что Семенов, которого он поддержал перед союзниками, даже не ноль, а отрицательная величина.

[1]) К д о к. № 11. Кч. Кудашев — «российский посланник» в Пекине. Семенов — есаул, обосновавшийся на ст. Манчжурия со своим отрядом под

Все это говорится в виде мнения пекинских представителей союзников о затруднительности для их правительств отказаться от того реального, что, по их мнению, они имеют в лице Семенова. По словам Кудашева, союзники не верят в реальность Сибирского Правительства и в возможность объединения и создания вокруг него реальных военных сил; они, союзники, боятся грандиозности плана и предпочитают синицу в руках, чем журавля в небе.

В результате пятичасовой настойчивой беседы князь как будто лично поколебался и заверял, что он рад был бы найти возможность самой решительной поддержки Сибирского Правительства в предстоящих переговорах с посланниками об его признании.

Считаю, что этого мало, надо, чтобы близкий князю человек определенно и окончательно убедил его во вредности Семенова и подобных сепаратных выступлений вообще, в силу чего считаю категорически необходимым скорейшее возвращение Вл. Вл. Граве в Пекин.

2. Наряду с этим стоят настойчивые указания князя, что союзники, особенно японцы и китайцы, верят только авторитету Д. Л. Хорвата; поэтому необходимо было бы зафиксировать участие последнего в Сибирском Правительстве, что будет несомненно учтено японцами и китайцами.

Может быть, было бы даже достаточным наличие готовности Хорвата оказывать всяческое содействие Сибирскому Правительству в пределах его настоящей деятельности в качестве управляющего Кит.-Вост. ж. д. и комиссара Временного Правительства русской концессии в Манчжурии. Но как то, так и другое должно быть документально, в виде писем от Сибирского Правительства к Хорвату и от Хорвата к Сибирскому Правительству.

Копии этих сношений необходимо иметь немедленно с посланным, который вручит вам настоящее письмо.

3. Считаю необходимым обратить внимание на прессу — здесь, в Пекине, в издаваемых газетах, по сообщениям из Харбина, Семенова раздувают. Надо было бы выяснить, кто дает подобные сообщения из Харбина.

Прилагаю на выдержку несколько переводов из последних газет.

4. В дополнение вчерашней телеграммы посылаю перевод из пекинских газет о последнем сражении на западном, английском фронте, которое еще не кончилось.

Происходящее сейчас сражение на западном фронте заставляет признать, что события могут разыграться с такой быстротой, что при переговорах с союзными представителями может потребоваться сво-

---

наименованием «особого манчжурского отряда», один из претендентов на власть на Дальнем Востоке. Д. Л. Хорват — б. управляющий Китайско-Восточной железной дорогой. В. В. Граве — секретарь посольства в Пекине. Копии телеграммы В. А. Маклакову, а также «переводов из газет» в деле нет. «Алексей Федорович» — А. Ф. Сталь.

бода дать совершенно определенные авансы в смысле ускорения создания общесоюзнического восточного фронта. Ввиду сего необходимо иметь согласие совета дать такого рода заверения. В заключение должен сказать, что конъюнктура данного момента не может быть признана благоприятствующей для переговоров; особенно тревожат последние известия заграничной прессы о заявлении Троцкого по поводу создания военных сил для борьбы с германцами и о благожелательном отношении к этому со стороны Франции, выразившемся якобы в решении послать в Россию, большевикам, 500 французских офицеров-инструкторов.

О правдивости последнего запрашиваем В. А. Маклакова в той информационной телеграмме, которую даем завтра последнему в Париж, копию каковой тоже прилагаю к настоящему письму.

Завтра же даем телеграмму в Шанхай Колчаку с просьбой приехать в Пекин.

Досадно, что через два дня пасха, с завтрашнего дня официальная жизнь замирает, это сильно затруднит устройство свиданий и ведение переговоров.

Алексей Федорович хочет написать о своих впечатлениях самостоятельно.

Крепко жму руку, привет остальным товарищам.

Готовый к услугам, искренно уважающий

Л. Устругов.

P. S. 29/III. Утро.

Сейчас получил уведомление от князя, что японский посол примет нас сегодня между 5 и 6 час. вечера. Американский посланник возвратится из Маниллы только в воскресенье.

12.

Письмо Сталя Дерберу [1]).

Пекин. 16 марта 1918 г.

Многоуважаемый
Петр Яковлевич.

Вполне разделяя соображения, изложенные в письме Леонида Александровича, в дополнение скажу: 1) что Кудашев, как монархист, лишь мирится с демократией, как с неизбежностью; 2) что дипломаты здесь все похожи, вероятно, на Кудашева; 3) что Японии или, вернее, ее официальным представителям, наша демократия тоже, вероятно, не по сердцу, а наша революция поперек горла; 4) что поэтому Хорват и принципиально, и душевно ближе всех вас вместе взятых; 5) что Хорвата, как вы увидите из телеграммы, превращают в политический

[1]) К д о к. № 12. «Леонид Александрович» — Л. А. Устругов; Мозер — консул Северо-Американских Штатов в Харбине; Сато — японский консул.

центр симпатий, оперируя термином «Рада»; 6) что в Харбине эта комбинация — единственный выход в люди Семенова и Дальневосточного Комитета; 7) что молчание Хорвата придает характер достоверности телеграммам; 8) что неопределенность его положения окрыляет надежды Д.-В. К. и Семенова; 9) что здесь лишь напором удастся сломить нерасположение к Сибирскому Правительству и тайные надежды, связанные с выступлением необщественной власти.

Вам виднее, как действовать. Надо, во всяком случае, чтобы местная пресса усердно разоблачала Семенова, номера ее надо посылать в пекинские иностранные посольства. Та же пресса, и по возможности Владивостокская, должна требовать повторно Сибирского Правительства и отрещиваться от политически неопределенных и тем самым подозрительных выступлений.

Не следовало ли бы поговорить с Мозером, Сато и К°? Надо, чтобы они знали факты и знали, что об этом знаете вы.

Хорвата я бы припер к стенке, конечно, так, чтобы ему казалось, что он удобно уперся. Я был бы вполне удовлетворен, если бы вы или добились отправки им письма в Пекин или письменного согласия его на ваши предложения. Вообще теперь надо, чтобы все, кто за вас, поднял шум и притом шум публичный в прессе и в обращении к союзникам. Напрягите весь американизм, коим обладает коллегия, и придумайте пути для привлечения внимания к Правительству с тем, однако, чтобы оно пока не объявлялось официально.

Уважающий вас *А. Сталь.*

Приложение.

Только что были у японского посланника. Холод и безразличие к внутренним событиям. Дали понять, что большевизм — не только российская, но и международная опасность, особенно на Востоке. Считает основным условием переговоров о поддержке единение всех руководящих элементов, в сущности, Сибирского Правительства и Хорвата. Кудашев посылает запрос Хорвату о том, действительно ли он согласился поддерживать Сибирское Правительство и в случае надобности войти в него. Дело в том, что здесь все еще думают, что Хорват единолично согласен создавать на Дальнем Востоке порядок.

Телеграмму вашу только что получили. Важно было бы привлечь Лаврова и от него или Хорвата или обоих вместе добиться посылки Кудашеву разъясняющей телеграммы, так как Сибирское Правительство все же рисуется пока сторонней.

Итак, оперируйте над Хорватом и, если можно, заставьте Граве скорее вернуться или прислать Кудашеву телеграфную поддержку наших планов и нашего значения.

Ваш *А. Сталь.*
Л. Устругов.

13.

Телеграмма Дербера и Моравского Устругову [1].

Peking. Wagonlits. Oustrougoff.

№ 53. 21/III (3/IV) 1918 г.

Ваши две телеграммы письма получены. Сегодня вели переговоры Хорватом, окончательного ответа не дал, обещает завтра. Консул Сато сообщил Хорвату, что союзники не признают нас, убеждал выступить немедленно самостоятельно. Сколько известно, Хорват согласия не дал. Александров компанией мобилизует все силы вырвать Хорвата согласие, своей стороны принимаем меры воздействия на Хорвата. Завтра полагаем вести переговоры Путиловым относительно участия его выработке финансового плана, также в качестве советника финансовым делам. Предложите Колчаку от имени Правительства вступить в состав в качестве управляющего морским. Полагаем возможным провести такую конструкцию: выделить малый совет в составе семи, в том числе четыре выборных, три приглашенных. Представители дальневосточной крупной промышленности — Люри, Кашин — оказывают нам содействие, обещают влиять Путилова. Атаман Амурского Гамов обещает поддержку, готов приступить организации отрядов имени правительства. Амурцы ведут усиленную против нас кампанию, образовали особое Дальневосточное Бюро.

Полагаем необходимым переговорах союзниками взять твердый тон. Укажите комбинация Хорватом без поддержки общественной неизбежно толкнет умеренные элементы сторону большевиков. приведет фактически японской оккупации. Правительство вынуждено будет обратиться населению протестом. Данилов выезжает завтра. Срочно телеграфируйте положение; пользуйтесь шифром.

Дербер.
Моравский.

14.

Письмо Дербера Устругову и Сталю [2].

Уважаемые

Леонид Александрович и Алексей Федорович.

Ваши письма мы получили и на них буду отвечать последовательно.

I. Хорват, как всегда, и теперь ведет большую сложную игру. Сато предложил ему взять власть в руки. Он, по его словам, согласия

---

[1]) К док. № 13. А. Путилов — финансист, впоследствии член «Делового кабинета» ген. Хорвата. Атаман Гамов — один из руководителей контрреволюционного выступления в Благовещенске 25 февраля 1918 г.

[2]) К док. № 14. Е. В. Захаров — эсер, бывш. томский прис. пов., член Сибирской Областной Думы, член Сибирского Правительства (без портфеля), находившийся во Владивостоке. На подлиннике синим карандашом отмечено: «21/III» и чернилами: «21 дня 1918 г.».

еще не дал. Он говорит, что м. Стивенс также предлагает ему от Америки денег и всякой иной помощи (в последнем я сомневаюсь). Наш разговор с Хорватом сводился к тому, что теперь настало время реализовать принципиальное согласие его на вхождение в состав правительства. Вначале он хотел ослабить первоначально данное им согласие, но затем признал его. Опускаю бесконечные разговоры с ним о том, что единоличная власть, опирающаяся на иностранные штыки, будет иметь такое же значение, как и правительство из общественных элементов. Существенное в наших разговорах: образуется такое правительство из 7 человек, причем в состав его входят Хорват, Колчак и еще, может быть, кто-нибудь. Мы предложили Хорвату дать окончательный и категорический ответ, который, возможно, получим сегодня или завтра. Каков бы ни был ответ, однако мы обменяемся на основании наших переговоров письмами, дабы зафиксировать весь ход наших разговоров и характер их. Ответ его мы протелеграфируем вам. Нужно вам сказать, что его постоянно окружают Сато, Попов и К°.

II. Вы спрашиваете о возможности приглашения Колчака и т. п. На все поставленные вами вопросы мы отвечаем утвердительно, тем более, что они были разрешены положительно при вашем участии.

III. О Путилове. У меня были переговоры с Люри и Кашиным — представителями крупной торговли и промышленности. Отношение их к дальневосточной ком. и хорватской комбинации отрицательное. Эти же господа разговаривали с Путиловыми через посредство московского миллионера Бутылина [sic!], и выяснилось, что Путилов в состав Дальневосточного Комитета не войдет, несмотря на то, что японец Сато всеми силами старался его втянуть туда. Больше, чем вероятно, что он и к Хорвату не пойдет. По мнению Кашина, Путилова на пост в правительстве приглашать не следует: необходимо только его фактическое участие в работе — ну, хотя бы в освящении[1]) им финансовой программы правительства. Этого достаточно для него и промышленников — так говорит г. Кашин. С Путиловым, вероятно, сегодня будут переговоры.

IV. О промышленниках. Указанные представители промышленности безусловно за Сибирское Правительство, куда должны быть приглашены 1—2 лица по их указанию. Они обещают поэтому (в случае согласия — мы согласны) безусловную финансовую поддержку и дипломатическую. С этой целью они выезжают во Владивосток, куда приглашают представителей промышленности, которые выберут одного или двух (вероятнее, одного) в ведомство торговли и промышленности представителей, протелеграфируют о своем отношении к Сибирскому Правительству в Пекин, столкуются о форме и размерах финансирования Сибирского Правительства. Что касается

[1]) Так в подлиннике.

лиц, подписавших телеграмму в Пекин, то это простые спекулянты (фальшивомонетчик Сотеров), картежники, но не представители торговли и промышленности.

Во Владивостоке эти господа, Люри и Кашин, войдут в связь с Захаровым.

V. Наши намерения. Мы, в согласии с представителями промышленности и торговли Дальнего Востока, полагаем нанести удар большевикам во Владивостоке, поставив Пекин перед фактом объявления власти Правительства. Для этого нужны два условия: 1) союзники должны разрешить нам перебросить 1—2 тысячи человек морем во Владивосток и 2) владивостокские консулы должны по очищении нами города от большевиков заявить последним, что они не допустят военных действий во Владивостоке. Захаров ведет в этом направлении работу. Представители торговли и промышленности говорят, что владивостокские консулы предлагали неоднократно свою помощь по очищении Владивостока, что они и теперь пойдут на это; промышленники надавят на консулов в этом отношении. Наконец, туда же, во Владивосток, на-днях, по выяснении положения, выедет Русанов, облеченный нашими полномочиями и пользующийся большой популярностью среди населения и органов самоуправления. Финансы дадут промышленники, и кроме того предпринятые нами операции будут скоро осуществлены, и мы на них получим 11—12 миллионов. Если удастся этот наш план, то мы сразу разрубим этот завязавшийся узел — фактом своего пребывания на русской территории, где открыто будем комплектовать добровольческую армию, мы убьем Дальневосточный Комитет. Центр тяжести и сфера влияния из Харбина перенесется естественно во Владивосток, и союзники должны будут разговаривать с нами другим языком. О ходе работы и результатах ее не замедлим сообщить вам.

VI. Информацию иностранной, собственно английской печати, мы поставили. Клиорин, редактор «Новостей Жизни», открывает у себя английский отдел о Сибирском Правительстве и будет отправлять в шанхайские, пекинские и токийские газеты сведения. Большой шум и огромное впечатление вызывает статья «На персидском положении» А. Русанова. Ее безусловно нужно перевести на английский язык и поместить в пекинских газетах. Русанов телеграфно извещает земства и города о хорватской комбинации единоличной власти и предупреждает их о надвигающейся оккупации, призывая их к протестам; это также будет послано всем посольствам.

VII. Нам думается, что вам следует взять более твердый и настойчивый тон в ваших переговорах. Союзникам вы должны определенно и настойчиво сказать: идут ли они с нами, представителями населения, или с Дальневосточным Комитетом, — авантюристической организацией, — или же с единоличным Хорватом. Вы должны их предупредить и о гражданской войне, которая возникнет в тылу у иностранных войск, и о терроре, который разовьется в случае осуще-

ствления комбинации власти сверху. Сошлитесь на статью краевого комиссара Русанова, его телеграммы земским и городским самоуправлениям и перечитайте сведения газетные, посылаемые вам, и вы будете в курсе дела.

Потребуйте скорого ответа — сибирские общественные организации требуют действия. Вообще нужно им дать понять, что своими действиями они объединяют всех с большевиками, так как никогда организованные общественные силы (городские и земские самоуправления, кооперативы, организации, дающие нам миллионы рублей, и объединяющие миллионы крестьян, национальные организации и другие) не примирятся с иностранной властью в образе русского Хорвата или авантюристической организации вроде Дальневосточного Комитета.

С совершенным уважением *П. Дербер.*

Привет от товарищей.

P. S. От Захарова сведений еще не поступало.

15.

Письмо из Владивостока [1]).

22 марта 1918 г. Владивосток.

В письме М. А. Колобова я почувствовал необходимость скорейшего выявления отношения владивостокских общественных организаций, между тем я прожил несколько дней и как будто пока ничего нет. В свое оправдание я должен сказать, что, кроме крайней неподготовленности местных людей к нашему делу, я нахожусь в очень неблагоприятных условиях для работы. Только с сегодняшнего дня я имею возможность работать в полной безопасности, так как нашел комнату. До сего времени скитался по чужим квартирам или пришлось обитать в совершенно невозможных гостиничных условиях, когда, в связи с грандиозными грабежами последних дней, приходилось все время ожидать нежелательных визитеров, разыскивающих неблагонадежных лиц. Не решаюсь также я выступать публично, ибо Советская власть здесь усиливается и, конечно, не упустит случая доказать свою лойяльность распоряжению сибирского Советского центра о заарестовании меня. Таким образом приходится рассчитывать только на то, что местных общественных деятелей удастся хорошо распропагандировать. Последние дни и в этом отношении были крайне неблагоприятными, так как органы самоуправлений все время ждали, ждут и теперь репрессий со стороны Совета; естественно, что в тре-

[1]) К док. № 15. М. А. Колобов — министр торговли и промышленности Сибирского Правительства; 20 апреля был арестован Советской властью во Владивостоке. Автором письма, повидимому, является Е. В. Захаров.

вожной обстановке общественным деятелям было не до частных совещаний.

Сегодня собираю частное совещание общественных деятелей, имея конечной целью организовать коллектив для газетной кампании. Эмиссариат образовывать нельзя, так как делегированию организациями своих представителей должно предшествовать широкое обсуждение вопросов в печати.

Очень затрудняет отсутствие материалов — нет даже харбинских газет, где многое было помещено. Поэтому присылка с нарочным материалов, в случае дальнейшей работы во Владивостоке, будет иметь огромное значение. Нужны вырезки из газет, сборник, который привез И. П. Грязнов, а также подробное изложение того, что сделано за мое отсутствие.

Боюсь, что прежде чем здесь появятся люди, способные в публичных собраниях защищать наши положения, пройдет много времени. Меня здесь знают. Поэтому присылка кого-нибудь в целях выступлений, хотя бы под чужой фамилией, в качестве не официального представителя, а оппонента, была бы очень и очень кстати.

Очень тягостна неопределенность международного положения. Владивосток буквально на вулкане. Вмешательство иностранных сил ни для кого не представляется возможной [1]). Есть надежда помирить [1]) с ним, но как с коллективным действием в с е х держав, сопровождающимся соответствующими гарантиями. Между тем политика воздержания, которой придерживается Америка, делает положение совершенно неопределенным. А сепаратные действия отдельных держав, пожалуй, неизбежны, так как ближайшие дни, вероятно, принесут с собою много неожиданностей. Я считаю, что коллективные действия держав во Владивостоке, сопровождающиеся соответствующими волеизъявлениями о неприкосновенности суверенитета России, гораздо безопаснее для русских интересов на Дальнем Востоке, нежели сепаратные действия держав в защиту интересов своих подданных во время тех или иных беспорядков. Поэтому я должен буду выяснять позицию иных держав, и путем представлений через вас или Пекин, может быть, удастся воздействовать на Америку, искренность которой по поводу русских дел, повидимому, не может возбуждать сомнений. Таким образом мои действия в сфере международной будут заключаться в выяснении позиции в с е х держав, между которыми, если верить факту протеста Франции по поводу действий Японии, нет согласия.

В местных буржуазных кругах усиленно муссируются слухи о налаженном контакте между Пекинским правительством буржуазного состава (называют Хорвата, Путилова, Колчака и др.) и Японией. Слухам нельзя верить, но представление о подобном контакте, как

[1]) Так в подлиннике.

одной из реакционных возможностей, я считаю симптоматичным. Этот вопрос я намерен сделать темой беседы с представителем Америки, чтобы узнать, какую позицию она займет, если действительно Япония односторонне начнет содействовать подобному русскому правительству.

Должен сказать, что выступления международного характера будут предприниматься мною только на основании особых мандатов. Имеющийся у меня я рассматриваю только как информационный. Поэтому, если бы вы пожелали активных действий, то письменно или телеграфно давайте соответствующее поручение [1]). Имею необходимость в удостоверении моего состояния в правительстве с кратким изложением моих полномочий. Находить меня можно через известного Юдину Иванова. Ему сообщу свой адрес. Писать и телеграфировать надо до востребования согласно моего паспорта.

[Подпись неразборчива.]

16.

Письмо Е. В. Захарова.

23 марта 1918 г.

Частное совещание общественных деятелей Владивостока признало, что в основных положениях позиция, занятая Правительством (структура власти, борьба за власть и домогательство международного признания), приемлема для них вполне. Необходимо отметить особенность взглядов владивостокцев по следующим двум вопросам: они считают, что движение на Владивосток теперь было бы ошибкой; затем вся предыдущая деятельность общественных организаций Владивостока была направлена к борьбе с какими бы то ни было попытками иностранных держав высадить в Приморской области свои войска. Вопрос о движении на Владивосток мы условились рассматривать как некоторое практическое разногласие, где речь идет только о разном понимании фактов; что же касается высадки иностранных войск, то мы пришли к такому выводу: необходимо предотвратить оккупацию или, тем более, попытки аннексировать ту или другую часть территории Сибири и что может сделать это только общесибирская власть, а в какой форме это будет сделано — это вопрос фактической обстановки, неподлежащий пока обсуждению, как обстоятельство, зависящее исключительно от конкретных условий международной деятельности общесибирской власти.

Обсудив возможную платформу деятельности, совещание признало необходимым образовать коллектив для выявления отношения орга-

---

[1]) До этих пор подлинник представляет машинописный текст. Дальнейшая часть представляет рукописную приписку.

низованной демократии Приморской области к Правительству, функции которого тождественны с функциями эмиссариата. Брать на себя функции официального представительства общественные деятели Владивостока не решились, пока не ознакомятся с деятельностью Правительства посредством поездки в Харбин (это никакого отношения к признанию не имеет, так как они признают сибирскую власть) и пока общественные организации, в которых они работают, не определят своего отношения. Организационный коллектив предположено организовать в форме временного президиума из трех лиц, причем, кроме этих трех, в состав президиума входят члены Учредительного Собрания от Приморской области, если они выразят свое согласие. О лицах, которые согласились войти в состав организационного коллектива, сообщит податель сего устно. Необходимо выслать денег для начала деятельности из расчета до восьми оплачиваемых должностей, кроме канцелярии и издательской деятельности. Подробная смета будет выслана дополнительно. Деньги можно передать Николаю Александровичу Галкину, который по моему предложению должен связывать организационный коллектив с Правительством.

Все же я предполагаю после окончания моей организационной работы на несколько дней выехать к вам для личного доклада.

По моим сведениям, кадетские круги решили пойти на соглашение с Правительством Автономной Сибири, для каковой цели отсюда выехали некоторые влиятельные лица.

Я узнал, что вы предположили послать сюда А. Н. Русанова. По совещании с лицами дипломатического ведомства, я пришел к убеждению, что после того, как Америка не подтвердила точки зрения своего уполномоченного агента, Владивосток потерял свое значение, и надо действовать в отношении каких бы то ни было мероприятий через Пекин, от которого местные представители зависят. У японцев живет в Харбине (Гранд Отель) весьма уполномоченный генерал Накасима. Это имейте в виду. Но Владивосток, повторяю, вполне зависит от Пекина и Токио и самостоятельно ничего не решит. Поэтому миссию мы признали нецелесообразной. Кроме того проживание Русанова на иностранном судне, что только и возможно при известности его населению, вызовет очень неприятные осложнения и, пожалуй, поставит Найта в крайнее затруднение. Я не знаю, исходит ли поездка Русанова от Правительства, но на всякий случай сообщаю свое мнение.

Личный мой доклад необходим в видах выяснения вопроса о переходе во Владивосток Правительства, каковой вопрос сейчас не подвинулся вперед ни на иоту. Своих соображений с достаточной убедительностью изложить не могу в письме без соображения исхода переговоров в Пекине к данному моменту. Ожидаю инструкций о возможности выехать к вам, так как без них буду оставаться здесь.

17.

Телеграмма № 10860 [1]).

Харбин. Конторская, 15. Петрову.

Из Иркутска 27/III. [1918 г.]

Ответ запросы сообщаю: все счета управы оплачиваю лично, отсутствие достаточных средств совершенно тормозит работу кооператива, мне лично необходимо самая срочная высылка авансов. Дмитриевым эксплоатировалось совершенно частное предприятие компанионов. Независимо реквизировано личное дело учредителя Аполлонова. Золотов, Кролевич выехать личным мотивам отказываются, разведено несколько неудачных операций Дмитриевским Михаловыми, частности братом Александра Василием. Получил Говорова передачи Пете письмо Александрова, передаю срочно посредником. Предприятие Закира реквизировано, выяснении подробностей сообщу. Настоятельная просьба наша Щеглова, Павлова, Алтухова, других: увеличьте количественно, качественно посылку чая прибыль работ нашей [2]), кооператора ставлю в зависимость этого обстоятельства. Увеличение кредита Пети на местах в связи с решительными покупками Дмитриевым конкурентами сотрудничестве Гриши настоятельно требует ускорения посылки томских товаров, получении сообщите.

Игорь Сорокин.

18.

Телеграмма из Владивостока 23 марта (5 апреля) 1918 г. [3]).

Срочная. Харбин. До востребования. Виктору Петрову.

Из Владивостока № 881/б.

Яков Антонов доставил кету Владивосток, предполагаю 25 выехать Харбин для доклада, жду указаний.

Петров.

---

[1]) Док. № 17. Расшифровки этой телеграммы не сохранилось. «Дмитриевым эксплоатировалось совершенно частное предприятие компанионов» — повидимому, означает арест большевиками группы лиц, не связанных с иркутским эмиссариатом и «кооперативом», — т.-е. военной организацией. «Реквизировано личное дело учредителя Аполлонова» — арестован член Учредительного Собрания Аполлон Кругликов. «Брат Александра Василий» — брат Александра Дистлера — Василий Дистлер. «Петя» — П. Я. Дербер. «Предприятие Закира» — вероятно, западно-сибирский комиссариат. «Увеличение кредита Пети на местах» — увеличение влияния Правительства Автономной Сибири на местах. «Гриша», — вероятно, Гришин-Алмазов. «Игорь Сорокин» — вероятно, В. Неупокоев.

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Док. № 18. Телеграмма дана 5 апреля (н. ст.), 1918 г., т.-е. в день высадки во Владивостоке союзного десанта. В коде под названием: «№ 27 японский» (АОР, ф. 154, д. № 1, л.л. 29—30) слово «кета» означает «чехословаки» (см. прилож., стр. 138). На подлиннике написано чернилами: «Справка: Яков — Япония, Антон — Англия, кета — десант». Зачеркнуто: «Копия вокзал востребования Александру Плахтиенко».

19.

Телеграмма о событиях во Владивостоке [1]).

Владивосток. 23/III 9. 25 13. [*1918 г.*]

10 часов дня на Маркеровском переулке злоумышленниками убит один, тяжело ранены два японца в своей конторе.

Сегодня по городу расклеено объявление японского адмирала Като о высадке десанта для защиты интересов подданных Японии и союзных держав.

Баранов.

20.

Телеграмма Дербера Захарову [2]).

Владивосток. До востребования. Григорию Салову.

25 марта (7 апреля). [*1918 г.*]

Аксенов выехал Мошково. Немедленно вступите переговоры сотрудниками изоляции Мошково. Имейте виду необходимость устранения от дела Дмитриева. Необходимо отправку из Мошково сельскохозяйственных машин запретить. Этом случае также при условии за-

---

[1]) К док. № 19. Японский десант был высажен ночью. В 7 ч. утра японский генеральный консул известил областную земскую управу о том, что он, ввиду отсутствия в городе достаточной охраны, обеспечивающей безопасность иностранных подданных, вынужден был просить адмирала Като принять надлежащие меры к охране жизни и имущества иностранных подданных. Одновременно поступило заявление от адмирала Като о принятии им чрезвычайных мер. Областная земская управа в экстренном заседании заявила протест против высадки десанта. В 10 ч. утра адмирал Като посетил зам. председателя областной земской управы и заявил, что высадка десанта произведена им за своей личной ответственностью и что им по телеграфу запрошены инструкции у своего правительства относительно дальнейших шагов. Зам. председателя управы выразил адмиралу Като соболезнование по поводу происшедшего накануне насилия над тремя японскими гражданами и сообщил, что своевременно были приняты все меры к расследованию преступления и задержанию преступника, и вместе с тем выразил формальный протест против столь исключительных мер успокоения японского населения, как высадка десанта. После визита адмирала Като зам. председателя направился в великобританское консульство. Здесь он был извещен о предстоящей высадке английского десанта. Зам. председателя управы поставил консула в известность о заявлении управой протеста по поводу высадки иностранных войск на русскую территорию. В 2 ч. дня был высажен английский десант. По поводу высадки десанта заявлен решительный протест Исполнительным комитетом Владивостокского Совета Рабочих Депутатов.

[2]) К док. № 20. Ниже публикуем расшифровку этой телеграммы. Под фамилий Григория Салова жил во Владивостоке Е. Захаров. Расшифровка подписана только фамилией Дербера (Реброва); «Иванович» — Моравский.

прещения Дмитриеву высылки конкурентов Рябцова считаем возможным послать наши товары Немешаеву. Укажите сотрудникам на недопустимость конкурирования нашим кооперативом других русских фирм. Соглашение сотрудниками оформите. Опубликуйте объявление формировании при сельскохозяйственном отделе вольного сибирского транспорта телеграфируйте подробно. Случае надобности Ребров выедет Владивосток.

Ребров.
Иванович.

[Расшифровка.]

Владивосток. До востребования. Григорию Салову.

25 марта (7 апреля). [*1918 г.*]

Владивосток выехал Колобов. Немедленно приступите переговорам союзниками нейтрализации Владивостоке. При этом надо иметь ввиду необходимость обезоружить большевиков, не дать возможность им вывезти Владивостока оружие. Таком случае также условии гарантии недопущения движения большевиков стороны Хабаровска полагаем возможным немедленное занятие Никольска. Укажите союзникам на недопустимость операций отдельных русских отрядов, стоящих вне правительства. Переговоры необходимо оформить договором. Опубликуйте декрет сформировании добровольческого флота. Срочно подробно телеграфируйте положение. Случае надобности Владивосток выедет Дербер.

П. Дербер.

21.

Телеграмма Дербера и Моравского Устругову [1]).

25 марта (7 апреля). [*1918 г.*]

Peking. Wagonlits. Oustrougoff.

Сегодня Граве выехал Японию. Сейчас был Лавров от имени Хорвата, интересовался подробно схемой организации малого совета. Хорват говорил Лаврову необходимости перейти практическим разговорам. Возможно завтра деловое заседание Хорватом вопросу составе малого совета взаимоотношении большим. Харбин приехал Востротин, выясняет положение, интересуется правительством.

Дербер.
Моравский.

---

[1]) К док. № 21. С. В. Востротин — б. член Государственной Думы, член «Делового кабинета» ген. Хорвата.

22.

Телеграмма Устругова и Сталя Дерберу [1]).

Вторник вечером решительном разговоре князем [Кудашевым] определенно выяснилось: первое — он не считает, что оздоровление Сибири через Сибирское Правительство при данной международной обстановке является единственным правильным путем, ибо союзники, вероятно, личных расчетов не признают и не пожелают признать Сибирское Правительство, причем он не видит средств понудить их признать таковое; второе — отношение его не изменится при данной обстановке, даже если бы Сибирское Правительство было пополнено приемлемыми лицами; третье — если мы поведем непосредственные переговоры с союзниками, он будет противодействовать; четвертое — если Сибирское Правительство будет мешать организации полосе отчуждения других лиц, Китай несомненно окажет противодействие независимо влияния князя, но он эти действия одобрит; пятое — если Сибирское Правительство выступит самостоятельно на Дальнем Востоке, возможно занятие Владивостока союзниками, в этом случае он считает, было бы трудно протестовать, придется промолчать; шестое — если какая-либо из держав самостоятельно возбудит вопрос о Сибирском Правительстве, князь предложит таковой согласовать вопрос с Японией, нащупав почву Токио. Учитывая вышеизложенное, предприняли шаги выяснить частным путем взгляды союзников. Вчера был у американского посланника, надеемся сегодня-завтра видеть английского, французского. Разговор с американским посланником Смитом и Пишоном дает надежду, что союзники, кроме Японии, смотрят иначе, чем рисуется князю, но нужно действовать очень осмотрительно, известное время частным образом подготовить дальнейшее. В зависимости от сего в данный момент совершенно невозможно возбуждать вопроса об организации добровольческих отрядов в полосе отчуждения, организация подобных вне таковой предметом обсуждения служить не может. В наших предположениях собрать Думу в Харбине, учтите сказанное князем мнение американского посланника о желательности избежать созыва в Харбине. Делаем выводы, что: полагаем, предприняв частные шаги перед союзниками в Пекине, выехать в Японию: первый вариант — вместе, второй — одному Устругову; решение просим предоставить нам в зависимости положения в Пекине; также у вас Харбине считаем вредным, основываясь на мнении князя, предпринимать со стороны Сибирского Правительства какие-либо самостоятельные шаги как в смысле организации в полосе отчуждения, так и в смысле игнорирования или нажимания князя впредь до подготовки почвы частным путем. Исключительно сообщаем: отказал даже нашей просьбе передать Париж Маклакову наше изложение

[1]) К док. № 22. На подлиннике пометы: чернилами: «По расшифровании» и красным карандашом: «25/III».

шифром, указав, что он своевременно правильно информирует своих коллег, причем считает недопустимым дополнительную информацию через него посторонних лиц. Телеграмму вашу 53 получили, приняли к сведению руководство [1]). Ваших сообщениях необходимо иметь доказательные [1]) дающие возможность использование их, например, новые имена лиц, расходящихся с идеологией Дальневосточного Комитета, дали бы краткое содержание получаемых вами заверений поддержки указанием более конкретных источников. В теперешнем положении переговоров мы нуждаемся максимальной информации, сами же вынуждены воздерживаться частных сообщений, не носящих решающего характера, во избежание внесения путаницы ваши действия. Мещерским виделся, все для ускорения сделано.

Устругов.
Сталь.

23.

Телеграмма Дербера и Моравского Захарову [2]).

Срочно.

Владивосток. До востребования. Григорию Салову.

Опубликуйте немедленно декларацию правительства. Объявите образование добровольческой армии. Положение добровольческой армии опубликуйте дополнительно. Примите все меры немедленному формированию отрядов Владивостока. Штаб выезжает Владивосток. Никольском устанавливаем связь. Телеграфируйте чаще подробнее. Некоторые члены правительства выехали. Остальные выедут днях.

Выясните возможность содействия союзников случае надобности при занятии нами Никольска.

П. Дербер.
В. Моравский.

Под декретом об образовании добровольческой армии должны быть подписи министра-председателя Дербера, за военного министра Неометуллов, государственный секретарь Моравский. Под декларацией все подписи наличных членов Правительства. Исполнение срочно телеграфируйте.

П. Дербер.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) К док. № 23. На отпуске находятся пометки: «Ив. Ив. Эту телеграмму надо зашифровать». «Телеграмма уже послана». Повидимому, телеграмма была послана незашифрованной.

24.

Телеграмма Дербера и Моравского Устругову [1]).

Ваша 30 получена. Хорват категорического ответа не дал [2]). Призыв ведет компанию против [3]) нас, Дальневосточный [Комитет] также; представители [4]) промышленности —Люри, Кашин, Нихлевич — определенно заявляют поддержке [5]) Правительства, выставляют своих кандидатов качестве управляющих ведомствами [6]), Лавров согласился принять участие работах Правительства качестве технического сотрудника. Приморские кадеты вопросу поддержке [7]) Правительства разошлись харбинцами [8]), считают возможным участие работах Правительства качестве технических сил. Путилов, Батолин [?] выехали Пекин. Путилов [9]) заявил промышленникам, не войдет комбинацию Хорвата. Мы Путиловым переговоров не вели. Амурцы соглашаются работать контакте условии согласия Правительства признать дальневосточную автономию, окончательное решение сообщим дополнительно. Тибер, Юдин [10]), Колобов выехали Владивосток [11]). Мы предложили Захарову немедленно опубликовать Владивостоке декларацию [12]), также декрет сформировании добровольческой армии, флота, выяснить союзниками возможность нейтрализации Владивостока, переброски туда морем русского отряда. Случае разоружения большевиков Владивостоке полагаем немедленно занять Никольск [13]), предложить союзникам поставить заслон [14]) против Хабаровска. Американский консул [15]) настаивает обращении помощью Штатам [16]). 24 обратились телеграммами Лондон, Париж, Пекин, Токио, Вашингтон просьбой признании, поддержке; телеграмме подробно указываем состав, задачи, цели Правительства согласно декларации. Независимо

[1]) К д о к. № 24. В деле имеется два текста телеграммы: один — написанный на машинке, другой — от руки. Печатаем машинописный текст. На машинописной копии синим карандашом отмечено: «28/III».

[2]) В рукописном тексте телеграммы после слов «не дал» зачеркнуто следующее: «Лавров выдвигает комбинацию такую: во главе министерства Хорват, состав малого совета три по приглашению, три по выбору Сибир. Из состава Сибирского Правительства. Комбинация для нас совершенно неприемлема».

[3]) В рукописном тексте зачеркнуто: «правительств.».

[4]) В рукописном тексте зачеркнуто: «дальневосточн.».

[5]) Зачеркнуто: «Сибирского».

[6]) Зачеркнуто: «технических сотрудников».

[7]) Зачеркнуто: «Сибирского».

[8]) Зачеркнуто: «Харбинским отделом кадетов».

[9]) Зачеркнуто: «по словам Люри категорич.».

[10]) Надписано и зачеркнуто: «23».

[11]) Зачеркнуто: «По получении сведений высадке союзников Владивостоке туда выехал 25 Колобов».

[12]) Зачеркнуто: «Правительств».

[13]) Зачеркнуто: «Уссурийский имеющимися там силами».

[14]) Зачеркнуто: «на случай движения большевиков из».

[15]) Зачеркнуто: «определенно».

[16]) Зачеркнуто: «Связи этим, такие результаты ваших разговоров и сведений Владивостока».

этого посылаем через Владивосток шифрованную [1]) президенту Вильсону такого содержания: «Сибирское Правительство, приступая активной борьбе проникновением Германии Сибирь, обратилось союзникам просьбой признании, также помощи. Между тем некоторые державы, игнорируя законное Сибирское Правительство, готовы оказать поддержку отдельным группам, даже лицам, далеким общественности. Такая политика исключит возможность работы совместно союзниками общественно-государственных элементов, группирующихся вокруг Сибирского Правительства и Сибирской Областной Думы, вновь деморализует отрезвляющиеся большевизмом [2]) массы, усилит стране анархию, гражданскую войну. Сибирское Правительство уверено, что Штаты не примут решения, идущего вразрез волей народов Сибири. Принимая всецело на себя [борьбу с] большевизмом, Сибирское Правительство полагает необходимым участие охране магистрали целях планомерного продвижения союзных войск Урал, также восстановление транспорта ради снабжения Сибири товарами, машинами, союзников сырьем. Сибирское Правительство, уверенное благоприятном отношении к нему американского народа, ждет, что Штаты тотчас примут меры к тому, чтобы международный отряд Владивостоке согласовал свою деятельность Сибирским Правительством. Сибирское Правительство, учитывая полезную работу американской железнодорожной миссии, предполагает просить Штаты оказать ему налажении транспорта реальную техническую поддержку на началах, которые будут выработаны Сибирским Правительством совместно правительством Штатов».

Зависимости сведений Владивостока Дербер выедет или Владивосток или Пекин, дне отъезда телеграфируем. Моравский пока остается Харбине [3]). Связи занятой Америкой позицией полагаем необходимой осторожность решения поездки Токио [4]). Важно предварительно частно осведомиться отношении этому американского, французского [5]). Срочно сообщите ваше решение. Осведомитесь частно французского, американского [посланников] отношении нейтрализации Владивостока, переброски туда морем нашего [6]) отряда. Имейте виду возможность переброски Никольск [7]) отрядов Дальневосточного [8]), укажите [9]) нежелательность такой авантюры, телеграфируйте немедленно положение.

Дербер.
Моравский.

---

[1]) Зачеркнуто: «через харбинское американское консульство обратились».

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Зачеркнуто: «Адрес Захарова: Владивосток, Григорию Салову, востребования».

[4]) Зачеркнуто: «Полагаем необходимым предварительно окончательное решение вопроса поездке Токио».

[5]) Зачеркнуто: «посланника».

[6]) Было: «русского», зечеркнуто и надписано: «нашего».

[7]) Зачеркнуто: «Владивосток».

[8]) Зачеркнуто: «Комитета».

[9]) Зачеркнуто: «французскому, американскому».

25.

Телеграмма Устругова и Сталя Дерберу и Моравскому [1]).

Моравскому. Служебный вагон № 120. Харбин, вокзал.

Во исполнение телеграммы вашей от 8 апреля имели беседы американским, французским посланниками. Они находят, что опубликование декларации и декрета о добровольческой армии, обращение союзникам преждевременны, ибо поставят их затруднительное положение. Доклады посольств правительствам находятся еще пути, а наиболее важные организационные вопросы Харбина — сведения о широкой поддержке всевозможных групп, ставшие известными посланникам союзников в Пекине только после ваших сообщений их нам, должны быть дополнительно сообщены правительствам союзников. Нам советуют предложить Правительству во избежание нежелательного и пекинским посланникам неблагоприятного ответа вам со стороны их правительств или просто оставление вашего обращения без ответа послать срочно союзным правительствам дополнительную телеграмму, указав в ней, что в Пекине находятся два уполномоченных вами представителя для более детального разъяснения посланникам союзных держав программы и деятельности Сибирского Правительства. Второе, что если в случае, если бы союзные правительства для удобства переговоров нашли более целесоответственным, чтобы ваши уполномоченные переехали Японию, вы просите союзные правительства дать соответствующие указания посланникам Пекине. Кроме того Пишон после переговоров своим посланником находит, что если бы окончательно было достигнуто соглашение Хорватом и цензовиками, уничтожило бы опасение союзников обвинения их в вмешательстве внутренние дела России путем насаждения правительства, представляющего собою одну группу ущерб другим. Ввиду сложности международного положения и дипломатических отношений настойчиво просим интересах дела выступления, имеющие международное значение, согласовать предварительно нами. Учитывая все остальные разговоры, считаем, что впредь до окончательной конструкции Правительства хотя бы предварительного согласования союзными посланниками Пекине: 1) Дерберу необходимо остаться в Харбине, 2) члены Сибирского Правительства, находящиеся Владивостоке, должны сидеть смирно и 3) вам надлежит дать срочную телеграмму Владивосток, чтобы ни декларация ни декрет о добровольческой армии не были опубликованы. Кроме того находим, что впредь до установления официального представительства Японии необходимо,

---

[1]) К док. № 25. Печатаем расшифровку. В деле имеется подлинник. На документе пометы: 1) чернилами: «Получена 29 марта ст. ст.» и 2) красным карандашом: «29/III».

чтобы члены Сибирского Правительства, находящиеся Владивостоке, являлись связью хотя бы через адмирала Найта или американского консула посольствами союзных держав. Случае необходимости сношений членами Сибирского Правительства, находящимися Владивостоке, будем телеграфировать им вашим шифром на имя американского консула через американского посланника Пекине.

Устругов.
Сталь.

26.

Телеграмма Устругова и Сталя Дерберу.

Из Пекина. 27 марта (9 апреля) 1918 г.

Сегодня были французского посланника; немедленного признания Сибирского Правительства ожидать нельзя; его мнение, что данный момент Сибирское Правительство выступать не должно, а должна действовать военная организация, но при малейшем успехе последней не представляет себе другой власти, кроме Сибирского Правительства, как являющейся представительницей населения. Таким мнением разошлись, но полагаем, что уступка нашему взгляду вопрос самолюбия создателей манчжурских отрядов, почему приходится действовать очень постепенно. Если Хорват согласится схемой организации или вообще сотрудничать, чего надо добиться, просить Хорвата телеграфировать Шанхай через консула Колчаку. Сообщите выезд Дербера.

Устругов.
Сталь.

27.

Телеграмма Дербера и Моравского Устругову.

Peking. Wagonlits. Oustrougoff.

28 марта ст. ст. 1918 г.

Представители цензовых элементов всего Дальнего Востока, ознакомившись предложенными нами условиями соглашения, конструкцией малого совета, пришли заключению, что данный момент указанная комбинация является единственно приемлемой. Этом смысле цензовики сделают указания Хорвату. Официальным письмом Хорвату фиксируем наши условия соглашения, конструкцию малого совета следующим образом: состав малого совета паритетных началах входят члены Сибирского Правительства и представители деловых цензовых элементов. Малый совет состоит из 7 или 9 человек. Большой совет решает вопросы общего принципиального характера, пределах общих принципиальных решений, принятых большим советом, малый совет безусловно автономен. Мы решили ввести состав малого со-

вета министерства самоуправлений, военное, иностранное, путей сообщения, финансов, юстиции. Телеграфируйте ваше отношение принятым нами решениям.

П. Дербер.
В. Моравский.

28.

Телеграмма Захарова, Колобова и др. из Владивостока [1].

29 марта (11 апреля). [1918 г.]

Срочная. Шурупову. Вагон 120. Харбин.
Из Владивостока. № 1539/а.

Крупную сделку Маниловым подтверждаем до приезда Чумакова Харбин осуществление сделки задержите. Выезжаю тридцатого.

Чумаков.
Круглов.
Петров.
Аксенов.

29.

Дополнительное полномочие Устругову и Сталю [2].

30 марта (12 апреля). [1918 г.]

Дополнение телеграммы от 24/III Правительство Автономной Сибири имеет честь сообщить Японскому императорскому правительству, что для более детального разъяснения посланникам союзных держав программы и деятельности Сибирского Правительства Пекин командированы полномочные представители Сибирского Правительства Устругов и Сталь. Если Японское императорское правительство целях удобства переговоров найдет более целесообразным, чтобы наши уполномоченные переехали в Японию, не откажите дать соответствующие указания вашему посланнику Пекине.

П. Дербер.
В. Моравский.

---

[1]) К док. № 28. Чумаков — Захаров; Круглов — Тибер-Петров, Петров (?), Аксенов — Колобов. Тибер-Петров — министр туземных дел Временного Сибирского Правительства. На подлиннике надпись: «Манилов — цензовые элементы».

[2]) К док. № 29. Эта телеграмма за подписями: «Министр-председатель Дербер, член правительства, государственный секретарь Моравский» — передана одновременно в Пекин, Париж, Лондон, Вашингтон.

30.

Телеграмма Дербера Захарову [1].

Владивосток. До востребования. Григорию Салову.

29 марта ст. ст. 1918 г.

Настойчиво просим не опубликовывать ни постановления от 11 марта ни объявления о закупке товаров и создании транспорта. Не заключайте сделок сотрудниками до получения распоряжений. Ждите дополнительных точных инструкций.

Ребров.

31.

Телеграмма Моравского и Дербера Устругову.

31 марта 1918 г.

Péking. Wagonlits. Oustrougoff.

Доведите сведения союзников нашем предложении цензовикам Хорвату войти состав правительства, также конструкцию малого совета. Укажите, нашей стороны принимаются все меры соглашению цензовиками. Случае отказа ввиду возможности выступления Японии Правительство окажется вынужденным действовать в наличном составе, что является крайне нежелательным. Нашему мнению, союзники должны оказать давление Хорвата смысле необходимости соглашения невозможности иной комбинации. Совет союзников ускорит разрешение вопроса, телеграфируйте.

Моравский.
Дербер.

32.

Телеграмма Моравского Захарову [2].

31 марта (13 апреля). [1918 г.]

Записка во Владивосток. Григорию Салову.

Новиков телеграфирует положение иностранных биржах, требует особой осторожности сделках. Ввиду этого просим [3]): первое — воздержаться опубликования нашего расписания 11 марта, также объявления закупке товаров, телег, прочее. Действия относительно наших сотрудников согласуйте предварительно нашим уполномоченным

[1]) К док. № 30. «Постановление от 11 марта» — декларация Сибирского Правительства; «объявление о закупке товаров» — объявление об образовании добровольческой армии; «сделки с сотрудниками» — соглашение с союзниками; Ребров — Дербер.

[2]) К док. № 32. На документе пометка: «Передано по телеграфу как служебная записка».

[3]) Так в подлиннике.

Краскино. Случае необходимости Новиков будет сговариваться вами через Носилова; поэтому посылаем вам дубликат. Новиков полагает, что впредь до открытия филиального отделения Японии члены правления, уехавшие Мошково, должны установить через Носилова сношение с доверенными иностранных кооперативных союзов. Торговля Петрикова вновь неопределенна. Ответа Басманова нет. Манилов предлагает учредить новое правление составе главным образом Шелковниковых участием членов настоящего правления. Такое предложение для нас неприемлемо. Маневровский благодаря проискам Михеевских акционеров был забаллотирован, однако теперь опять работает. Сообщите подробно Мошковских делах, пользуясь установленным сегодня сношением. Условьтесь времени передачи нам вашей записки.

Иванович.

[Расшифровка.]

Владивосток. Григорию Салову.

Передать во Владивосток.

Устругов телеграфирует: международное положение требует особой осторожности выступлениях, переговорах. Ввиду этого просит [1]): 1) воздержаться опубликования декларации и декрета сформировании армии и флота; 2) выступления, имеющие международное значение, согласовать предварительно нашими уполномоченными Пекине. Случае необходимости Устругов будет сноситься с вами через адмирала Найта, пользуясь нашим шифром. Шифр посылаем. Устругов полагает, что, впредь до установления официального представительства в Японии, находящиеся Владивостоке члены правительства должны являться связью, хотя бы через адмирала Найта, с посольствами союзных держав. Положение Харбине вновь приняло неопределенный характер. Ответа Хорвата еще нет. Цензовики выдвигают комбинацию сформирования нового правительства при участии Сибирского Правительства, комбинация для нас неприемлемая. 28 распоряжением Орлова его помощника арестованы были Никитин, Сулавко, которые 29 отпущены. Сообщайте подробно положение дела Владивостоке, пользуясь устанавливаемой связью. Условьтесь времени передачи нам вашей записки.

Иванович.

33.

Программа Правительства Автономной Сибири [2]).

1. Признание союзниками Сибирского Правительства и комиссаров Временного Правительства в совокупности как единственных пол-

[1]) Так в подлиннике.

[2]) К док. № 33. Документ написан на пишущей машинке. Наверху сделана надпись карандашом: «Валериану Ивановичу Моравскому». Далее следуют 2 неразборчиво написанных слова и дата: «1. IV. 18. Харбин».

ных и правомочных представителей Сибири и центрального правительства впредь до его восстановления.

2. Передача всех русских фондов, находящихся на Дальнем Востоке, в распоряжение органа власти, указанного в пункте 1.

3. Признание всех лиц, назначенных Временным Правительством, занимающих посты, на которые они Временным Правительством назначены.

4. Непризнание лиц, назначенных или подтвержденных большевической властью.

5. Кооперирование [кооптация?] в состав правительственного органа, указанного в пункте 1, цензовых элементов, могущих быть полезными делу.

6. Образование министерств.

7. Передача верховного командования лицу с диктаторскими полномочиями в оперативной части, основанными на законах Временного Правительства, распубликованных через Правительственный Сенат.

8. Образование штаба верховного главнокомандующего, с включением в него представителей всех союзных армий.

9. Захват линии Владивосток — Пограничная с отрезанием Хабаровска.

10. Образование базы во Владивостоке.

11. Англия и Япония снабжают всем необходимым.

12. Стратегический резерв из бригады — дивизии японцев.

13. Включение в резерв представителей всех союзных армий.

14. Образование ядра российской добровольческой армии.

15. Американские инструктора усиливают провозоспособность ж. д.

16. Восстановление местных самоуправлений. Выборы в Сиб. Учредительное Собрание.

17. Широкая пропаганда здоровых мыслей о возрождении России и о возвращении ее Согласию.

34.

Телеграмма Дербера и Моравского Устругову.

1 (14) апреля. [1918 г.]

Пекин. Вагон ли. Устругову.

Владивостокское городское самоуправление предлагает нам организовать охрану города под флагом городского самоуправления наши средства. Это дает возможность легальной организации отряда тысячу пятьсот человек. Считаем необходимым немедленно приступить организации, но нет средств. Нам сообщают, державы склоняются диктатуре Колчака. Проверьте, телеграфируйте.

Дербер.
Моравский.

35.

Телеграмма Дербера и Моравского Устругову.

5 (18) апреля 1918 г.

Пекин. Устругову.

Хорват, Цеклинский, члены Дальневосточного Комитета выехали Пекин. Создается враждебная нам комбинация. Сталь не приехал. Не хотим без вас телеграфировать [С.-А. Соединенн.] Штатам, однако предлагаем вам настойчиво послать Штатам текст сообщенной вам телеграммы указанием чрезвычайной опасности нарождающейся противообщественной комбинации Пекине и предложением оказать нам помощь указанных телеграмме условиях. Отвечайте срочно.

П. Дербер.
В. Моравский.

36.

Письмо Кузнецова Моравскому из Читы.

г. Чита. 4 апреля 1918 г.

Многоуважаемый
Валериан Иванович.

Получил вашу телеграмму о том, чтоб Ник. П. и др. выехали в Харбин. Немного неясно, кого еще вы зовете, и нужно ли подразумевать под учредителями бюро — членов Думы; таких здесь четверо: Залэнский, Иваницкий и 2 студента. Все они страшно тяготятся своим неопределенным положением, так как им совершенно нет работы. По комиссариату же нечего делать, так как там главное внимание обращено на военную организацию и для этого привлечены местные силы. И члены Думы и работающие в комиссариате чуть не каждый день обращаются ко мне с вопросами относительно Харбина, но что я могу ответить? Говорю только, что будут известия — немедленно сообщу. Все остаются очень недовольными, но я очень хочу им все время прибавить от себя, что правительство не обязано извещать о всех переговорах и совещаниях, которые, наверно, у вас происходят. Вчера спрашивал Б. относительно телеграммы. Он не может ехать, а Н. П. едет. Комиссариат, в частности военная организация, работает успешно, но впереди предстоит затруднение. Деньги, оставленные вами, расходуются быстро и, если возможно, сообщите с кем-нибудь мне письмом ваши финансовые соображения на будущее, а то я затрудняюсь в ответе комиссариату. Политическое положение в Чите расскажут вам приезжающие. Комиссариат желает связаться с вами более тесно и потому едет к вам Трапезников. Здесь ему совершенно нет работы, как и всем приезжим.

Готовый к услугам *Д. Кузнецов.*

37.

Телеграмма Дербера и Моравского Захарову [1]).

Владивосток. Григорию Салову.

5 (18) апреля. [1918 г.]

Хорват уехал Пекин. Пекине повидимому создается новая комбинация. Немедленно предложите великобританскому консулу консервы, выясните возможность получения денег по чекам, пришлите чек Русско-Азиатского банка. Повидайте консула сегодня, крайнем случае завтра утром; завтра же обязательно сообщите результаты, по возможности таким расчетом, чтобы мы получили здесь ответ к часу дня.

Владивосток выезжает инженер Смитт, установите с ним сношения через Найта. Подробно сообщите положение дела запиской. По получении денег Хабаровска вышлите немедленно Харбин нарочным 150 000 рублей. По получении денег Международном банке вышлите нам немедленно нарочным десять тысяч рублей.

П. Дербер.
Моравский.

38.

Телеграмма Тибер-Петрова и Жернакова Дерберу [2]).

Срочно. Харбин. До востребования. Александру Плахтиенко.

Из Владивостока. № 266. 9/IV. [1918 г.]

До получения ответа правления Антона считаем продажу консервов абсолютно недопустимой, срочном приезде Реброва, Аверченко настаиваем.

Круглов.
Корсаков.

39.

Письмо Тибер-Петрова [3]).

Владивосток. 26 апреля (9 мая) 1918 г.

Соколов, находящийся сейчас в Благовещенске, пишет, что для развития там нашей работы ему необходимо иметь удостоверение в том, что он является лицом, уполномоченным Сибирским

---

[1]) Док. № 37. Что разумеется под «консервами» — расшифровать не удалось. По словам лиц, принимавших близкое участие в делах Правительства Автономной Сибири, речь идет об условиях, которые нужно было предложить Англии с целью склонить ее к признанию Сибирского Правительства.

[2]) Док. № 38. «Правление Антона» — правительство Англии. Что разумеется под «консервами» — см. Предыдущее прим.; Аверченко — Краковецкий, военный министр Сибирского Правительства; Круглов — Тибер-Петров, Корсаков — Жернаков, член Временного Сибирского Правительства.

[3]) Док. № 39. Адресат не указан.

Правительством для исполнения его поручений в Благовещенске. Просим переслать ему указанное удостоверение по следующему адресу: Благовещенск, до востребования Нине Владимировне Климанской. Адрес самого Соколова следующий: Благовещенск, Стрелочная улица, № 2, кв. 7. Для зашифрования писем, адресованных капитаны [1]), пользуйтесь словом «іоакимови». Отдельный код для телеграфных сношений с этим лицом пошлем с первым попутчиком. Название № 713 «семейный». Благодарим за ваше предложение сидеть смирно, но все же ждем объяснений, почему мы должны сидеть смирно. Целую.

Тибер-Петров.

40.

Записка Тибер-Петрова, Жернакова и др. Моравскому [2]).

Василенко для Ивановича.

Сделки Сорокинским рыбником налаживаются. (Цифрами обращайтесь аккуратнее.) Переговоры реализации ведем (понедельник сообщим результаты), прибыл Корсаков поручениями товарищей гостиницы Павлова и кооперации, директирующими совместную работу Маниловыми решительность действий, ответственность только за Томск и все его обязательства с указанием точных сроков наших томских платежей и обязательств пред сотрудниками, также делают совместно с Аркадием важные сообщения, влияющие на необходимость быстрых активных решений к закупке здесь товаров. Со слов помощника Аверченко западно-сибирские кооперативные товары готовы, ждем нетерпением Аверченко, директора. Ближайшим поездом, ехать морем не рекомендуем, Жигулевники, Форов, вероятно, не приедут. Сообщение Пекин, что Сибцементу Петриково нужны каменщики, получено. Рабочие и каменщики подвигаются и еще будут отправлены.

Круглов.
Корсаков.
Аксенов.
Чумаков.
Петров.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) К д о к. № 40. «Аркадий» — возможно, А. Н. Петров, член Сибирского Правительства, к этому времени приехавший во Владивосток. «Помощник Аверченко» — повидимому, Н. А. Галкин. «Товарищи из Красноярской тюрьмы и военных организаций» — члены Областной Думы, сидевшие в это время в Красноярской тюрьме. Имеются в виду главным образом председатель Сибирской Областной Думы И. А. Якушев и министр юстиции Г. Б. Патушинский. Форов — повидимому, Вт. М. Крутовский, приезд которого совместно с П. В. Вологодским ожидался во Владивостоке.

[Расшифровка.]

Василенко для Ивановича.

Переговоры по прямым проводам с Иркутском налаживаются. (Цифрами обращайтесь аккуратнее.) Переговоры о реализации ведем. В понедельник сообщим результаты. Жернаков прибыл с поручением товарищей Красноярской тюрьмы и военных организаций, признающих возможность совместной работы с цензовыми элементами и высказывающихся за решительность действий, ответственность только за Сибирь и все ее обязательства с указанием точных сроков сибирских платежей и обязательств пред союзниками. Жернаков вместе с Аркадием делают важные сообщения, вызывающие необходимость быстрых активных решений для организации здесь войск. Со слов помощника Краковецкого войска западно-сибирских военных организаций готовы. Ждем с нетерпением Краковецкого и Дербера. Ехать морем не рекомендуем. Вологодский, Форов, вероятно, не приедут. Сообщение из Пекина и что Сибирская Областная Дума в Харбине ждет своих членов получено. Члены Учредительного Собрания и члены Думы съезжаются и еще будут отправлены.

Тибер-Петров.
Жернаков.
Колобов.
Захаров.

41.

Записка Василенко для Моравского и Дербера из Владивостока [1]).

8 апреля 1918 г. Дмитриевым совершено нападение на дом, в котором проживает Аксенов. Забравшись в квартиру последнего, грабители похитили наши торговые документы, а также накладную, присланную Шенецем. Необходимо предупредить все отделения наши,

---

[1]) К док. № 41. В газетах 1918 г. печатались сообщения о найденных у Колобова документах. Часть документов приводится нами в настоящей публикации, часть же отсутствует в архиве Правительства Автономной Сибири. Мы считаем не лишним опубликовать сообщение об аресте Колобова с приведением найденного у него основного документа — проекта телеграммы Вильсону. Публикуемое нами сообщение было послано тогда же по телеграфу в Иркутск, в Центросибирь, а оттуда в Москву.

«Иркутск. Центросибирь. Москву. Совнарком.

21 апреля квартире Михаила Алексеевича гражданина Колобова членами Исполнительного Комитета был произведен обыск. Результатом обыска выяснилось, что Колобов состоит членом Правительства Автономной Сибири. Найденных бумаг видно, что Сибирское Правительство предпринимает шаги для реализации своей авантюры с помощью союзников. Приводим полностью документы: «Беседа с английским консулом должна носить характер доведения до его сведения фактических обстоятельств по поводу готовящихся практических мероприятий и в частности о переброске во Владивосток для занятия его воинских частей и о сформировании во Владивостоке сил. Вопросы, которые необходимо

также отправителей и получателей чая о принятии всех мер предосторожности, дабы не потерпеть убытков. Номера похищенных накладных следующие: 1140, 1350, 8401, 9956, 7040, 6745, 1235, 2214, 0932, 2599, 4019, 4873, 4111, 9938, 7325, 5625, 6000. Временно прекратите сношения Мошковым.

[Расшифровка.]

Записка Василенко.

8 апреля 1918 г. большевиками совершен обыск в доме, в котором проживает Колобов. За время обыска у последнего были отобраны наши документы, в том числе проект (телегр. Вильсону), присланный Моравским. Необходимо предупредить все отделения наши, а также отправителей и получателей телеграфных сообщений о принятии всех мер предосторожности, дабы не потерпеть неудач. Документы опубликованы сегодня в газетах. Временно прекратите сношения с Владивостоком.

задать консулу: можно ли рассчитывать на содействие воинских сил союзников в направлении недопущения большевистских сил на Владивосток после занятия его силами Правительства Сибири; можно ли рассчитывать на содействие воинских сил союзников в направлении недопущения движения сил большевиков на Никольск-Уссурийский из Хабаровска с таким расчетом, чтобы местности в полосе к востоку от ж.-д. линии Владивосток — Харбин и самая железнодорожная линия оказались в руках Правительства Сибири. Предварительно консула надлежит информировать по поводу положения вещей на Западе; так как получены сведения о том, что оружие можно получить только через Японию, то не надлежит ли поставить соответствующие вопросы Японии. Необходимо ли сделать визиты японскому и французскому консулам, а равно и другим. По поводу беседы с Найтом необходимо, чтобы беседе этой предшествовало сообщение о положении дел в Западной Сибири, так как он интересовался нашими делами, затем указать ему, что неопределенность положения крайне благоприятствует усилению влияния Японии за счет других союзников. Позиция, занимаемая представителями Японии по поводу признания Сибирской власти, позволяет думать, что Япония держит всецело в своих руках возможность признания. Она ставит определенные условия признания, из каковых необходимо указать на невооружение Владивостока. Такое преобладание японского влияния крайне тревожит Правительство Сибири, так как есть общественные группы, которые, повидимому, непрочь использовать сепаратную помощь Японии, которая готова оказать ее. Стремление Японии подчинить своему безусловному влиянию некоторые экономические вопросы, как, например, рыбные промыслы на Камчатке, причем непризнание Правительства делает для него затруднительным борьбу за влияние на Дальнем Востоке — и заставляет думать, что неопределенность положения приведет к крайне прискорбному усилению влияния Японии за счет всех других держав; поэтому мы считали необходимым довести до сведения Америки, что дальнейшая неопределенность на Дальнем Востоке приведет к решительной победе японского влияния, так как некоторые круги могут решиться на все, включительно до сепаратного соглашения с Японией. Что же касается Правительства Сибири, то неопределенность может заставить его преждевременно, с точки зрения организационной работы, выступить и тем самым поставить на карту все. Считаем, что Америка должна определить свое отношение к Правительству Сибири, если она дружественно настроена к нам».

42.

Телеграмма Моравского Дерберу из Владивостока [1]).

Харбин. До востребования. Александру Плахтиенко.

Из Владивостока № 40/а. Принята 20/IV 1918 г.

Степан пока воздерживается, выясняю дальше. Рабочие Приморской боятся Харбина, выясняют условия своей работы, может быть согласятся отъезд Харбин. Работаю приисканию магазина, мало подходящих помещений. Когда найду, немедленно выеду Харбин, вероятно на-днях. Подходящих нам товаров Владивостоке нет.

Петров.

43.

Письмо из Владивостока Моравскому и Дерберу.

21 апреля ст. ст. [*1918 г.*]

Во Владивостоке циркулируют упорные слухи: 1) Сибирское Правительство признано; 2) военные силы в полосе отчуждения включительно до Семенова отныне являются силами Сибирского Правительства; 3) наступление Семенова происходит от имени Сибирского Правительства.

Полное отсутствие информаций из Харбина ставит нас в совершенно ложное положение и создает полную невозможность работать здесь. Считаем такое положение абсолютно недопустимым и тем более удивляемся вашему упорному молчанию, что вам бы следовало кратко сообщать нам о результатах пребывания в Пекине и о возможных планах ближайшей работы.

8 мая нового стиля на Имане съезд казаков. Будут обсуждаться вопросы о признании Советской власти, об организации казачества, о земле и целый ряд организационных вопросов внутреннего характера.

Практическая работа Сибирского Правительства характеризуется перепиской Устругова и Сталя с Колобовым, которую приводим. Далее следуют выдержки из некоторых опубликованных выше нами документов. Телеграмма заканчивается: «Сообщаем лишь часть документов по производству следствия; поступающие документы будем телеграфировать. Тов. предс. Совета *Никифоров*».

Вслед за опубликованием найденных у Колобова документов НКИД обратился к представителям Японии с нотой, в которой выражал протест против поддержки японским консулом во Владивостоке контрреволюционных элементов. Аналогичные ноты были переданы также представителям Англии, Франции и Соединенных Штатов.

На документе помета чернилами: «Получено 11/IV в 2 ч. 40 м.»

[1]) К д о к. № 42. На подлиннике находится приписка: «Справка. Степан — Америка. Рабочие — члены Учр. Собр. Магазин — эмиссариат. Товары — войска».

Съезд имеет огромное значение, отсюда едут Юдин, Выхристов и Сорокин. Необходима исчерпывающая информация об общем положении дел Сибирского Правительства, так как вопросы об автономии Сибири и Сибирского Правительства будут поставлены. Много данных за то, что съезд будет антибольшевистским. Ожидается присутствие даже Калмыкова.

Седьмого учительский съезд в Николаевске-Уссурийском. Предпринимаем меры, чтобы связаться через них с населением.

Агитационная работа в этом смысле налаживается. Печатанию листовок воспрепятствовали наступившие праздники. В конце пасхи начинаем усиленную агитационную работу. Городская Дума сегодня распущена, она как и земство погибла, не вызвавши ни у кого сожаления. Наступает здесь тот период работы большевиков, когда должны быть закрыты здесь все газеты небольшевистские.

Сознание активизма в борьбе с большевиками наступит во Владивостоке и в Приморском крае лишь после этого. Убедительно просим через день сообщать цифровым шифром по почте о положении дел по адресу Ив. Ив. Шурупова или гралса л [1]) Салова до востребования.

Подпишитесь для нас на все харбинские газеты с условием, [чтобы] их высылали по адресу Владивосток, Полтавская, дом 13, квартира японского бюро, Константину Карловичу Хаге. Здесь их купить нельзя.

С Благовещенском устанавливаем связь. Командировали туда капитана, известного нам всем, и одного нового служащего и женскую связь. Юдин проедет туда для организации эмиссариата после Имана и Хабаровска.

Относительно консервов можно сообщить следующее: консул послал материалы по предложению в министерства, ответ ожидает на днях. Реализация чека усложнилась тем, что придется ехать по месту нахождения счета. Лицо, взявшееся реализовать чек, сможет поехать туда лишь в конце пасхи.

С ним поедет Юдин, и немедленно по реализации деньги будут привезены вам. Реализация будет стоить крупного куртажа, примерно до 15%, так как помимо куртажа лицу, взявшемуся реализовать, очевидно, придется платить еще и комиссару того банка, где счет.

Вашу телеграмму о согласии считаем согласием на куртаж во всей его полноте. Вашими бесконечно длинными телеграммами, по существу ничего не говорящими, провален провод [2]); теперь придется сообщаться через Никольск-Уссурийский и специально каждый раз посылать нарочного туда. Нам очень жаль, что нашему первому предложению о прекращении шифровой передачи на Владивосток вы почему-то не придали никакого значения. Вы, вероятно, думаете, что мы работаем в харбинских условиях, и забываете, что подобными неосто-

---

[1]) Так в подлиннике. Вероятно: «Григория».

[2]) Так в подлиннике.

рожными действиями вы проваливаете нашу общую работу, а активно сочувствующих и работающих для автономии Сибири ставите [в] положение гонимых.

У Косолапова был обыск, он накануне увольнения.—Связь с Иркутском никак установить не можем. Известное вам лицо находится в большом подозрении у большевиков и его не пускают в аппаратную комнату. Вчера отправлены отсюда в Хабаровск отряды красногвардейцев и красноармейцев, всего до 400 человек, снабженных оружием; среди отправленных есть отряд артиллеристов с шестью орудиями. По слухам, указанная отправка вызвана движением Семенова на Хабаровск. Позавчера из Читы была экстренно потребована помощь от Совдепа, и потому вчера в городе было большое оживление, носились грузовики, проходили с музыкой боевые части.

Какие у вас сведения из Читы? Тибер-Петров пока будет во Владивостоке и не выедет в Харбин.

С товарищеским приветом.
Подлинное подписали Тибер-Петров и Юдин.

44.

Интервью с членом Правительства Автономной Сибири Моравским.

Член Правительства Автономной Сибири В. И. Моравский поделился своими мыслями по некоторым вопросам, являющимся злобой дня Дальнего Востока. Самым актуальным из них является вопрос о коалиции Сибирского Правительства с цензовыми элементами, и по этому поводу В. И. Моравский сказал следующее:

Вопрос о коалиции с цензовыми элементами поднимался еще в Томске в частных совещаниях членов Сибирской Областной Думы; во всей своей сложности он встал перед Сибирским Правительством лишь по переезде его в Харбин. Изменившиеся условия политического момента, международная обстановка, проезд членов Правительства через всю Сибирь и личные их наблюдения над положением на местах не оставили сомнений в необходимости объединения всех живых сил страны. Несмотря, однако, на то, что вопрос этот принципиально разрешен Правительством в положительном смысле тотчас по приезде членов Правительства в Харбин, практическое его осуществление находится еще в стадии обсуждения. Я считаю, что Правительство приняло все меры для достижения соглашения с цензовыми элементами. Правительством предложены условия, делающие возможным искреннее соглашение всех элементов, для которых дороги интересы родины и которые не найдут путей к восстановлению монархии или поддержанию анархии. Слово теперь за цензовыми элементами. Мы ждем ответа. Не скрою, однако, от вас, что политическая конъюнктура такова, что долго ждать ответа мы не можем и неполучение его в ближайшее время может заставить Правительство выступить в наличном составе. Сведения из

Западной и Восточной Сибири рисуют положение в таком виде, что отсутствие организующего центра может повести к развитию стихийных вспышек против Советской власти, вспышки эти будут подавлены, и это повлечет за собой лишь усиление позиции большевиков. Независимо от этого Правительство не может не считаться и с тем, что каждый лишний день анархии не только вконец подтачивает все основы хозяйственной жизни страны, но и создает условия, при которых все более и более запутывается международная обстановка.

— На каких основаниях вы мыслите коалицию с цензовыми элементами?

— Соглашение должно быть достигнуто на платформе, изложенной в декларации Сибирского Правительства и одинаково приемлемой для обеих договаривающихся сторон. Установление законного правопорядка, обеспечивающего личную и имущественную неприкосновенность, борьба с большевизмом, территориальная целость и экономическая самостоятельность Сибири, созыв Всероссийского Учредительного Собрания, активная борьба против большевистско-германского мира, тесное единение с союзниками на основе существующих договоров, организация снабжения Сибири всеми предметами первой необходимости — все это такие положения, которые поддержит всякий истинный гражданин Сибири независимо от его классовой принадлежности.

— Кто должен войти в состав коалиции?

— Представители цензовых элементов, организованной буржуазии, а не случайные лица; я полагаю, что в Правительстве должна быть представлена вся цензовая Сибирь, а не только ее восточная окраина. Для представителей западно- и восточно-сибирской буржуазии в коалиционном министерстве могут быть оставлены вакантные места, которые будут замещены после того, как падет Советская власть в Восточной и Западной Сибири.

— В каком положении находятся переговоры с союзными державами о признании Сибирского Правительства?

— По формальным причинам переговоры с союзниками затягиваются, но нельзя сомневаться в том, что они не могут не дать благоприятных результатов, так как наши цели совпадают с целями союзников. Для отвлечения германских сил с западного фронта и для предотвращения германизации Сибири, могущей безмерно усилить Германию, союзникам необходимо создать Уральский фронт, и тут нам вполне по пути с ними. Этот фронт не может быть создан иным путем, как соглашением с властью, опирающейся на население. В газетах промелькнули сведения, что союзники с целью создания Уральского фронта готовы вести переговоры с большевиками, но этому нельзя придавать серьезного значения так как большевики бессильны помочь союзникам. Та власть, вся сила которой заключалась в лозунге: «Мир во что бы то ни стало», не может поднять народ на новую войну. Но независимо от этого союзники по другим соображениям заинтересованы в том, чтобы в Сибири прекратилась большевистская анархия

и установился порядок. После окончания войны в Соединенных Штатах и Японии, в связи с демобилизацией промышленности, неизбежен промышленный кризис, который примет грандиозные размеры, если к тому времени Сибирь окажется германским рынком, а сибирское сырье будет вывозиться только на запад. Сибирь — нетронутая страна, и будущее ее велико. Центр мировой торговли перенесется после войны с Атлантического на Тихий океан, и Сибирь, имея естественный выход к этому океану, сыграет большую роль, в особенности если осуществится гениальный американский проект соединения северной Сибири рельсовым путем с Америкой через Берингов пролив.

— Считаете ли вы необходимой вооруженную поддержку союзных войск при создании Уральского фронта?

— Без сомнения, союзникам придется двинуть к Уралу свои отряды вместе с войсками Сибирского Правительства, но отряды эти будут иметь исключительно стратегические задания, и никакое их вмешательство во внутренние дела Сибири недопустимо. Что же касается технической и финансовой помощи, то, конечно, она неизбежна. Я верю, что союзники как реальные политики прекрасно учитывают положение, — закончил беседу В. И. Моравский, — это и позволяет мне оптимистически смотреть на будущее.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Код № 27 «японский».

Агитация — реклама.
Арестовать — реквизировать, заболеть, уволить.
Америка — Спасский.
Англия — Антип.
Агарев — Тюленев.
Анархия — застой.
Байкал — прииска, Бобов.
Берлин — Берестов-о.
Буржуазия — Бернштейн.
Большевики — Вавилов.
Быховский — Наумов.
Верхнеудинск — Покровский-ое.
Военнопленные — Иванов, безработные, рогатый скот.
Владивосток — Ольгино.
Вена — Воронов-о.
Военная организация — кооператив.
Военное судно — баркас.
Вологодский — Петерсен.
Винтовка — огурцы.
Войска — товары, припасы.
Вострогин — Городилов.
Вашингтон — Крестовский-ое.
Городское самоуправление — Самохвалов.
Государственный секретарь — бакалея.
Государственный контролер — бухгалтер.
Гродеково ст. — Андреев-ка.
Голенки ст. — Киреевка.
Германия — Кунст.
Гейман д-р., советник — Шифман.
Гребенщиков А. Н., проф. — Васильев.
Главнокомандующий ин. войсками — комиссионер.
Договор — условие, контракт.
Дальневост. Ком. — мельница.
Делегат — представитель.
Добровольческий — крестьянский, розничный.
Депутат Обл. Думы — рыбники, рыбопромышленники.
Декларация — объявление, каталог.

Диктатура — несостоятельность.
Диктатор — Пеньков.
Дербер — Яковлев.
Документы — фактура, расписки.
Деловой кабинет — Бородин, таможня.
Жернаков — Никольский.
Жертвы — убытки, расходы.
Земство — биржа.
Захаров Е. В. — Мазуров.
Западная Сибирь — Кедров-ка.
Иркутск — Платонов-о.
Кобе — Глазков.
Консул — доверенный, посредник.
Коалиция — товарообмен, приемочная комиссия, мировая.
Като адм. — Кистер.
Кадеты — купцы.
Константинополь — Софиевск.
Крупенский посл. — Чужаков.
Кудашев посл. — Князев.
Курьер — попутчик.
Красноярск — Сосновский-ое.
Краковецкий — Аркашин.
Крутовский — Савин.
Колчак — Хомутов.
Китай — Кузнецк.
Куанчендзы — Сергеев-ка.
Киев — Данилов-ка.
Колобов — Богданов.
Лавров — Коноплев.
Михайлов И. А. — Гречихин.
Меньшевики — Свирин.
Москва — Липецк.
Монархия — товарищество на вере.
Министр — поставщик, закупщик, специалист.
Министерство военное — машины.
Министерство народн. просв. — хлопок.
Министерство труда — рыба.
Министерство юстиции — готовое платье.
Министерство земледелия — хлеб.
Министерство финансов — кожи.
Министерство здравия — медикаменты.
Министерство туз. дел — пушнина.
Министерство пут. сообщ. — железо, скобяной.
Министерство снабжения — фрукты.
Министерство торг. и пром. — шерсть, мануфактура.
Министерство внешн. снош. — обувь.
Министерство без портфеля — галантерея.
Моравский — Черкасов.
Медведев — Шляпников.
Нагасаки — Мещерский-ое.
Неометуллов — Татаринов.
Н.-Николаевск — Сатонов-ка.
Никольск-Уссур. — Степанов-о.
Найт адм. — Найденов.
Николаевск Ам. — Сузун.
Нью-Йорк — Зимин-о.
Новоселов — Ефремов.
Нар. социалисты — Павлов.
Офицер — приказчик, надсмотрщик.
Областная Дума — рыбная биржа или съезд рыбопромышленников или Ядринцев.
Омск — Иртышск.
Отряд — партия.
Осака — Синицын-о.
Омская группа прав. — агентство.
Петропавловск н/Камч. — Поспелов-о.
Положение дел — баланс, курс.
Пограничная ст. — Мухин-а.
Петроград — Мариинск.
Пекин — Малинов-о.
Париж — Парашкин-о.
Правительство — фирма.
Посланник — уполномоченный.
Полк — тонна.
Плешков — Лысенко.
Пушка — арбуз.
Пулемет — сливы.
Путилов — Токарев.
Патроны — баклажаны.
Печенга — магазин.
Признание — кредит, учет векселя.
Патушинский Г. Б. — Борисов.
Рим — Надеждино.
Русанов — Аникин.
Рота — место.
Россия — Фомин.
Рэнгино — Краскин.

Совещ. член. Думы во Владивостоке — собрание акционеров.
Снаряды — груши.
Сибирь — Бараба.
Сибирское Правительство — Сибанк, Правление.
Дирекция — Волков.
Союзники — Гаврилов, фабриканты, пайщики.
Соц.-рев. — Серов.
Серебренников — Лисицын.
Семенов — Горелов.
Совет м-ров — Комитет.
Томск — Мамонтово.
Тибер-Петров — Викторсон.
Токио — Кирилов-ка.
Толстов — Столбов.
Учредит. Собрание — склад.
Таскин — Казаков.
Флуг — Изюмин.
Франция — Фялинов-о.
Харбин — Ходунов-о.
Хорват — Козлов.
Хабаровск — Колунда.
Центровики — Манеркин, судовладельцы.
Члены Учр. Собр. — рабочие.
Чехословаки — кета, Бринер.
Чита — Ковригин-о.
Шанхай — Песков-о.
Шатилов — Фатимов.
Шифр — накладная.
Япония — Максимов-о.
Эмиссариат — отделение.
Юдин И. С. — Сорокин.

	Консул во Владивостоке	Посланник в Пекине	Посланник в Токио	Правительство	Войска в Сибири
Английский-ое	Суворов	Ильфорд	Верин	Гусев	Сало, Бобриков
Американский	Капустин	Кларк	Носков	Парфорс	Лес, Пахомов
Французский	Мишель	Дюбуа	Карпов	Монахов	Щетина, Королев
Японский	Джонсон	Френкель	—	Кошелев	Рис, Ячменев
Китайский	Форд	—	Страхов	Пластунов	Керосин, Баталов
Русский	—	Сегедий	Ребров	—	Мешки, Печерский
Чехословацкий	—	—	—	—	Овес, Немешаев

Неизданные записки Л. Тихомирова.

За последние годы в печати появился ряд материалов из личного архива Льва Тихомирова. Наиболее крупной публикацией являются собранные в одну книгу его записки, памятная книжка, некоторые документы, изданные Центрархивом под общим заглавием «Воспоминания Льва Тихомирова» [1]). В «Красном Архиве», кроме того, были опубликованы некоторые очерки из истории революционного движения 80-х годов под заглавием «Из архива Л. Тихомирова» [2]).

Напечатанные материалы были получены Центрархивом от семьи Л. Тихомирова после смерти последнего, наряду с другими документами его личного архива. В настоящее время в распоряжение Центрархива поступили новые материалы из этого архива. Среди них — несколько тетрадей, содержание которых является органической частью напечатанных Центрархивом «Воспоминаний» Тихомирова. Из поступившей одновременно с последними материалами небольшой рукописи Л. Тихомирова, озаглавленной «Тени прошлого» — с подзаголовком «Вступительное объяснение», видно, что опубликованные до сих пор материалы представляют собою часть большой работы, задуманной Л. Тихомировым в последние годы жизни и лишь частично им выполненной. Из приложенного к «Вступительному объяснению» «оглавления» видно, что далеко не все из намеченного было им написано и что из написанного не все поступило в распоряжение Центрархива. Ряд отдельных записей к статьям находится, повидимому, в частных руках.

Во «Вступительном объяснении» Л. Тихомиров говорит, что он «всегда рассчитывал составить воспоминания о своей жизни», так как перед ним «прошло много достопримечательного». Но это намерение, как он пишет, ему «не удавалось исполнить по множеству дел и занятий, поглощавших время и силы...»

«Давно уже у меня начинало назревать, — пишет он, — истинное отвращение к политической деятельности, более всего — вследствие нараставшего во мне понимания, что я к ней совершенно непригоден по своим силам и характеру. В 1913 году, ликвидировавши лежащее на мне издание и еще раньше освободившись от службы, я порешил отстраниться совсем от всяких политических и общественных дел, в которых вечно стоял особняком, вне партий, будучи вследствие этого еще более неспособен к какому-нибудь полезному действию. Это намерение я и действительно исполнил, оставшись с тех пор совершенно частным обывателем. Но это не значит, чтобы я ничего не делал. На мне, по суждению моему, осталось два дела, которых было более чем достаточно до окончания

---

[1]) Центрархив. «Воспоминания Льва Тихомирова». Предисловие В. И. Невского. Вступительная статья В Н. Фигнер. Москва — Ленинград. Гиз. 1927 г.

[2]) См. «Красный Архив», 1924 г., т. VI.

моей жизни. Это — во-первых, сочинение об «Основных религиозно-философских идеях истории», во-вторых — «Мои воспоминания».

Далее Л. Тихомиров излагает характерные для этого мракобеса и ханжи воззрения на историю: «Можно сказать, что экономика и религиозно-философские идеи — это в истории — в с е. А между тем в наше время обе главные действующие силы, т.-е. буржуазия и пролетариат, стоят на одной экономике, что, хотя естественно при классовой борьбе, но ошибочно. Какую бы экономическую основу ни выбрало для себя человечество, оно не устроится без основы религиозно-философской».

Работа эта Л. Тихомировым была почти целиком закончена. Огромная рукопись на религиозно-философские темы находится в переданном Центрархиву личном архиве Тихомирова.

По окончании этой работы он приступает к «Воспоминаниям». «Но трудности, — пишет он в том же «Вступительном объяснении»,—являются и здесь. Я стал на четыре года старее, и силы соответственно еще более ослабели, а жизнь становится все труднее. Меня устрашает мысль, что если я начну сплошные воспоминания, хронологически с начала до конца, то я низачто не окончу. Сверх того, в буре расколыхавшихся стихий невозможно сосредоточиться на такой громадной картине. Эта буря постоянно чем-нибудь от нее отвлекает.

Поэтому я решил писать воспоминания в виде отдельных эпизодов и картинок. На каждом из этих маленьких очерков легче сосредоточиться. Между тем, если я успею сделать их много, то это фактически даст то же, что сплошные воспоминания, особенно если их потом связать хронологическим порядком с небольшими вставками. А до тех пор эти отдельные картинки легче публиковать, чем громадную книгу.

При этом я не прибегаю ни к каким литературным справкам. Я пишу не историю моего времени, а чисто личные воспоминания: то, что сохранилось в памяти, и так, как оно сохранилось. Мне кажется, что с таким характером эти очерки будут иметь более документальной ценности а в то же время для меня будет легче их писать.

Точно так же я решил писать эти воспоминания не в хронологическом порядке и не в каком-либо другом систематическом порядке, а просто как вспомнится, хотя бы по какому-нибудь случайному побуждению или настроению. Пусть эти «Тени прошлого» прилетают ко мне свободно, как им вздумается. Мне легче будет вслушаться в их голос, легче будет записать. Не беда, если что-нибудь менее «важное» захватит мою душу скорее, чем более «важное». Сказать по правде, для современника даже нелегко решить, что̀ более важно, и из мелочей складываются великие события. Эти мелочи тоже нужно знать будущему историку. Они составляют фон жизни.

Моя же работа пойдет тем легче и скорее, чем менее я буду преднамеренно думать, что̀ важно и что̀ неважно. Раз осталось у меня на душе, значит, для меня имело какую-то психологическую важность, а если имело для меня, то, значит, имеет и для человека вообще. И во всяком случае такая система воспоминаний для меня наиболее легка и удобна, а, следовательно, при ней работа пойдет скорее».

Эта запись датирована 23 сентября 1918 г. Судя по приложенному к «Вступительному объяснению» списку, всего было намечено Л. Тихомировым 80 тем, из которых значительное большинство не было автором выполнено [1]).

[1]) Перечень этих тем, написанный собственноручно Л. Тихомировым и приложенный к «Вступительному объяснению», следующий: 1) Забытый талант (Говоруха-Отрок). 2) Бродячий проповедник. 3) Встреча с В. С. Соловьевым. 4) Русский иезуит.

Наибольшую ценность из неопубликованных материалов представляет печатаемая ниже тетрадь под заглавием «За границей». Это — вариант уже опубликованного в «Воспоминаниях Л. Тихомирова» очерка под заглавием «За границу» [1]). Тетрадь с этими воспоминаниями там обозначена № 25, публикуемая ниже тетрадь имеет № 27; можно предполагать, что она написана позднее. По объему этот вариант значительно больше № 25. План очерка № 25 совпадает с № 27. Самыми существенными новыми данными являются подробности переговоров Л. Тихомирова с Н. Николадзе и история заграничных сношений Тихомирова с С. П. Дегаевым. Нет в первом варианте ряда характеристик тогдашних эмигрантов, которые даны во втором варианте (Элпидин, Жуковский, Лавров и другие). Впрочем характеристика П. Л. Лаврова в основном совпадает с характеристикой, данной Лаврову Тихомировым в другом его очерке: «Последние годы парижской жизни» [2]). Истории с письмом Я. Стефановича также уделено много места в «Памятной книжке» [3]).

О переговорах с Н. Николадзе в «Воспоминаниях» говорится дважды: в упомянутом уже очерке «За границу» и в прошении Л. Тихомирова на имя царя.

В очерке «За границу» Л. Тихомиров даже не называет имени Николадзе. О самом ходе переговоров говорит чрезвычайно кратко, оговариваясь, что ему «неудобно касаться наиболее интимных сторон рассказов N. (так условно именует он Николадзе), переданных мне по особенному личному доверию». В прошении на имя царя он останавливается на факте своих сношений с Николадзе вскользь: «Мне пришлось вести переговоры с прибывшим за границу делегатом некоторого кружка, стремившегося побудить революционеров к прекращению террористической деятельности, чтобы тем дать правительству

---

5) За границу. 6) Лавров, Петр. Лавр. 7) Плеханов, Георг. Валент. 8) Первые террористы. 9) В степи. 10) Во глубинах России. 11) Кавказская старина. 12) Эмигранты. 13) Пропагандисты. 14) Консерватор. 15) Киреев, Алекс. Алекс. 16) Новикова, Ольга Алекс. 17) Еврейский священник. 18) Студенчество. 19) Еропкин, Викт. Вас. 20) Астафьев, Петр. Евг. [21]. 22) Щеглов-Леонтьев, Иван Леонт. 23) На богомольи. 24) Ильин день. 25) Notre Dame des Anges. 26) Ночной Париж. 27) Революционный Париж. 28) Яков Стефанович. 29) Николка Быковцев. 30) Франжоли (Андрей) и Евгения Завадская. 31) Желябов и Перовская. 32) Землевольцы. 33) Народовольцы. 34) Липецкий съезд. 35) Грингмут, Влад. Анд. 36) Победоносцев, Конст. Петр. 37) Столыпин, Петр Арк. 38) Плеве, Вяч. Конст. 39) Интеллигенция и революция. 40) Михайловский, Ник. Конст. 41) Успенский, Глеб Ив. 42) Шелгунов, Ник. Вас. 43) Старые эмигранты (Жуковский). 44) Кружок Самарина. 45) Фабриканты и рабочие. 46) Предсоборное присутствие. 47) Нейдгарт, Алексей Ал. 48) Госуд. Дума. 49) Иерархи. 50) Введенский, Алексей Ив. 51) Зосимова пустынь. 52) Религия в народе. 53) Троице-Сергиево. 54) Конст. Ник. Леонтьев. 55) Васнецов, Викт. Мих. 56) Станюкович. 57) Протопопов, М. А. 58) Кривенко, С. Н. 59) Иванчин-Писарев, А. И. 60) Засодимский, П. В. 61) Елпатьевские. 62) Анненский, Ник. Фед. 63) Лесевич, Влад. Викт. 64) Колачевский, Макс. Макс. 65) Де Роберти. 66) Цертелев, Дм. Н ик. 67) Богданович, Евг. Вас. † 1914 г. 68) Иосиф Фудель — умер 20 окт. 1918 г. (53—54 лет). Похор. (18) окт. Пятница, Новодевичий. 69) Алехин, Ар... Вас. 70) Зборомирский. 71) Опрощение. 72) Буланжистское движение. 73) Лафарг, Малон... [неразборчиво]. 74) Студенты. 75) Поль Адам, Рони и пр. 76) Дрюмон. 77) Москва, Академия. 78) Ученое монашество. 79) Ник. Петр. Аксаков. 80) Верующая Франция.

В этом списке зачеркнуты следующие №№ по порядку: 1—4, 7, 8, 15, 17, 19, 20, 25, 26, 28, 30, 54, 67, 68, 72, 73, 76, 80.

[1]) «Воспоминания Льва Тихомирова». Центрархив, 1927 г., стр. 138—153.

[2]) Там же, стр. 296—305.

[3]) Там же, стр. 154—273.

возможность посвятить силы устроению России. Сочувствуя идее, я способствовал, сколько мог, этому господину, который, впрочем, скоро скрылся у меня из виду вместе с своими проектами [1]).

Несмотря на то, что ряд сообщаемых подробностей этих переговоров, несомненно, в известной степени навеян ставшими известными Л. Тихомирову мемуарами самого Николадзе, а также Бороздина, В. Н. Фигнер и др., в основном его рассказ о ходе переговоров представляет большой интерес как показания одного из самых близких свидетелей этого события. Л. Тихомиров обстоятельно анализирует воспоминания Николадзе и приходит к выводу, что они «в высшей степени неточны», что они «очень сомнительной искренности». Дальнейшие исследования историков этой эпохи должны дать объективную картину этого чрезвычайно любопытного эпизода в истории русского самодержавия начала 80-х годов. Несомненно одно, что публикуемые записки Л. Тихомирова в этой части из всей массы мемуаров и документального материала, относящегося к эпизоду сношений «Священной Дружины» с «Народной Волей», явятся ценнейшим историческим источником. Заслуживает, между прочим, большого внимания утверждение Л. Тихомирова, что Александр III «был очень хорошо ознакомлен с переговорами Воронцова». Этим Л. Тихомиров объясняет, почему он так глухо говорит о переговорах с Николадзе в своем прошении царю: «Дойдя до эпизода переговоров с Воронцовым, я постеснялся говорить о нем в бумаге, которая будет прочитана, конечно, не одним императором. Поэтому я упомянул об этом деле очень глухо, с замечанием, что оно, мне кажется, известно государю и что поэтому я расскажу эпизод подробно лишь в том случае, если он это мне прикажет. И, однако, такого приказания не в о с п о с л е д о в а л о. Это ясно указывало, что в моих объяснениях нет надобности, что император и без них все знает, а осведомлять комиссию по принятию прошений о таком моменте, когда он готов был вступить в соглашение с цареубийцами, — вовсе нежелательно».

Разрыв переговоров «Священной Дружины» с «Народной Волей» Л. Тихомиров совершенно определенно ставит в связь с предательством Дегаева. «Правительство боялось Комитета и потому готово было итти на уступки. Но вот (после ареста и предательства Дегаева) глаза его раскрылись, и оно увидело, на краю какой колоссальной глупости оно чуть-чуть не очутилось. Моментально ударили отбой: «Прекратить переговоры». (Николадзе, по словам Л. Тихомирова, получил извещение из России: «Прекратить переговоры и немедленно возвращаться, иначе угрожают большие неприятности».)

Дегаевщине Л. Тихомиров уделяет сравнительно мало места. Вся эта часть публикуемых ниже записок представляет чрезвычайный интерес. Л. Тихомиров очень ярко рисует свои встречи с Дегаевым, драматический момент неожиданной его исповеди и дальнейшие свои отношения к предателю.

Часть очерка, относящаяся к переговорам Л. Тихомирова с Н. Николадзе и С. Дегаевым, печатается целиком. В первой части опущены подробности переезда Л. Тихомировым границы и первых дней жизни в Женеве. В основном все это дано им, как уже упомянуто выше, в очерке «За границей», опубликованном в книге «Воспоминания Л. Тихомирова». Опущена также характеристика П. Л. Лаврова, так как в этом очерке Л. Тихомиров местами дословно повторяет характеристику Лаврова, данную им в «Последних годах парижской жизни» [2]). Точное название публикуемого очерка «Тени прошлого» № 27 — «За границей» (тетрадь первая).

[1]) «Воспоминания Л. Тихомирова», стр. 246.

[2]) См. «Воспоминания Л. Тихомирова».

Записи в этой тетради обрываются на истории предательства Дегаева и решении Л. Тихомирова перебраться в Париж с целью восстановления заграничного центра и издания «Вестника Народной Воли».

Ред.

Эмиграция 80-х годов. Переговоры со Священной Дружиной. Дегаевщина.

На вокзале встретил меня Добровольский. Я его знал еще по процессу 193. Он был по профессии врач и тоже впутался в революционную пропаганду. Его судили вместе со мной, и наказание было не особенно тяжкое — ссылка на жительство в Тобольскую губ. с лишением особых прав. Если бы он мог знать будущее, то, вероятно, предпочел бы отправиться в Сибирь. Но он, вместо того, отпросился на поруки, под какой-то большой залог (помнится — 50 тысяч), и удрал за границу вместе со своей женой, Марией Эдуардовной Гейштах, тоже судившейся по какому-то политическому делу. Не знаю, были ли они венчаны, но проживали под общей фамилией — Денисовых.

Жили они на Террасьере — так называлось это предместье, хотя никаких террас я там и не заметил. Местность — здоровая, около небольшого парка с роскошными вековыми деревьями. Но квартира была самая бедная — комнаты три, и невообразимо грязная. Детей Денисовы успели нажить двое детей [1]). Марья Эдуардовна успела вся иссохнуть от бедности. Сам Иван Иванович тоже был бледный и худой, что еще более бросалось в глаза при его высоком росте и длинной бороде. В комнатах у них царствовал невообразимый беспорядок. Вещей было немного, но все разбросаны как попало и набросаны одна на другую, как кому вздумалось. Жили они не то что бедно, а по-нищенски. Доходов почти не было. Он иной раз получал что-нибудь за медицинскую практику, она — за акушерскую, но это были гроши, тем более, что когда они получали несколько франков, то у них тотчас начинался своего рода кутеж. Они накупали колбас, ветчины, хлеба, и вся семья весело пожирала все это, не думая о завтрашнем дне. Главный источник доходов Ивана Ивановича были займы, — конечно, без отдачи. Как только случалось ему прослышать, что кто-нибудь из эмигрантов получал деньги, Иван Иванович моментально мчался к нему и просил дать ему, что можно было взять: 20 франков — так 20, 5 франков — так 5. Все уже привыкли к этому и вносили свою подать, потому что, нужно сказать, среди эмигрантов в те времена товарищество было очень развито, и друг друга они поддерживали. А Денисовы невольно возбуждали сожаление. Люди они были очень порядочные и симпатичные, только совершенно опустившиеся. При таком нищенском материальном существовании они влачили жизнь и без всякого внутреннего содержания. Другие эмигранты все же занимались политикой, делились на партии, грызлись между собой, занимались пропагандой, печатали листки и брошюры, ввозили их в Россию, набирали сторон-

---

[1]) Так в подлиннике.

ников своих партий среди русской молодежи, учившейся за границей. У некоторых эта деятельность была и очень оживлена и даже серьезна, как, например, у Плеханова с товарищами [1]). Другие жили, по крайней мере, в чаду революционных фраз.

У Денисовых-Добровольских никакого дела не было, ничего они не созидали и не разрушали. У Марии Эдуардовны самым светлым воспоминанием жизни было пребывание в доме предварительного заключения. Она с увлечением говорила, как арестованные вели между собою сношения, бунтовали против начальства, ходили на свидание с приходящими «с воли», передавали им записки из тюрьмы и т. д. Тюрьма, о которой всякий вспоминает с отвращением, была самым светлым лучом в этой бедной, бессодержательной жизни. А ведь и Мария Эдуардовна была когда-то молода, и у ней когда-то кипели мечты о революции, о великой деятельности. В эмиграции есть такой осадок полных неудачников, выброшенных из какой бы то ни было жизни, и они возбуждают глубокую тоску и жалость.

Наш приезд был для Денисовых великим событием. Мы для них были лично люди чужие. Но дать приют таким важным особам революционного мира, да еще секретно, сделаться хранителями политической тайны — это давало им давно забытый смысл жизни. Оба они ходили веселые и счастливые. У нас же, кстати, были общие воспоминания, — по тюрьме. У нас были сообщения о том, что делается в России, а у них рассказы об эмигрантах. У нас были все-таки небольшие деньжата, и Добровольские немедленно накупили всякой вкусной провизии. Так на Террасьере начался пир с веселыми разговорами, и не только приезд мой был достойно отпразднован, но хватило оживления и провизии и на следующие дни, пока мы не покинули этого гостеприимного крова...

***

Я твердо держался своего решения — не путаться в политику и избегал даже больших знакомств с эмигрантами. В Женеве в это время жил Владимир Голдовский, т.-е., в действительности, Иохельсон. Это был хороший еврей, страстный поклонник народовольчества, взявший на себя в Женеве миссию быть представителем, защитником и сотрудником народовольчества. Это было все содержание его жизни, хотя, конечно, он в сущности ровно ничего не делал, да и делать было нечего, кроме словесных турниров с прочими партиями, — плехановцами, драгомановцами, остатками ткачевцев. Плеханов его презирал и называл дураком, — да Голдовский, хотя не был дураком, действительно, обладал только самыми ординарными человеческими способностями.

---

[1]) Зачеркнуто: «у Ткачева, при моем приезде, впрочем, уже сошедшего с ума. У Драгоманова, хотя и стоявшего особняком [одно слово не разобрано] с своим «украинским» делом, а немного позднее изданием либерального «Вольного Слова». Элпидин, принявший швейцарское подданство, издавал «Общее Дело». Я называю наиболее крупные имена, но и прочие, мелкие люди, все-таки состояли при каком-нибудь «деле».

Довольно ограниченный, добрый, наивный, он сердечно привязывался ко всему «своему», в данном случае — к народовольчеству, не требовал себе в нем никакой важной роли, но для счастья своего должен был сознавать, что и он тоже народоволец, маленький член великой, как ему казалось, партии героев. В этом было нечто смешное, но, с другой стороны, было и трогательное. И вот я даже не открыл ему, что нахожусь в Женеве, и он долго не знал этого. Уходя от политики, я с отвращением думал о людях, которые меня снова будут втягивать в нее, а с Голдовским это было неизбежно. Итак я спрятался от него. Боже мой, как он был огорчен и разобижен, когда, наконец, моя тайна дошла до него! Как, он, народоволец, даже не знает о присутствии такой важной народовольческой персоны, а между тем Плеханов с друзьями знают это, я бываю у них!.. Это была обида смертельная, и нужна была вся сердечная доброта Голдовского, чтобы забыть ее, когда я, наконец, вступил в общение с ним.

Из эмигрантов я первое время поддерживал знакомство только с Эльсницами, Плехановым да познакомился с Жуковским, Николаем Васильевичем. Жуковский занимал совершенно особое положение в эмиграции. Он был — обломок герценовских времен. В России он принадлежал к семейству, кажется, чиновному и, во всяком случае, зажиточному. Рассказывал он как-то, что у него с товарищами была тайная типография, устроенная очень замысловато. Они придумали замаскировать наборную кассу в виде коллекции минералов. Под каждой коробочкой с минералом было гнездо с шрифтом. Приступая к набору, они снимали коробочки минералов, и тогда являлась на свет полная наборная касса. Не знаю, почему ему пришлось эмигрировать, но за границей он приютился около Герцена в качестве молодого подручного человека, кажется, по делам «Колокола». Не знаю, что он делал за границей. Эмиграция времен Герцена и Бакунина жила совсем не так, как в мои времена. У них была какая-то всемирная революционная деятельность, вместе с поляками, итальянцами, венгерцами и т. д., так что они находились в тесной связи с европейскими заговорщиками. Вследствие этого у них и образовались обширные знакомства за границей. Эти знакомства сохранились у Жуковского и в мое время. Он вообще хорошо знал европейскую жизнь, — вероятно, лучше, чем русскую, — и в идейном смысле продолжал оставаться революционером, хотя ровно ничего революционного не делал. Чем он жил в материальном смысле, не знаю, но жил, повидимому, обеспеченно. Человек это был чрезвычайно интересный, тонко развитой, широко образованный, очень умный, и — хотя с прежними революционными идеалами, но уже достаточно потрепанный жизнью. У него уже явилось много скептицизма в отношении практического осуществления этих идеалов, а тем более в отношении людей. Он мог иронизировать над самим Герценом. Рассказывал раз, как к Герцену приезжал Нечаев, рассчитывавший сорвать с него хороший куш на свои дела. Нечаев рассудил, что на барина лучше всего подействовать демократической грубостью.

Он явился в армяке, говорил по-мужицки, а больше всего сразил Герцена сморканьем в его изящно убранных комнатах. «Как приложит палец к ноздре, да шваркнет прямо на ковер, потом придавит другую ноздрю — да опять, на другую сторону... Так и ошалел Александр Иванович: народная сила идет в революции, нельзя не поддержать». Нечаев слупил с него за эту комедию 20 000 рублей. Другой раз Жуковский с грустью говорил о рабочем движении на Западе: «Что же, организуются рабочие, и даже как будто имеют свои убеждения. Но вот что наводит на меня сомнение: ведь все вожаки — из буржуазии, рабочая среда неспособна их порождать. Как же эти дети буржуа могут представлять рабочую идею?» Едва ли он даже допускал свой скептицизм высказываться во всей полноте. Темный брюнет, с острыми чертами худого лица и все еще искрящимися глазами, он часто помалкивал при горячих спорах эмигрантов, ограничиваясь саркастической гримасой. «Николай Васильевич, вы ужасно похожи на Мефистофеля», воскликнула однажды в такую минуту какая-то барышня. Он весь скривился в насмешливой улыбке. «А вы до сих пор не заметили, что я — Мефистофель? Я ведь и есть Мефистофель».

С Элпидиным я не хотел знакомиться, но однажды зашел к нему в библиотеку — взглянуть и на библиотеку и на него. Он тотчас обратил на меня самое подозрительное внимание. Это был человек, помешанный на шпионах. Они ему вечно мерещились. Это нельзя назвать манией преследования, потому что он их вовсе не боялся, а только очень любил разыскивать. Элпидин учился где-то в Казани, был там замешан в каких-то политических делах и эмигрировал что-то очень давно. Я с ним тоже познакомился позднее. Это был человек среднего роста, шатен, с широким лицом, совершенно неинтеллигентным, плотный, почти жирный. Он обладал большими практическими способностями, начал выпускать журнал «Общее Дело» и отдельные издания, завел библиотеку и вел дела так, что жил в известном благосостоянии.

Для изданий он умел выбирать книги, обещавшие хороший сбыт, как, например, сочинения Чернышевского, статьи Щедрина, непропущенные цензурой, и т. д. В результате книжная торговля Элпидина была единственной за границей, которая давала доход. Женился он на швейцарке и сделался женевским гражданином. Но собственно вожаком какой-нибудь партии он не был и едва ли хотел быть, да и не годился для этого. Его «Общее Дело» некоторое время хорошо шло и было вообще очень не безынтересно, по известиям из России, но никакого определенного направления не имело, кроме разве того, что постоянно ругало правительство. Из литературных работников в нем самый талантливый был Владимир Зайцев, бывший сотрудник «Русского Слова». Еврей, интеллигентный, революционер, он с какой-то бешеной злобой ненавидел Россию и буквально проклинал ее, так что противно было читать. Такого типа я больше не знаю в эмигрантской публицистике. Все другие, ругая правительство, всегда проявляли любовь к России, каждый на свой лад. Зайцев же мог писать: «сгинь,

проклятая». Мне не пришлось его видеть. Он умер в год моего приезда.

Элпидин, как я сказал, отличался тем, что всюду заподозревал шпионов. Может быть, они ему когда-нибудь и надоедали, но отдельные случаи, им приводимые, никакого шпионства не доказывали. Идет, например, человек по улице. Элпидин шепчет своему спутнику: «Смотрите — шпион». — «Почему вы знаете?» — «А зачем на нем калоши?» Но калоши могут служить довольно верным указанием лишь на то, что этот человек приехал из России. Ни французы, ни швейцарцы калош, можно сказать, никогда не надевают. Но профессия шпионства тут решительно не при чем. Другой раз, — рассказывал мне Элпидин, — он услыхал ночью, что кто-то старается отворить снаружи дверь его ключом. «Я,— рассказывал он, — потихоньку оделся, взял свечу, подошел без шума к двери и внезапно отворил ее. Смотрю — стоит шпион с ключом. Сконфузился. Что, говорю ему, не подходит ключ? Он моментально удрал». Почему это был шпион, а не самый обыкновенный воришка, — это известно только воображению Элпидина.

Знакомство с ним у меня осталось самым поверхностным. Он не представлял никакого интереса.

Этого нельзя сказать о полковнике Соколове, с которым я познакомился также немного позднее. Это был настоящий русский полковник даже каких-то специальных войск, может быть, генерального штаба; замешанный в каком-то политическом деле он бежал за границу и тут проводил бесцельную эмигрантскую жизнь, в шляньи по собраниям, в резких революционных речах и особенно в пьянстве. Пил он всегда и везде, при малейшей возможности, пил все, где только был спирт. «Пил я лак, пил я скипидар, — говорил он мне, — только одного керосина не пил...» Он был совершенно погибший пропойца и вдобавок — нищий, ничего не имевший, кроме случайных подачек сотоварищей по эмиграции. А между тем в нем были еще остатки светлого ума, большого остроумия, видны были остатки когда-то огромных знаний. Самая наружность бросалась в глаза. Высокий, крепкого телосложения, он сохранял в лице отпечаток ума и энергии. Когда-то он писал. Ему принадлежала талантливая книжка «Отщепенцы», в которой прославлялся тип нигилиста, отрекающегося от всех основ своего общества и идущего на созидание чего-то великого, нового. Но чего? Этого ни Соколов, ни его отщепенцы не знали. Люди этого типа были чистые разрушители, подходящие, пожалуй, ближе всего к анархистам.

Как-то Жуковский пригласил меня на какую-то конференцию, где присутствовал и полковник Соколов, — в пивной, где и публика и ораторы сидели и стояли за кружками пива. Не помню речей — они все на один лад. В конце концов поднялся чуть не головой выше всех наш Соколов. Он превосходно говорил по-французски. Раньше речи были что-то о правительствах и их насилиях. Соколов в нескольких красноречивых фразах, своим густым, истинно полковничьим басом

обрисовал всю зловредность властей и заключил отчаянной фразой, что каждый, при встрече с правительственным агентом, должен убить его. Ни более, ни менее! Это покоробило всю публику. Призыв к убийству — это уже переходит законную границу свободы слова. Наступила минута общей неловкости. Нельзя было соглашаться с оратором, неудобно было выступить и с реакционным протестом. Жуковский поторопился выручить и Соколова и публику. Он как-то придал иной смысл скандальной фразе, перешел на другое, третье, четвертое, весело и остроумно. Публика прояснилась, атмосфера очистилась, а Жуковский в конце концов предложил выпить главный кубок. Я не помню, как называется этот кубок, который есть во всех пивных. Он чуть не в полведра вместимости, и далеко не всякий может удержать его в руках. Император Вильгельм, по вступлении на престол, объезжая города своей империи, где-то возбудил неистовый энтузиазм всего населения, осушив такой кубок. В Женеве был такой порядок, что если отважный, решивший его выпить, справлялся с задачей, то вся публика оплачивала стоимость пива. Если же взявшийся за гуж, оказывался не дюж, то он должен был сам заплатить. Жуковский предложил такой кубок Соколову, и публика весело согласилась, а полковник принял вызов без малейшего колебания. Я видел этот кубок, который он поднял одной могучей рукой и выпил почти без передышки. Я не мог и не могу понять, в каком человеческом желудке способна вместиться такая лошадиная порция жидкости.

Полковник Соколов, кажется, был перед тем близок к «Набату» Ткачева, бывшего сотрудника «Русского Слова». «Ткачевцы» некоторое время играли шумную роль и за границей, имели большую партию. «Набат», как показывает самое название, вечно гудел призывом к революции, а в программном смысле поддерживал «якобинские» идеи захвата власти. Поэтому «ткачевцы» вечно полемизировали, с одной стороны, с Лавровым, издававшим «Вперед», а с другой — с Бакуниным и его учениками.

Бакунину Ткачев посвятил брошюру «Анархия мысли». Эти партии между собой жестоко грызлись и вели не столько полемику, как перебранку. Над Лавровым большею частью просто подсмеивались и вышучивали его. Нужно сказать, что почтеннейший Петр Лаврович легко поддавался вышучиванью. Это был многоученейший, умеренный и аккуратный социалист, который старался синтезировать все революционные направления, а в действительности делал из них какую-то размазню, весьма пресную, потому что ему было органически противно все резкое:

...Лавр и мирт, говорит,
Сочетал, говорит, квас и спирт,

как о нем зубоскалило одно стихотворение. Я видел целый сборник карикатур на Лаврова и Бакунина, которые совсем перезабыл, — помню только, что между ними были и очень остроумные. Нужно ска-

зать, однако, что все эти бури в эмигрантском стакане воды имели в России очень малое отражение. «Вперед» Лаврова читался в России сравнительно много, «Общее Дело», говорят, сильно распространялось в армии во время турецкой войны. Но, вообще говоря, мы — русская революционная молодежь — почти не знали эмигрантских партий и со времени развития народнического движения, а тем более народовольческого перестали даже обращать внимание на заграничные партии, а жили своей собственной мыслью, как ни была она слаба. Мы больше брали за границей только агитационные книжки для народа, сочинявшиеся по большей части в России. В общем, по мере развития революционного движения внутри страны, заграничная литература хирела. «Вперед» прекратился в 1877 г., «Набат» в 1878 г. Иссякала и брошюрная литература, с тех пор как в России стали фабриковать собственную в тайных типографиях.

Ткачев на несколько лет пережил свой журнал и умер уже при мне...

Из старой эмиграции, таким образом, уже никого не было в какой-либо активной революционной работе, кроме Лаврова, который пристроился к «Вестнику Народной Воли». На место старых нарастали новые люди и новые направления. Из них сначала было более заметно народовольчество, но глубже всего оказалось социал-демократическое направление, выращенное Плехановым с товарищами.

Я и у Плеханова бывал не часто, но все-таки бывал. Он жил в Женеве где-то в предместьи с женой Розой Боград, Верой Засулич и Дейчем. Ближайшие его единомышленники были, кроме них, Василий Игнатов и Аксельрод. Эта группа вышла из «Черного Передела», т.-е. народнической фракции «Земли и Воли». Часть членов «Земли и Воли» образовали «Народную Волю», другая часть — «Черный Передел». «Черный Передел» был скоро задушен полицией, и остатки его скопились около Плеханова, который совершенно отрешился от «чернопередельства» и стал развивать чистый социал-демократизм. В этом отношении он обнаружил большое понимание условий времени, которое для социалиста, действительно, указывало одну линию: оставить в покое крестьянство и стараться организовать революционный фабрично-заводский пролетариат. Все сотоварищи Плеханова — Засулич, Дейч, Аксельрод — были чистые социал-демократы, кроме Игнатова, который остался народником и пристал к компании Плеханова чисто по дружбе. Он, однако, имел для кружка большое значение, потому что имел порядочные деньги. Все остальные не имели ни гроша, и только зарабатывали кое-что литературным трудом. Впрочем Василий Игнатов скоро умер. К компании Плеханова принадлежал, также по дружбе, Яков Стефанович, не имевший с ним по убеждениям ничего общего. Но Стефанович в 1881 г. уехал в Россию, присоединился к народовольцам, очень скоро был арестован и затем навсегда исчез для революционной деятельности...

Жили Плехановы очень бедно, в нижнем этаже дрянного дома. Единственная роскошь, которой гордился Плеханов, — это были

полок 5—6 с книгами. Сочинения все серьезные, ценные и переплетенные. Видно, Плеханов не жалел на своих любимцев последнего гроша. Помимо того, что у всей компании не было денег, все они были крайне непрактичны, и никто (кроме Дейча) не заботился о хозяйстве. Роза Боград абсолютно ничего по хозяйству не делала. Поэтому Плехановых страшно обдирали в лавках, а купленное тратилось нелепо. Моя жена в ужас пришла, когда прочитала расходную книжку Плехановых: их не только обсчитывали, но записывали чуть не вдвое против действительного забора. И никто у них не обращал на это внимания. Менее всех — сам Георгий Валентинович: он был вечно всецело погружен в научные экономические вопросы и в сношения с петербургскими рабочими, а также с немецкими социал-демократами, с которыми у него постепенно нарастали большие связи.

Плеханов был, понятно, достаточно умен, чтобы понимать невозможность сходиться со мной в политике. Наши отношения держались на чисто личной почве, и когда мы даже говорили об европейских социал-демократах, то я расспрашивал его чисто из любознательности. Но Дейч однажды попробовал убедить меня сойтись с ним в совместной деятельности.

«Пойдемте прогуляться» — пригласил он меня раз, когда я был у Плеханова. Пошли. Говорили о всяких пустяках, пока не дошли до Ронского мола, jettée, как называется по-французски. Это прелестное местечко. При истоке Роны из Женевского озера в его голубые воды брошен длинный мол, который образует довольно большую гавань. Этот мол очень не широк и настолько невысок, что, севши на него, — достигаешь ногами почти до воды. Мы пошли по молу; справа простиралась обширная даль озера, слева — водное пространство гавани, на которой, как всегда, не было ни одного суденка. Не знаю, для чего женевцы и делали свое jettée. Но место дивное, ширь, благодать, воздух и нигде ни единой человеческой души. Удобно для секретных разговоров. Дейч как будто нарочно завел меня в такое конспиративное местечко. Сели мы на моле, далеко от берега. И вот он заговорил. «Давно уже хотел я с вами перетолковать, — начал он и высказал свой план. — Мы с Плехановым, с Засулич — старые приятели, да и Дейча [1]) знаем. Компания благонадежная. Почему бы нам не работать вместе? Мы бы могли начать ряд изданий: и людям польза да и нам». Дейч обрисовал, что все мы живем без гроша. Издательская фирма с такими известными именами непременно привлечет пожертвования. Людей, пользующихся таким уважением и доверием, нет во всей России. Сочувствующие революционному делу непременно окажут нам материальную поддержку...

Это предложение мне было крайне неприятно. План Дейча был вполне правилен, но дело в том, что я вовсе не желал заниматься никакой революционной пропагандой, открывать ему свою душу, свое

[1]) Так в подлиннике.

настроение было невозможно. Поэтому я отвечал на таком языке, который был и ему понятен. Я сослался на то, что я — член определенной организации и без ее разрешения не могу вступить в соглашение с другими кружками. Принятая мною позиция, казалось бы, клала конец всякому дальнейшему разговору. Но Дейч был прост и нахален. «Вы говорите неискренно, — отвечал он. — Какая такая организация? Я понимаю, что с посторонними людьми вы можете и должны скрывать истину. Но зачем притворяться между своими? Ведь я знаю, что организация ваша разбита и уничтожена и ничем не может вас связывать...» По всей вероятности, Дейч, не догадываясь об истинных причинах того одиночного положения, которое я занял, объяснял его себе тем, будто и никаких народовольцев нет, так что мне и не с кем быть в [1]). Это, конечно, была его ошибка. Народовольцев было много, сотни и даже тысячи. Охотник до игры в организацию мог бы, на моем месте, разыгрывать роль центра огромных сил. Я совершенно искренне возразил ему, что он ошибается, что организация «Народной Воли» совершенно жива и крепка и что я сохраняю к ней свои обязательства. Не знаю, насколько он поверил мне, но разговор этот оставил в обоих нас неприятный осадок. К счастью, моим отношениям к Плеханову это не повредило. Что касается Дейча, он мне вообще не нравился, я не искал хороших с ним отношений и не огорчался их охлаждением.

В кружке Плеханова, кроме него самого, в высшей степени привлекательна была только Вера Ивановна Засулич. Она была по внешности чистокровная нигилистка, грязная, нечесанная, ходила вечно оборванной, в истерзанных башмаках, а то и вовсе босиком. Но душа у ней была золотая, чистая и светлая, на редкость искренняя. Засулич обладала и хорошим умом, не то, чтобы очень выдающимся, но здоровым, самостоятельным. Она много читала, и общение с ней было очень привлекательно. Что касается Плеханова, его портили самолюбие и раздражительность. Но я всегда сохранял к нему товарищескую привязанность и глубокое уважение к его честности, идейности и преданности делу. Он никогда не думал о личных материальных интересах, а весь жил интересами своей пропаганды.

За этот первый период заграничной жизни я встретился еще с одним старым товарищем не то что по «Земле и Воле», как Плеханов, а еще по кружку чайковцев. Это был Сергей Михайлович Кравчинский, уже тогда известный за границей под именем Степняка.

Это был какой-то странный тип. Его прозвали Мавром, и он действительно имел в физиономии нечто мавританское или турецкое, при совершенно белом цвете кожи, но темный брюнет. Волосы и маленькая борода его курчавились. Черты лица мелкие; превосходный цвет лица. Все телосложение истинно богатырское, крепкая кость, великолепная мускулатура и крупный рост при широких плечах. В общем, он был несомненный красавец, и женщины легко им увлекались, как, впрочем,

---

[1]) Далее зачеркнуто «связи».

и он ими. В натуре у него было много художественности и авантюризма. Он обладал несомненным литературным талантом. Его «Подпольная Россия» обошла всю Европу. Но я бы не назвал его очень умным. Он любил красоту, но философской складки ума я у него не замечал. В области знаний — он страстно любил языки, легко их изучал и знал хорошо несколько языков. В общежитии он играл роль простачка, я говорю играл роль, потому что не верю этому. В делах он был чрезвычайно практичен и едва ли не один изо всех русских умел своими литературными произведениями достигнуть не то что благосостояния, а зажиточности. И этого он достиг не одним литературным талантом, а ловким подделыванием под дух английской публики. Когда я впоследствии напечатал «La Russie politique et sociale», Кравчинский жестоко упрекал меня. «Вы, — говорил он, — описываете Россию такой органически могучей, что — думает англичанин — стоит ей только избавиться от самодержавия, и во всем свете не найдется более сильной страны. Какой отсюда вывод для англичанина? Тот, что не нужно поддерживать революционеров, а нужно поддерживать царя. Вот чего вы достигаете своей книгой... Нужно писать совершенно иначе, чтобы получалось впечатление, что с падением самодержавия Россия распадется на составные части».

Вот какая практическая муза вдохновляла этого художника и простачка! А, между тем, близкие ему люди любовались им, как милым наивным ребенком. Он жил за границей с Фанни Личкус (понятно, не венчанный), и при них постоянно находилась Анна Марковна Личкус, сестра Фанни. Обе они были еврейки. О Фанни я ничего не знаю кроме того, что она была очень хорошенькая. Но Анна была прекрасное существо, добрая, любящая. Вот однажды случилось, что какой-то друг Личкусов и Кравчинского был сослан в Сибирь. Анна и говорит: «Посмотрите, я сообщу это Сергею совершенно спокойно, и вы увидите, он не будет нисколько огорчен». Так и вышло. Когда пришел Сергей, она ему сказала спокойно: «А знаешь, новость — NN сослан в Сибирь». Кравчинский, действительно, не проявил никаких сожалений и заговорил о посторонних предметах. Тогда Анна говорит ему с укором: «Не стыдно ли тебе, Сергей? Твой закадычный друг сослан, и ты ходишь веселый, как будто ничего особенного не случилось». Тогда Кравчинский смутился. «Анна, да ведь ты мне ничего не сказала, ты говорила так спокойно и небрежно. Я и не подумал, что это несчастье». Замечательно, что Анна рассказывала об этом не только без упрека, но с каким-то умилением: «Я вам говорю, это — истинный ребенок, наивный, простодушный ребенок, он ничего не понимает».

Я этого ребенка помню чуть ли не с 1872 года, когда он возвратился из экскурсии «в народ». Тогда это хождение только что начиналось. Помню, в комнату штаб-квартиры чайковцев, в Казарменном переулке, ввалился Кравчинский, в тулупе, валенках, свежий, краснощекий и веселый свыше меры. Он в восторге рассказывал, как его кондуктор выгнал из чистого вагона к мужикам, с его огромным мешком: «Ты что

залез сюда, сиволапый? Ступай к своей братии». Кравчинский восхищался: значит, он был совсем похож на мужика. Так же восхищался он деревенскими впечатлениями, все больше по поводу мужицкой простоты и грубости. Какая-то деревенская красотка пугнула его от себя... Кравчинский осмотрелся, не слышит ли кто из наших барышень... «Ступай ты, говорит...» — и красавица загнула, действительно, такое словечко, что не напечатаешь. «Ха-ха-ха, — грохотал он, — а ведь хорошенькая какая...»

Однако в народ он не пошел. Мимолетные впечатления новизны не привлекали его прочно. Он остался в интеллигенции и вместе с нею дошел до террора. Это его захватило новым интересом. Товарищи предложили ему убить шефа жандармов Мезенцева [1]). Кравчинский сначала мечтал отрубить ему голову, и даже заказал для этого особую саблю, по своему вкусу, очень короткую и толстую. При его громадной силе он, пожалуй, и мог отрубить голову, но в конце концов товарищи признали это орудие непрактичным и вооружили Кравчинского простым кинжалом. Свое дело он обделал с величайшим хладнокровием. Когда ничего не подозревавший Мезенцев вышел на прогулку, Кравчинский пошел ему навстречу с кинжалом, завернутым в большой лист бумаги. Поровнявшись со своей жертвой, он чуть не до рукоятки воткнул кинжал и имел предусмотрительность даже повернуть его во внутренностях убитого. Затем он вскочил в пролетку, ожидавшую его, и ускакал. Пролетка, лошадь и кучер были, конечно, свои. Это было в 1878 году.

После этого он эмигрировал.

За границей в южной Франции, в Италии тогда был в большой моде анархизм. Не знаю — когда, Кравчинский отправился в Италию и был очарован этой страной и ее народом. Он вступил в ряды местных революционеров и действовал с ними на проповеди революции. По-итальянски он научился говорить превосходно и мог даже писать. Его «Подпольная Россия» — «Russia sotterranea» — вышла, если не ошибаюсь, прежде всего на итальянском языке. Пробыл он здесь очень долго, не знаю — сколько, и жил до тех пор, покуда его не выслали из Италии. Пропаганда революции, при пылком темпераменте итальянцев, кончилась попыткой восстания.

Тогда, в первом пылу анархизма, господствовала вера, что все народы ждут только толчка для того, чтобы восстать поголовно. Товарищи Кравчинского решили дать этот толчок. Горсть революционеров явилась в какой-то городок, — захватили его, прогнали властей и — потом ничего из этого не вышло. Вернулись власти, явились войска, революционеров перехватали. Кравчинский был так счастлив, что его только выслали. Может быть, он лично не участвовал в захвате города, может быть, просто не попался, не знаю, но только отделался очень дешево.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «По неопытности, к убийству готовились долго».

Вот тут-то он и явился в Швейцарию, где я с ним и увиделся. Он был с обеими сестрами Личкус. Ничего интересного я от него не узнал, кроме общих похвал Италии и итальянцам, которых он, однако, не обрисовывал сколько-нибудь ясно и точно. Вообще в разговоре у него совсем не было той художественности, которая проявлялась в писании. Показывал он мне, между прочми, полки с большой коллекцией прекрасных словарей. Замечательно, что у него немедленно явилось красноречие, когда мы заговорили об языках. Я высказал — не буду отстаивать теперь этой мысли,— что обилие языков только мешает прогрессу человечества, и Кравчинский с большим подъемом, ясностью и убедительностью возражал мне, доказывая, что каждый народ только на своем, им созданном языке может до тонкости вырабатывать свое чувство и свою мысль.

Один раз мы с Кравчинским совершили прогулку на Салев, для меня первую. Французская граница идет как раз под Салевом, и мы никак не могли ее заметить. Ничем она не обозначена, часовых тоже нет. Дальше нам пришлось подыматься по головокружительной Pas de l'échelle. Кравчинский был хороший ходок, и в его компании было не страшно итти. Замечательно, что за все время у нас не было произнесено ни слова о политике. Мы то обменивались впечатлениями от горных видов, то я слушал рассказы Кравчинского о том, как туристы с проводниками ходят по горам, какими приемами сберегаются силы и утоляется жажда и т. п. От него я впервые узнал, что при больших физических напряжениях неосторожное питье воды очень ослабляет силы.

Могу еще заметить о Кравчинском, что он в личных отношениях не обращал никакого внимания на партийные эмигрантские междоусобия и знался с кем хотел, в том числе и с Драгомановым, от которого отреклась как раз в это время вся революционная эмиграция. Вообще Кравчинский сознательно не примыкал ни к какой партийной группе и даже анархистом себя не называл, а жил, как ныне выражаются, «беспартийным».

* * *

Кажется, в ноябре 1882 г. я получил от Марины Никаноровны (т.-е. Оловенниковой) известие, что в Париж едет для свидания со мной Николай Яковлевич Николадзе, имеющий важные предложения Исполнительному Комитету со стороны влиятельных правительственных лиц. Так ей писала из России Вера Фигнер, к которой по этому предмету приезжал Ник. Конст. Михайловский. Должно сказать, что в своем «Запечатленном Труде» В. Фигнер передает предложения этого влиятельного лица (гр. Воронцова-Дашкова) не вполне так, как передавал мне потом Николадзе. Может быть, ей изменяет память, может быть, Михайловский излагал дело не совсем так, как Николадзе. Но это неважно. Сущность, во всяком случае, одинакова, и сверх того предложения Воронцова-Дашкова были только примерными.

Дело состояло в следующем. После цареубийства 1 марта, как известно, образовалась так называемая «Священная Дружина», поставившая своей задачей борьбу с террористами для охраны безопасности императора. Среди лиц этой Дружины явилась мысль, нельзя ли добиться от Исполнительного Комитета прекращения террористических действий хотя бы до коронации, ценой каких-либо уступок со стороны правительства? Этим был озабочен в особенности гр. Воронцов-Дашков, который через посредство некоего Бороздина разыскал Николадзе как человека, способного войти в эту идею и разыскать деятелей Исполнительного Комитета, чтобы войти с ними в соответственные переговоры. Николадзе сообщил о предложении Михайловскому, а Михайловский — Вере Фигнер. Но Фигнер не верила в искренность Воронцова-Дашкова и даже подозревала в этой затее простую ловушку — просто желание разыскать членов Комитета для захвата их, и вести переговоры в России отказалась. Но она предложила мне и Марине Никаноровне взять переговоры на себя и посмотреть, можно ли из них извлечь что-либо выгодное. С этими известиями она послала за границу Салову (Неонилу Михайловну); Михайловский же заявил Николадзе, что он должен ехать за границу ко мне как представителю Исполнительного Комитета. Николадзе так и сделал.

Должен сделать некоторую поправку к повествованию Фигнер об этом эпизоде.

Она говорит, будто бы поручила нам заявить Николадзе, что ни при каком исходе переговоров Исполнительный Комитет не лишает себя права на террористические действия. Такой оговорки мы с Мариной Никаноровной ни письменно, ни устно через Салову не получали, и я полагаю, что Вера Фигнер ее не делала. Это было бы слишком нелепо. Воронцов-Дашков и его единомышленники предлагали вопрос: ценой каких уступок правительства Исполнительный Комитет может обещать не производить террористических действий? Если Комитет ни при каких уступках не соглашался дать такого обещания, то, очевидно, переговариваться не о чем, незачем Николадзе ездить за границу, незачем беспокоить меня и Марину Никаноровну. Такой ответ Вера Фигнер могла послать сразу через Михайловского. Но у ней теперь явилась просто некоторая аберрация памяти, в действительности же такого нелепого заявления она нам не посылала.

Имя Николадзе очень меня заинтриговало. Еще раньше, до моего приезда за границу, какие-то политические аферисты, может быть, с примесью шпионства, связанные, кажется, с «Добровольной охраной», тогда возникшей, приезжали к Лаврову с аналогичными предложениями, и на разговорах с ними присутствовала и Марина Никаноровна. Но это была явная пустопорожность, так что Марина Никаноровна даже не рассказывала мне о ней серьезно. В настоящем же случае дело получало иной вид.

Я до тех пор не знал лично Николадзе. Но он пользовался крупной репутацией в русском [1]) радикальном мире. Жизнь его также была мне известна. Грузин по племени, он обладал пылким южным темпераментом, но вместе с тем был очень умен, с университетским образованием, и прошел такую житейскую школу, которая могла научить побольше чем университет. Имея очень яркие радикальные убеждения, он подвергался и политическим преследованиям, был эмигрантом, издавал за границей газету, завел обширные знакомства с французскими радикалами. Между прочим, он близко сошелся со знаменитым тогда Рошфором, которого считал гениальным публицистом. По возвращении в Россию он участвовал и в городском самоуправлении, и в промышленных предприятиях, и приобрел особенную известность как редактор-издатель тифлисской газеты «Обзор». Он поставил ее на высоту лучших петербургских изданий и вел ее так резко, что можно было только удивляться, как ему позволяют так свободно писать в провинции. Скоро потом воспоследовавший литературный процесс «Обзора» обнаружил, какими крайними средствами он добивался свободы слова. Цензор жаловался, что он вымогал у него разрешения статей почти прямым насилием. Припоминаю одну сцену такого рода. Разъяренный запрещением статьи Николадзе однажды, как буря, налетел на квартиру цензора. Тот, испуганный, заперся на ключ, а Николадзе кричал на всю улицу, требуя, чтобы он его впустил. Цензор вышел на балкон и объявил, что не может впустить его в таком возбужденном состоянии. Николадзе долго бесновался, но, наконец, утих. «Ну, — крикнул он цензору, — вы видите, что я совершенно хладнокровен. Пустите же меня. Ведь надо же нам как-нибудь столковаться». Цензор впустил его, но, когда они начали столковываться, Николадзе постепенно опять пришел в раж, и цензор был принужден разрешить ему все, что он требовал... Человек был с темпераментом! Однако «Обзор» в конце концов все-таки запретили, хотя процесс свой он и выиграл.

Трудно было сомневаться в том, что Николадзе имеет какие-либо серьезные основания верить в пользу переговоров, и я отправился в Париж немедленно по получении известия об его приезде туда. Это было около половины декабря 1882 года. В воспоминаниях об этом эпизоде, данных Николадзе Бурцеву в «Былое», он говорит, будто он предварительно приезжал ко мне в Женеву и беседовал, а потом отправился в Париж, где его ждал Бороздин, бывший посредником между ним и графом Воронцовым-Дашковым [2]). Это неверно. У меня память неплохая, а я решительно не помню, чтобы он заезжал ко мне в Женеву. Я его впервые увидал в Париже. Но как мог сделать Николадзе такую странную ошибку? [3]). Вероятно, причина этого — именно в Бороздине. Этот господин, о котором Николадзе говорит почти с отвращением,

---

[1]) Зачеркнуто: «либ[еральном]».
[2]) Далее зачеркнуто: «По-моему, это ошибка».
[3]) Далее зачеркнуто: «Не знаю, но может быть».

настаивал, чтобы Николадзе вступил в переговоры чуть не с целым конгрессом народовольцев, и в то же время видно, что он был приставлен Воронцовым для контроля Николадзе и о ходе дела посылал правильные доклады Воронцову. Возможно, что Николадзе и сказал ему, будто заезжал ко мне, и я будто бы обещал снестись с широкими кругами партии. Возможно, что он даже и приезжал в Женеву, чтобы сбить с толку Бороздина, но у меня он не был, и я даже весьма сомневаюсь, чтобы он мог найти меня в Морнэ, потому что ни адреса моего, ни псевдонима ему неоткуда было узнать. Но раз [1]) обманувши Бороздина Николадзе, давая свои воспоминания [2]), может быть, не находил удобным отречься от своих слов... Как бы то ни было [3]), у меня он положительно не был. По моим воспоминаниям, я прямо отправился в Париж и только там с ним лично познакомился.

Тут я впервые увидал за границей и Марину Никаноровну. Она занимала на rue Flatters небольшую квартирку, в 3 комнаты с кухней, светлую и уютную, недурно меблированную. Мебель, помнится, у ней была своя, но в Париже можно было очень задешево обзавестись мебелью. Впоследствии с ней поселилась и Галина Чернявская. Разумеется, мы встретились с Мариной Никаноровной с великой радостью, как родные, и сразу перешли на «ты». Оказалось, что Николадзе уже в Париже и был у Лаврова, познакомился и с Мариной Никаноровной.

Я отправился к нему незамедлительно. Он жил в какой-то весьма приличной гостинице. Никого другого я у него не видал, хотя в той же гостинице жил какой-то русский, с которым он был в сношениях. В своих воспоминаниях Николадзе говорит, что Бороздин жил не с ним, а в Grand Hôtel. Мне же он тогда вовсе не упоминал о Бороздине. А теперь мне странно, что Бороздин, который в сущности был навязан Николадзе в какие-то надзиратели, поселился в другой гостинице... Вообще, правду сказать, воспоминания Николадзе мне кажутся [4]) очень сомнительной искренности.

На меня он произвел тогда очень хорошее впечатление. Ум и энергия его обнаруживались сразу. К своей миссии он относился очень серьезно, не ожидая от правительства слишком добросовестного исполнения обещания, но находя, что эти обещания, даже и с урезками, должны дать достаточно для того, чтобы стоило похлопотать о достижении некоторого соглашения между правительством и Исполнительным Комитетом. Таково же было мнение Михайловского и Кривенко, и тем более мое — человека, знавшего жалкое ничтожество сил партии. О своих доверителях Николадзе не распространялся. Ему, вероятно, не хотелось говорить, что он связался со «Священной Дружиной», да и говорить об этом было излишне, потому что — раз произносилось

[1]) Далее зачеркнуто: «сказавши это, либо».
[2]) Зачеркнуто: «уже не хотел».
[3]) Зачеркнуто: «Но был ли он или не был в Женеве».
[4]) Зачеркнуто: «довольно».

имя Воронцова-Дашкова, то само собою понятно было, что в дело замешана «Священная Дружина». Он ставил дело так, что приносит предложения группы очень влиятельных лиц, от имени которых выступил Воронцов-Дашков.

Само собой подразумевалось, что Воронцов-Дашков не мог вступать в переговоры без ведома и согласия императора. Но Николадзе ручался мне за нечто большее. Он был совершенно уверен, что император, по крайней мере, один раз, самолично, хотя и невидимо, присутствовал при переговорах, слушая их из другой комнаты, скрытый за портьерой. Николадзе подмечал, что в более интересных местах разговора портьера шевелилась, и утверждал, что, по его сведениям, там был именно император. Откуда шли сведения, он не говорил. Он вообще, казалось мне, умел держать язык за зубами... Но я имею некоторое косвенное основание думать, что император был очень хорошо ознакомлен с переговорами Воронцова.

Когда я подавал на высочайшее имя прошение об амнистии, то должен был [1]) перечислить вкратце все революционные мои дела, конечно, не говоря ни о каких моих сообщниках. Дойдя до эпизода переговоров с Воронцовым, я постеснялся говорить о нем в бумаге, которая будет прочитана, конечно, не одним императором. Поэтому я упомянул об этом деле очень глухо, с замечанием, что оно, мне кажется, известно государю и что поэтому я расскажу эпизод подробно лишь в том случае, если он это мне прикажет... И, однако, такого приказания не в о с п о с л е д о в а л о. Это ясно указывало, что в моих объяснениях нет надобности [2]), что император и без них все знает, а осведомлять комиссию по принятию прошений о таком моменте, когда он готов был вступить в соглашение с цареубийцами, — вовсе не желательно.

Николадзе имел с Воронцовым несколько свиданий. На них выяснилось, что высшие сферы считают Исполнительный Комитет таинственной грозной силой, справиться с которою они потеряли надежду. Между тем — не говоря уже о правлении вообще — необходимо было совершить коронацию нового царя. Письмо Исполнительного Комитета к императору Александру III было свидетельством, что Комитет соглашался прекратить террор на известных условиях, но они были неприемлемы, потому что требовали в сущности отречения от самодержавия. Воронцов ставил вопрос — нельзя ли получить от Комитета обязательства прекратить террор, хотя бы до коронации, на каких-либо других более исполнимых условиях? Николадзе выражал свое мнение, что это действительно возможно. Весь вопрос — в условиях, в тех уступках, какие сочтет возможным сделать власть. По поводу террора Николадзе заметил, что политические убийства иногда составляют только акт самозащиты от полицейских агентов. Воронцов отвечал,

---

[1]) Далее зачеркнуто: «наложить».
[2]) Далее зачеркнуто: «так как».

что шпионы не идут в счет, пусть берегутся сами. Требуется только прекращение террора в отношении царской фамилии и правительственных лиц.

Но что же можно предложить Комитету за эту уступку? Об этом Николадзе и должен был переговорить с народовольческим центром. В разговоре с Воронцовым правительственные уступки могли быть намечаемы только примерно. Воронцов находил возможным дать общую политическую амнистию, свободу печати, свободу организации обществ, свободу мирной пропаганды, расширение земского и городского самоуправления. Обо всем этом требовалось, так сказать, поторговаться с Комитетом. Сверх того являлся другой вопрос [1]). Переговоры вело не само правительство, а некоторая таинственная группа влиятельных лиц. Не само правительство давало обязательства, а эта группа обязывалась выхлопотать в коронационном манифесте объявление уступок, которые будут условлены при переговорах. Но где же гарантия не только добросовестности этой группы, но даже силы ее в правительстве? Нужны были, стало быть, какие-то немедленные уступки.

Входить обо всем этом в подробные условия Воронцов с Николадзе не могли до переговоров с Исполнительным Комитетом. Условия набрасывались только примерно. Окончательный проект договора мог быть составлен только при переговорах с Исполнительным Комитетом, да и этот проект должен был быть подвергнут на решение обеих сторон, причем снова возможно было представить себе какие-либо его видоизменения. И вот почему лица, пишущие об этом предполагавшемся договоре, далеко неодинаково излагают его пункты, а каждый помнит только то, чего ему хотелось. Наиболее точное изложение мы находим теперь в «Меморандуме», составленном, повидимому, Бороздиным, со слов Николадзе, но со множеством произвольных прибавок [2]).

Нужно сказать, что повествование самого Николадзе о переговорах со мной в воспоминаниях его в высшей степени неточно, и эти неточности так велики, что не могут быть объяснены простым обманом памяти. Он говорит, будто бы я привез ему от имени к о н г р е с с а р у с с к о й с о ц и а л - р е в о л ю ц и о н н о й п а р т и и заявление, что если правительство дозволит в русском обществе мирную пропаганду социальных (?!) воззрений хотя бы в той скромной мере и в тех узких границах, в каких это дозволительно в современной Германии, и если, кроме того, оно дарует амнистию и некоторое облегчение общественной деятельности для интеллигенции в печати, земстве и т. п., то революционная партия обяжется прекратить террористическую деятельность и у п р а з д н и т ь с е б я к а к п а р т и ю п р о т и в о п р а в и т е л ь с т в е н н у ю. Если же сверх того правительство пожелает взять в свои руки проведение и осуществление

---

[1]) Далее зачеркнуто: «Обязательства».

[2]) Глинский. «Эпоха мира и успокоения», «Историч. Вестн.», 1911 г., сентябрь. *(Прим. в подлиннике.)*

реформ, улучшающих аграрный и экономический быт народа, то названная партия от всей души искренно пойдет за правительством... Что касается до обязательства не производить никакого покушения до и во время коронации, то оно обусловливалось двумя предложениями: 1) чтобы государь послал доверенное лицо для расследования вопиющих несправедливостей, причиненных в Каре политическим ссыльным, 2) чтобы освобожден и возвращен был на родину писатель Н. Г. Чернышевский.

В этом изложении [1]) все неверно [2]). Ни о каком «конгрессе» я не говорил, а явился просто уполномоченным Исполнительного Комитета Народной Воли, и не с предложениями, а для переговоров. Уступки, требуемые от правительства, Николадзе излагаются в самом жалком виде. Понятно, что об упразднении партии не было и слова. О том, что при каких бы то ни было условиях партия пойдет за правительством, не мог бы заикнуться даже самый последний идиот [3]). Нагородивши эту кучу вздора, Николадзе прибавляет:

«Собственноручную записку Л. А. Тихомирова, резюмировавшую эти предложения и обязательства, я лично передал гр. Воронцову-Дашкову по возвращении в Петербург в последних числах декабря 1882 года».

Не знаю, какую записку передал он Воронцову, мы отмечали у себя, может быть, десяток записочек для памяти при разговорах; но, во-первых, ни в одной не было и не могло быть того, что выше понаписал Николадзе, во-вторых, переговоры были прерваны внезапно, и никакого итога ни в каких записках им не было подведено.

Для меня теперь является вопрос: почему Николадзе в воспоминаниях пишет ряд этих заведомых ложных заявлений?! Думаю, что причины заключаются в том, что он обманывал Воронцова. Бороздин, явно неразборчивый в средствах, чуть не сразу советовал и Николадзе не стесняться правдой. На месте Николадзе, — говорил он, — он бы «не постеснялся сразу покончить со всеми колебаниями графа (Воронцова), заявив ему, что он уже виделся с революционерами, условился с ними и удостоверился в осуществимости своих предположений. Успокоив графа этим способом, можно будет придать ему большую решимость по отношению к государю, а себе — бóльший вес в глазах графа». Чем же можно было успокоить графа? Ему хотелось, чтобы переговоры велись с целым конгрессом революционеров и чтобы революционеры оказались возможно более склонны примириться с правительством. Николадзе ответил Бороздину в тоне высокого благородства. «Я ответил, — говорит он, — что путь обмана, вообще гнусный во всяком деле, в подобных случаях еще и глуп, так как на нем далеко не уедешь. Я прямо отказался вводить графа Воронцова в

[1]) Далее зачеркнуто: «прямо».

[2]) Далее зачеркнуто: «Понятно, что».

[3]) Далее зачеркнуто: «Ни полслова не говорилось о Каре; и о Чернышевском был только легкий разговор».

заблуждение на этот или на какой бы то ни было другой счет»[1]). Так он ответил, может быть, не желая вступать с Бороздиным в союз обмана. Однако для меня ясно, что он вполне усвоил совет Бороздина, но только начал обманывать графа не вместе с Бороздиным, а посредством него, т.-е. обманывал его самого, зная, что он[2]) в донесении графу тотчас изложит все, что скажет Николадзе о переговорах со мной[3]). Но раз поговоривши, выдумал [sic!] Бороздину и запечатлевши их в документах письменных, Николадзе уже находит теперь неудобным сознаться в обмане, так как подобные прецеденты могут подорвать к нему доверие и на будущее время. И вот он поддерживает в воспоминаниях те выдумки, которые позволил себе в интересах bonne cause в 1882 г. Так я понимаю дело. Можно спросить, зачем же он пишет о том, о чем не может говорить искренне? Но ведь Бурцев буквально вымогал воспоминания для своего «Былого», от него отделаться было очень трудно, почти невозможно, я это знаю по опыту, он мог найти способы заставить Николадзе писать вопреки всякого своего желания.

Но что же было при переговорах в действительности? В этих переговорах мы с Николадзе остановились лишь в о б щ и х ч е р т а х на следующих пунктах: 1) общая политическая амнистия, 2) свобода печати, мирной социалистической пропаганды, свобода обществ, 3) расширение земского и городского самоуправления. Этой ценой Исполнительный Комитет должен дать обязательство не производить террористических покушений до и во время коронации. Мы оба прекрасно понимали, что выторговываемые нами свободы при законодательном определении могут быть и расширяемы и суживаемы, а потому и не пытались определить их с точностью. Что касается, так сказать, «залога» со стороны «влиятельных лиц», мы остановились на: 1) немедленном освобождении какого-нибудь важного политического преступника, 2) внесении «влиятельными лицами» какой-либо крупной суммы, например, миллиона рублей, какому-либо благонадежному третьему лицу в Париже с тем, что эти деньги возвращались «влиятельным лицам» по исполнении ими обещаний или передавались Исполнительному Комитету в случае неисполнения обещаний.

Мы с Николадзе несколько раз переговаривались об этих условиях, переделывали их, дополняли. Он записывал наши разговоры, но кто сочинял упомянутый меморандум — не знаю. Я, конечно, говорил ему, что мне необходимо перетолковать с товарищами, но в действительности мне не с кем было и толковать кроме Марины Никаноровны. Мнения наши были совершенно одинаковы. Мы твердо решили приложить все усилия, чтобы уговорить русские толпы народовольцев и тамошний жалкий «центр» Веры Фигнер принять предлагаемые условия. Нам прямо валился с неба подарок. От чего мы должны отказаться? От террора, на который все равно не было сил. А взамен

[1]) Эпоха мира. «Ист. Вестн.», 1911 г., сентябрь. (*Примечание в подлиннике.*)

[2]) Далее зачеркнуто: «пишет».

[3]) Далее зачеркнуто: «Вот откуда вся несуразица воспоминаний Николадзе».

этой фиктивной уступки мы получали ряд реальных ценностей и — каких!

Мы с Мариной Никаноровной не были террористами и даже не без удовольствия думали, что партия хоть временно откажется от этой системы убийств. Но со всех точек зрения амнистия, возвращение к жизни десятков и сотен испытанных бойцов, была такой ценностью, из-за которой даже террористы могли бы временно пожертвовать террором. Для меня лично мысль послужить орудием освобождения товарищей была невыразимо отрадна. Ну и прочие уступки — самоуправление, свобода, — в каком бы урезанном виде ни явились они фактически, — все же были полезны для развития страны.

В конце концов мы столковались с Николадзе на вышепомеченных условиях. Относительно суммы залога он мог сделать изменения, если нужно. Относительно человека, которого требовалось освободить немедленно, я предоставил ему выбор по усмотрению, и он хотел требовать Чернышевского. Я обязался добиваться от партии ратификации условий, он — добиваться ратификации от Воронцова с К°. Он извещал Воронцова о ходе переговоров с «представителями Исполнительного Комитета», но делал ли это лично или через Бороздина, не знаю. Оба мы были чрезвычайно довольны и вместе мечтали о будущем, которому оказали такую услугу своими переговорами. Николадзе в душе верил, что множество революционеров, при новых условиях, перейдут на почву легальной деятельности, да так, вероятно, и было бы. Я же в душе надеялся, что после этой последней работы буду в состоянии совсем отойти от политики и заняться серьезно проверкой своего миросозерцания. Мы с Николадзе с каждым днем сдружались, оба веселые и довольные.

Но только наши прекрасные дни Аранжуэца оказались очень непродолжительны. Не знаю, протянулись ли они с неделю.

Однажды прихожу я к Николадзе и застаю его мрачным и встревоженным. Он сообщил, что произошло нечто непонятное и, очевидно, очень скверное. Какой-то единомышленник извещал его из России: «Прекрати переговоры и немедленно возвращайся; иначе угрожают большие неприятности». Оба мы ломали голову, что может означать такой переворот, но мне только месяца через два пришлось узнать печальную разгадку тайны. Что касается Николадзе, он поспешил уложить свои чемоданы, и мы только на прощанье условились, что если окажется возможным продолжать переговоры, то известит меня, и тогда мы начнем хлопотать о согласии своих российских товарищей, а он снова приедет для, так сказать, окончательного обмена ратификаций. Но ничему подобному не суждено было случиться.

Разгадка же тайны состояла в предательстве Дегаева. Арестованный 20 декабря 1882 г., он вступил в переговоры с Судейкиным, сделался его единомышленником и выдал ему всех и вся, раскрыв подробно все жалкое положение партии. Выпущенный под видом побега он стал главой партии, оставаясь агентом охранной полиции.

которая посредством него держала в руках все злополучное народовольчество.

Вот какое происшествие перевернуло вверх дном все хитроумные планы Николадзе.

Правительство боялось Комитета и потому готово было итти на уступки. Но вот глаза его раскрылись, и оно увидело, на краю какой колоссальной глупости оно чуть-чуть не очутилось. Моментально ударили отбой — «прекратить переговоры», и Николадзе мог легко попасть под подозрение, что он дурачил правительство и сознательно вовлекал его в такую невыгодную сделку.

Все это объяснилось нам лишь в марте 1883 года. Пока мне в сущности можно было бы убраться в свое Морнэ. Но мы все еще думали, что, может быть, дела у Николадзе изменятся. Сверх того — раз уже я был в Париже, следовало хоть из приличия похлопотать о «Вестнике Народной Воли», к редакторству в котором Марина Никаноровна уже привлекла Лаврова. Другим редактором числился я. В случае возобновления переговоров с Николадзе издание «Вестника», усиливающее наше влияние на Россию, сделалось бы очень важным делом.

Итак, я еще остался некоторое время в Париже, в многочисленных разговорах с Лавровым.

***

Таким образом мне пришлось положить прочное начало знакомству с Лавровым. Это знакомство и помимо деловых соображений было весьма интересно. Во-первых, он был немалой революционной знаменитостью, во-вторых — человек положительно симпатичный, несмотря на некоторые отрицательные стороны.

... Я постарался стать с ним в возможно более дружеские отношения ввиду того, что нам предстояло совместно вести редакцию «Вестника Народной Воли». Правда, на это еще не было денег. Но ввиду предприятия Николадзе, которое нельзя было еще считать вполне провалившимся, партии «Народной Воли» необходимо было проявить свою жизненность. Нужно было что-нибудь издавать, а издавая что бы то ни было, важно было показать Лаврова гласно в союзе с нами. Приходилось с ним во что бы то ни стало столковаться, а это было очень трудно. Его, с одной стороны, тянуло желание выйти из бездействия, начать снова активную роль, да еще во главе наиболее сильной и прославленной партии. Но как пойти об руку с террористами, с людьми, действующими на политической почве? И вот приходилось ему объяснять, что народовольцы тоже социалисты. Мы ему показали подготовительную работу партии, программу Исполнительного Комитета, где, хотя и довольно слабо, все-таки проводится социалистическая идея. Это немножко действовало, но Лаврову хотелось — если уж примыкать к народовольчеству, то не одному, а с другими социалистами, т.-е. с кружком Плеханова. Я прекрасно

знал, что Плеханов не пойдет в такой союз. Но, разумеется, мы с Мариной Никаноровной соглашались, что нужно постараться привлечь Плеханова. На случай же, если он не согласится, нужно выработать такую программу издания, которая бы вполне соответствовала желаниям Петра Лавровича и была бы также приемлема нами. Об этом мы с ним толковали очень много.

Издание журнала предвиделось только вдали. Но при первом же известии о предстоящем приезде Николадзе я понял, что нам необходимо проявить свое существование, и отыскал Владимира Голдовского как единственного человека, во-первых, вполне нашего, во-вторых, обладающего практическими способностями. Он хотя и был страшно обижен тем, что я от него прятался, но великодушно махнул на это рукой. Я заговорил, что нужно предпринимать какие-нибудь издания, и Голдовский приятно удивил меня, сообщив, что у него есть идея, для осуществления которой он уже кое-что и подготовил, а именно — издание «Календаря Народной Воли». Я вполне одобрил эту мысль и решил осуществить ее неотложно. Он беспрекословно подчинился моему редакторству, и [мы] стали спешно работать оба. Должен сказать, что чисто календарный материал обработан исключительно им. Остальной материал подбирал я, кое-что и сам написал.

Так вот этот «Календарь» явился очень удобным способом быстро, явно связать Лаврова с народовольчеством. Я предложил ему дать для «Календаря» статью за подписью «Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма». Это послужило для Петра Лавровича прекрасным способом объяснить, почему он может — и даже, пожалуй, должен — пойти рука об руку с народовольцами. В своей статье он «синкретизировал» все революционные направления, всем им дал характер различных разветвлений социализма и отвел в движении очень почетное место «Народной Воле».

После такого объяснения в нашем издании, за его подписью, он уже почти не мог отказаться от редакторства в «Вестнике Народной Воли» [1]).

Это был очень важный результат моей поездки в Париж, и я затем возвратился в Морнэ работать над «Календарем» и дожидаться, не явится ли каких-нибудь благоприятных вестей от Николадзе.

А о жизни партии Марина Никаноровна получила скорее благоприятные известия. Между прочим, ей прислали № возобновившейся «Народной Воли». По содержанию это было довольно жалкое издание. Но оно доказывало все-таки существование типографии.

***

Известий от Николадзе мы так не дождались [2]). Но на место этого схлынувшего приключения передо мной явилось новое, похуже, пе-

[1]) Далее зачеркнуто: «О привлечении же Плеханова мы, конечно, обещали похлопотать».

[2]) Далее зачеркнуто: «Он, конечно, прятался в России и мечтал только о том, чтобы его посредничество между правительством и революцией было поскорее забыто».

ревернувшее мне всю душу. Оно явилось с осложнением, тоже крайне неприятным.

Я получил известие от Марины Никаноровны, что, по сведениям из Петербурга, Стефанович, арестованный в 1882 г., выдает третьему отделению все революционные дела. Голдовский тоже сообщил мне об этом. Я, по правде сказать, не поверил. Но вот в один прекрасный день является ко мне яростный и озлобленный Дейч и начинает ругаться как по поводу клеветы на Стефановича, так и по поводу письма Стефановича Плеханову, перехваченного народовольцами и пересланного будто бы мне. Дейч требовал, чтобы я отдал это письмо, довольно прозрачно намекая, что он убьет меня, если я этого не сделаю. От такого сумасшедшего, как Дейч, участвовавшего в ужасной попытке убить Гориновича, всего можно было ожидать. Этот Горинович, заподозренный компанией Дейча в Одессе в шпионстве, был оглушен ударами Дейча с товарищами и облит серной кислотой, которая выжгла ему глаза и все лицо, превратившееся в какую-то плоскую лепешку. Убийцы уверяли, что они считали Гориновича убитым и облили серной кислотой собственно для того, чтобы труп нельзя было опознать. Но как бы то ни было, Горинович остался жив, без глаз, с изуродованным лицом, и вдобавок всю жизнь уверял интимнейших друзей, что он чист от какого бы то ни было шпионства или выдач товарищей полиции [1]).

Так вот, на что способен был Дейч, и я, сказав, что никакого письма у меня нет, напомнил ему, что ему следовало бы получше помнить свое прошлое и воздерживаться от мыслей об убийствах. Дейч ушел, не знаю, насколько поверивши мне. Но оказалось, что плехановцы были правы. Народовольцы, т.-е. собственно Дегаев, действительно, перехватили письмо Стефановича из тюрьмы (он все время сидел в III отделении) и переслали его в Париж с кем-то (забыл фамилию, назову его NN). Письмо находилось у Марины Никаноровны, и она, извещая меня о Стефановиче, спрашивала, что делать с письмом? К сожалению, ее письмо я получил после посещения Дейча. А Голдовский, получив такое же известие от нее или от NN, стал рассказывать в Женеве о, якобы, измене Стефановича и о перехваченном его письме, служащем, якобы, доказательством измены.

В это время — было начало 1883 г., может быть, в марте — не могу припомнить, — явился ко мне неожиданный посетитель — Сергей Васильевич Дегаев. Я очень обрадовался. Понятно, что я считал его честным революционером. И вот, когда я разговаривал с ним, влетает вторично Дейч, такой же разъяренный и с теми же требованиями. Дегаев замечательно спокойно посоветовал ему не говорить о том, чего он не знает, и не забывать, что в России существует Исполнительный Комитет «Народной Воли». При этом он прибавил, что

---

[1]) В обвинит. акте, однако, сказано, что он кое-кого выдал. *(Примечание в подлиннике.)*

приехал из России. Дейч, по своей ошалелости, вывел заключение, что это и есть NN, которого фамилию он, оказывается, откуда-то знал, и, называя его этой фамилией, требовал выдачи письма Стефановича. Дегаев, нисколько не отрицая, что он — NN, заявил, что все это дело касается Исполнительного Комитета, а он не станет и разговаривать с Дейчем. Не знаю, чем бы кончилось у них, но я вступился и сказал Дейчу, что прошу свидания с Плехановым, с которым улажу все это дело.

Чтобы кончить этот эпизод, скажу, что, кажется, на другой же день ко мне пришел Плеханов, мрачный и гневный. Он рассыпался в выражениях негодования против Голдовского: «Этакое ничтожество, дурак, червяк, осмеливается клеветать на нас, осмеливается участвовать в захвате наших писем...» Не знаю, с чего взял Плеханов, будто Голдовский в этом участвовал, но он был взбешен холодным бешенством и, может быть, плохо сознавал, что говорит. Обращаясь ко мне, он сказал, как бы овладевши собой, что ничего подобного от меня не ожидал.

— Мы с вами были товарищи, мы считали друг друга честными людьми, и вот между нами возникает ссора о похищении чужого письма.

Я ему ответил, что как был, так и остаюсь честным человеком, и даю ему честное слово, что письма у меня нет и что если это письмо действительно перехвачено, то я ему его достану и возвращу. Прошу мне дать на это несколько дней. Он ушел смирный, но такой же мрачный. Он, конечно, мне верил, но перехват письма Стефановича моими единомышленниками, знал ли я об этом или не знал, во всяком случае, клал между нами преграду, рвал наши добрые отношения. Однако слово свое я сдержал, немедленно написал, чтобы Марина Никаноровна прислала письмо ко мне. Она это исполнила очень быстро, и я передал его Плеханову. Содержание этого письма мне не известно. Марина Никаноровна тоже не читала его. Знал, вероятно, один Дегаев.

Что касается, якобы, измены Стефановича, то это, я был и остаюсь убежден, чистейший вздор и выдумка самого Дегаева, которому было выгодно сваливать на кого угодно выдачи дел и людей, совершенные им самим. Зная характер Стефановича, я уверен, что он держал себя с жандармами ласково и любезно, с удовольствием болтал с ними, вероятно, и им понравился, вообще подружился, как подружился когда-то с начальником киевского тюремного замка. Может быть, он когда-нибудь и сболтнул что-нибудь лишнее, да и то вряд ли. Он был претонкая шельма, природный комедиант, которому подобного я в жизни не видал. Не нашим жандармам, не самому Судейкину было обойти Якова Стефановича и выпытать что-нибудь [1]) от него [2]) (что он подру-

[1]) Далее зачеркнуто: «По словам В. Фигнер».

[2]) Он судился по процессу 20 в 1883 г. и сослан на каторгу на Кару. Потом я слыхал, что он был освобожден, дожил до всемирной войны и очень ею интересовался, но умер до революции. *(Примечание в подлиннике.)*

жился с жандармами, это естественно, — конечно, он умел в них возбудить к себе симпатии и, так как за ним не числилось никаких преступлений, кроме чигиринского самозванства, вероятно, давно подошедшего под какую-нибудь амнистию, то естественно... [1]), а выслали в конце концов административно в Сибирь).

Так я понимаю эту историю.

Возвращаюсь к Дегаеву. Я знал его и, отчасти, семью его уже давно, с первых лет народовольчества. Сам он был артиллерийский офицер, брат находился, кажется, в кадетском корпусе, сестра (забыл ее имя) была замужем за некоторым [2]) Маклецовым. Вся семья отличалась ярым революционным направлением, но в каких-либо серьезных революционных делах [участия] не принимала. Брат (кажется, Володя) был еще совсем мальчишка. Маклецова изображала из себя художественную натуру, недурно пела, кажется, училась декламации и беспощадно надоедала своим гостям декламированьем разных монологов, вроде речи Демона Тамаре. Помню, как она страстным шопотом заканчивала:

Я дам тебе все, все земное —
Люби меня...

и в изнеможении опускалась на колени... А мне было смешно. Были у ней поползновения создать у себя политический салон, и народу у ней собиралось много, в том числе даже из Исполнительного Комитета... Не знаю, была ли она артисткой, но комедиантка была большая. Занимала она своих гостей и спиритизмом. Раз я как-то был на спиритическом сеансе, при массе народа. Никаких чудес на сеансе не вышло, но Маклецова считалась «сенситивной».

Сергей Дегаев не входил тогда серьезно в революционные дела [3]). Он помогал нам знакомиться с офицерами. Вел между ними и сам пропаганду. О нем все были хорошего мнения. Но, вероятно, у него еще не назрела решимость броситься в омут революции. Он, несомненно, был умен, энергичен и с большим характером, но также с непомерным самомнением. Думаю, что по плечу себе он считал только великие дела и, может быть, находил, что происходившая тогда террористическая борьба недостаточно велика для него. Потом, уже после 1 марта 1881 года, когда я собирался покидать деятельность, он погрузился в нее с головой. Вероятно, он был охвачен порывом, который многих увлек в этот момент успеха террористов. Может быть, не осталась на него без влияния Вера Фигнер, с которой он очень сдружился. Как бы то ни было, он бросился в революцию и быстро занял первое место среди ее деятелей.

---

[1]) Неразобрано.

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Далее зачеркнуто: «не знаю, кажется, он готовился поступить в артиллерийскую академию, да сверх того».

И вот он заявился теперь ко мне. Я был, конечно, очень рад и засыпал его вопросами о том, что делается в России. Он рассказывал, и в этих разговорах мы провели несколько дней. Но скоро он начал казаться мне несколько странным, в рассказах его концы не сходились с концами, я переспрашивал. У меня-таки были способности следователя. Его объяснения еще более запутывали картину, он начал замечать, что я усматриваю в его рассказах какое-то вранье, стал путаться и что-то на третий или четвертый день ошарашил меня неожиданным признанием. Что его к этому побудило? Тут действовало, конечно, очень сложное сочетание чувств и размышлений. Ехал он за границу, конечно, не для такого самозаклания, а для того, чтобы и заграничных народовольцев опутать полицейскими сетями. Что касается лично меня, то он даже имел от Судейкина поручение заманить меня на германскую территорию, где я был бы тотчас схвачен и отправлен в Россию [1]). Но при разговорах со мной в нем пробудилось прежнее уважение к старым деятелям Исполнительного Комитета, даже преклонение перед ними. Он дрогнул при мысли поднять руку и на меня. Сверх того, он стал предполагать, что я угадываю его тайну, и в то же время кое что из моих слов [2]) внушило ему мысль, не могу ли я стать его единомышленником. Действительно, не упоминая о Николадзе, я высказывал, что положение партии безнадежно, людей нет, и что, может быть, было бы [3]) выгоднее всего сойтись с правительством на каком-нибудь компромиссе. Вся эта сложность впечатлений потрясла его, сбила с толку, тем более, что было ясно — если я действительно угадаю его предательство, то могу погубить его двумя-тремя словами публичного обвинения и разоблачения. И вот он, может быть, неожиданно и для самого себя, прервал мои расспросы:

— Слушайте, — сказал он, — не будем играть в прятки. Расскажу вам начистоту всю правду, а тогда судите меня. Отдаюсь на вашу волю. Что скажете, то я и сделаю.

Так началась его кошмарная правда. Можно представить, с каким вниманием я его слушал, серьезно, сосредоточенно, только ставя при надобности вопросы, но ни малейшим движением лица, ни малейшей интонацией голоса не выдавая своих ощущений, чтобы и не спугнуть его откровенности и не внушить никакой надежды, а дать ему как можно сильнее вариться в собственном соку. Да, меня недаром считали в Комитете дипломатом и выдвигали на труднейшие переговоры. Я рассчитал, что мое бесстрастие будет сильнее всего вытягивать из него жилы. И он, действительно, старался вырвать у меня хоть какое-нибудь негодующее восклицание, цинично входя в подробности предательства, и какой-нибудь знак одобрения, выставляя высоту своих побуждений. Напрасно: я твердо держался своей позиции, а на

---

[1]) Далее зачеркнуто: «В этом он мне сам сознался».

[2]) Далее зачеркнуто: «побудило его думать, что, быть может, я могу».

[3]) Далее зачеркнуто: «самым выгодным».

сердце у меня скребли кошки, и, слушая его, я в то же время на все лады обдумывал вопрос, что же я сделаю с этим негодяем.

В декабре 1882 г. Дегаев [1]) держал типографию в Одессе под фальшивым паспортом на имя Суворова и [2]) был арестован 20 декабря. Мне случилось видеть его фотографию, снятую в тюрьме. Выражение лица — ужасное, мрачное, подавленное, лицо преступника, обдумывающего злодейство.

И он, действительно, находился в таком настроении.

— Вы, — говорил он мне, — знаете, что за ничтожества составляют так называемую партию. Ведь я был — один, на всю Россию. Теперь я арестован и уже не выскочу. Значит, не осталось ни одного человека. Не считать же Веру Фигнер? Я ее очень люблю, но какая же она деятельница! Я мог надеяться как-нибудь вырастить организацию из этой толпы плохеньких новобранцев. Но вот я выбыл из строя. Теперь — все пропало. И я, как ни размышлял, приходил к одному заключению, что мне приходится поискать способов сделать что-нибудь из тюрьмы, своими собственными силами, в одиночку.

Эти роковые размышления самовлюбленного человека привели его к мысли — попробовать сойтись с Судейкиным... Мысль — совершенно глупая. Я говорил, что Дегаев был умен, но очевидно, что его ума нехватало на сложные задачи. Кроме того нравственная тупость в высшей степени спутывает действия ума, а Дегаев в нравственном смысле был очень туп. Почему, однако, он подумал именно о Судейкине? Судейкин распускал слухи, будто бы он убежденный народник и стоит не против пропаганды, а только против конституции. На этой почве он дурил многих арестованных народников. На эту детскую удочку пошел Дегаев. Он не хотел пропадать, не хотел расстаться с мечтой какого-нибудь великого дела и поддался на фантазию совершить какое-то великое, ему самому еще неясное, дело в союзе с гениальным сыщиком. Он обратился через тюремное начальство с письмом на имя инспектора секретной полиции Судейкина, извещая, что он — Дегаев, и просит личного с ним свидания. Судейкин немедленно покатил в Одессу, и у них с Дегаевым начались длинные разговоры, в течение которых он совершенно одурачил [3]) самовлюбленного безумца, подпевая в тон его новой мечте, высказывая, что он сам только и мечтал, как бы найти себе друга единомышленника среди крупнейших революционеров, чтобы совместными усилиями дать совершенно новое направление политике правительства. Он, Судейкин, так же одинок в правительственных сферах, как Дегаев, в сущности, одинок среди революционеров, неспособных возвыситься до его новых идей. Соединившись вместе, действуя, с одной стороны, на правительство, с другой — на революционеров, они могут добиться великих результатов

---

[1]) Далее зачеркнуто: «жил и действовал».
[2]) Далее зачеркнуто: «несмотря на свою ловкость и осторожность».
[3]) Далее зачеркнуто: «бедного».

в ходе развития России. Изумительно, что Дегаев мог поверить этой болтовне [1]) и воспарил духом до какой-то восторженности. Его жалкая судьба решилась как раз около рождественских праздников. Он форменно принял должность агента секретной полиции и, кажется, на сочельник вызвал к себе жену свою, сидевшую тоже в тюрьме, для совместного празднования этого дня и начала своего подвига. Жена его была толстая, совершенно неразвитая женщина, едва ли имевшая какие-нибудь идеи, но веровавшая в своего мужа, как в непогрешимый авторитет. Он был в восторге, значит, все хорошо, и ей оставалось только проливать слезы умиления. В этих сладких и торжественных чувствах они встретили праздник со всякими явствами и питиями, в мечтах о будущих великих делах, которые совершит Дегаев. Эти минуты [2]) он переживал в таких светлых ощущениях, что даже теперь [3]) вспоминал их, весь расчувствованный, и обрисовывал почти художественную картину: мрачная, бедная обстановка тюремной камеры, еле освещенной тусклой лампой, с одной стороны, а с другой две человеческие души, освещенные яркими лучами радости и торжества.

Таковы были безумные мечты. В действительности, в ожидании будущих благ, нужно было, конечно, немедленно посвятить своего нового союзника во все тайны революционных дел. Дегаев сделал это со всей полнотой, перечислил кружки и людей, охарактеризовал их, дал их адреса, открыл, под какими паспортами они проживают, что замышляют, какими шифрами переписываются и т. д. Он выдал все до последней ниточки. Я переспрашивал его поименно о многих.

Он подтверждал:

— Да, конечно, выдал.

— И Веру Фигнер?

— Ну, понятно.

— Но ведь вы с нею большие друзья.

— Конечно, но что же из этого? Притом, Судейкин обещал ее не арестовывать...

Да и вообще Судейкин сказал ему, что не имеет в виду никого арестовывать. Задача состояла в том, чтобы дать деятельности революционеров направление, соответствующее совместным планам Судейкина и Дегаева, и только впоследствии будет видно, кого требуется убрать.

Прежде всего нужно было выпустить Дегаева, и они решили, что это лучше всего сделать в виде бегства из тюрьмы... Это псевдобегство было проделано 14 января 1883 года.

— Так что вы не сами убежали? — невольно переспросил я.

Он криво усмехнулся:

---

[1]) Далее зачеркнуто: «и уверовал, что он пошел по совершенно правильной дороге».

[2]) Далее зачеркнуто: «были так торжественны».

[3]) Далее зачеркнуто: «в разговоре со мной Дегаев».

— Ну, конечно, как же я мог убежать! Наши же агенты вытребовали меня из тюрьмы и будто бы повели, куда приказано, а потом пустили на все четыре стороны.

Но, когда «бежавший» Дегаев явился к товарищам, это возбудило общий восторг. Вот молодец! Давно уже не было ничего подобного. Вера Фигнер ему безусловно доверяла. Но она была все-таки единственным человеком, способным ему мешать. Когда же она была 10 февраля арестована, вопреки обещанию Судейкина, Дегаев стал владыкой революционной России. Еще раньше сама Вера Фигнер сделала его членом устроенной ею «центральной организации», без нее он уже делал, что хотел. По соглашению с Судейкиным, они решили возобновить издание «Народной Воли».

— Так эта газета тоже Судейкинское дело? переспросил я.

— Ну, конечно. Я устроил типографию, набрал для нее людей. Шрифт достал у него же, денег у него брал, конечно, сколько нужно на содержание, да и вообще на все. Говорил, будто это пожертвования.

— Но как же Судейкин допускал писать против правительства?

— Да ведь без него не печаталась ни одна статья. Я ему носил, он поправлял, что нужно. Иных совсем не допускал. Мы все это вместе делали.

Приводя в порядок провинциальные кружки, Дегаев решил, что нужно организовать также Исполнительный Комитет, через который можно бы было за ними присматривать. Судейкин одобрил эту мысль. В этот Исполнительный Комитет, организацию которого начала еще В. Фигнер, Дегаев не провел ни одного полицейского агента,— это было излишне. Но он набрал людей безличных, вполне ему подчинявшихся. Я не помню их фамилий. Впоследствии, когда измена Дегаева разоблачилась, эта организация получила прозвище «Соломенного Исполнительного Комитета»...

Таким образом получилось нечто неслыханное в истории революций. Вся революционная организация была всецело в руках полиции, которая руководила ее высшим управлением и цензуровала революционную печать. Судейкин воспользовался Дегаевым во всей полноте. Он создал какое-то главное управление революционной деятельностью, которого директором был Сергей Дегаев. Но что же делал сыскной маг и волшебник по созданию нового направления правительственной политики? Разумеется, — ничего. Он отклонял разговоры об этом, говоря, что предварительно нужно обезопасить власть от покушений революционеров, и стал даже арестовывать некоторых, плохо поддававшихся управлению Комитетом, а теперь поручил ему заманить меня на немецкую территорию, где меня должны были схватить и отправить в Россию.

Впрочем, он всегда советовался с Дегаевым, а к нему лично относился самым дружеским образом.

Рассказывая обо всем этом, Дегаев раз печально произнес, опустив голову, что ему даже приходит иногда на мысль, не обманывает ли его Судейкин.

Я слушал, расспрашивал, а в голове напряженно кипели мысли, что́ мне делать. Первое желание, огнем меня палившее, было — убить этого негодяя, полусумасшедшую [1]) ядовитую гадину. Но и это было нелегко. Главный ужас моего положения состоял в том, что я был совершенно одинок. Надежных друзей не было. Опереться было не на кого. А он... почем я знал, сколько около него шпионья? Впрочем, убивать его было, во всяком случае, невозможно, потому что Судейкин тогда моментально заарестовал бы всех, кого знал, а знал он всех... Нет, этот исход не годился. Нужно что-то другое. Нужно что-нибудь спасающее людей из рук полиции. А я не имел возможности даже известить российских об угрожающей им опасности. Начни извещать — пройдет три месяца, а слухи пойдут моментально, и Судейкин узнает и всех перехватает. Да что еще будет делать Дегаев? Слушая его исповедь, соображая его психику, раскрывшуюся передо мной, я [2]) ни на иоту не верил его искренности или, лучше сказать, — видел ясно, что он сам не знает, что сделает завтра или даже через полчаса. Его положение было такое отвратительное, он так запутался, в нем боролось столько противоположных чувств, что невозможно было предвидеть, какое возьмет верх и в какую сторону толкнет его. Как ни ворочал я мозгами, выходило, что для спасения загубленных им нельзя обойтись без него самого. А для этого нужно было хорошенько приструнить его и не довести его до отчаяния и показать ему какой-нибудь луч искупления и пригрозить ему так, чтобы он не вздумал не послушаться меня. Сложная была задача, а решать ее должен был один я, без возможности сторонней помощи и совета.

Когда он кончил, решение, как мне казалось, единственно возможное, было у меня готово, но я хотел, чтобы он видел, что я размышляю. Он смолк.

— Ну вот вам вся правда. Я все открыл. Теперь — что вы скажете?

— Подождите. Нужно взвесить.

Я предложил ему, для видимости, еще несколько вопросов, помолчал и, наконец, сказал с мрачным и сосредоточенным видом:

— Вы сказали, что отдаетесь на мое решение, и сделаете то, что я скажу. Решение мое готово. Вы совершили величайшее преступление. Вы знаете, что полагалось в Исполнительном Комитете за десятую долю того, что вы сделали. Вас следовало бы убить. Если [3]) допустить, что у вас осталась искра порядочности, вам можно было бы разрешить — самому убить себя, чтобы не создавать осложнений для

---

[1]) Далее зачеркнуто: «бешеную гадину».
[2]) Далее зачеркнуто: «конечно».
[3]) Далее зачеркнуто: «верить».

других и несколько реабилитировать свою память. Но я не останавливаюсь на таком решении... Вы сделали не только преступление, но и невероятную глупость. Я знал вас за умного человека и недоумеваю, какая злая сила могла отнять у вас [1]) разум до того, чтобы поверить полицейскому сыщику. Мое решение состоит в том, что вы обязаны искупить свое преступление [2]) не своей смертью, а спасением тех, кого предали, и смертью того, кто воспользовался невероятным вашим поступком.

Он слушал смирно и внимательно. Лицо его немножко прояснилось.

— Я не знаю только, — продолжал я, — возможно ли спасти ваши жертвы. Ведь они известны правительству. Со смертью Судейкина они все равно будут схвачены...

Он возразил:

— Нет. Полицейские агенты вовсе не открывают инспекции всего, что знают. Они многое берегут про себя, чтобы оставаться незаменимыми. Судейкин знает все, но далеко не все зарегистрировано в инспекции.

— Ну, тем лучше. Однако нужно теперь же спасти наиболее компрометированных и нужных людей. Вы должны, какими хотите способами, под какими хотите предлогами, вывезти и выслать за границу вот кого.

Я перечислил несколько человек, мне известных, прибавив, что он должен выслать вообще наиболее скомпрометированных.

— Затем, — когда это будет исполнено, — вы должны убить Судейкина и приезжайте сюда же.

— Хорошо, я все это сделаю, — покорно произнес Дегаев.

— Теперь выслушайте мое последнее слово. Если вы не исполните этих обязательств, знайте, что я немедленно опубликую о вашем предательстве. Вы, вероятно, не успокаиваете себя мыслью, что у меня нет доказательств. Доказательств для меня не требуется. Я опубликую весь наш разговор в русских и заграничных изданиях, и вы понимаете, что м н е п о в е р я т. И вы будете тогда уничтожены, не будете нужны для Судейкина и не в состоянии уже будете вредить. Итак, вот я вам указал линию поведения и мое безотменное решение. А пока — я буду молчать, чтобы не помешать вам совершить свое искупление.

— Хорошо, — сказал он. — Угроз не нужно. Я все сделаю.

Молчать мне, действительно, приходилось безусловно. Иначе — Дегаев не в состоянии был бы исполнить мои требования. Приходилось схоронить в душе страшную тайну и одному нести ее тяжесть. Только Марине Никаноровне я ее открыл, когда получил возможность лично переговорить с нею. Бумаге я ничего не доверил.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «все способности и привести к нелепой мысли».

[2]) Далее зачеркнуто: «и сделанную глупость».

После этого Дегаев пробыл в Женеве еще несколько дней. Это было ему необходимо для поддержания вида, что он тут занят делами. Он был в Женеве, приходил и в Морнэ. Я раза два провожал его в Женеву, и мы с ним, кажется, испытывали одинаковые чувства опасения. Мне приходило в голову: а что как он пойдет на попятный? Достаточно было бы легкого толчка, чтобы сбросить меня в пропасть Pas de l'échelle, и, схоронив свою тайну вместе со мною, снова стать свободным делать, что заблагорассудит. Ему тоже, видимо, приходило в голову: «А что, если он, усыпив меня своим, якобы, решением, поступит по первому рецепту Исполнительного Комитета и размозжит мне голову о камни пропасти?»

Без всяких уговоров [1]) мы направлялись не на Pas de l'échelle, а поворачивали налево, на обходный путь через Аннемас, да и тут шли не слишком близко друг к другу и не допускали [2]) один другого очутиться сзади. Ни он, ни я не знали, есть ли при спутнике револьвер, и, беседуя о всевозможных предметах, не [3]) выпускали из глаз друг друга [4]).

Наконец он убрался, и я вздохнул с облегчением. Но теперь уже мои мечты удалиться от политической деятельности шли окончательно прахом. Приходилось, напротив, усиленно хлопотать о создании за границей какого-нибудь крупного притягательного центра, который мог бы затмить «Соломенный Исполнительный Комитет» и послужить для российских народовольцев пунктом объединения, хотя и вдали от родины. Центр организации за границей есть ненормальность. Но тут он предполагался как явление временное и даже кратковременное. Мы ждали хоть частичного исполнения обещаний Дегаева, которые должны были дать нам некоторое количество новых людей. Ознакомившись между собой и спевшись, они должны были снова двинуться в Россию в виде чистой, хорошо сорганизованной центральной силы. Тогда люди, оставшиеся за границей, естественно должны были отойти на второй план и утратить значение руководителей. Но все это предполагалось только в близком будущем, а пока нужно было создавать за границей некоторое подобие центра. Скорейшее издание «Вестника Народной Воли» становилось для этого настоятельно необходимо, и моему пустынничеству в Морнэ приходил конец. Нужно было перебираться в Париж.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «не стали направляться».

[2]) Далее зачеркнуто: «друг друга итти назади».

[3]) Далее зачеркнуто: «не спуская».

[4]) Далее зачеркнуто: «Не помню, когда я видел его жену: привозил ли он ее с собой в этот приезд, или тогда, когда окончательно покинул и Россию».

Н. Г. Чернышевский и III отделение.

Н. Г. Чернышевский и его процесс по вполне понятным причинам привлекают к себе особое внимание историков. Как только революция 1905 г. приоткрыла немного доступ в секретные архивохранилища, началась разработка относящихся к Чернышевскому архивных материалов. Ряд историков работал над этими материалами, изучая соответствующие дела III отделения, следственной комиссии кн. Голицына и Сената. В результате их упорной и кропотливой работы мы получили возможность ознакомиться с большим количеством документов, имеющих подчас чрезвычайно важное значение для биографии нашего великого социалиста и освещающих его жизнь даже в мелочах. Как ни упорна и напряженна была эта работа историков, тем не менее ряд документов, относящихся к Н. Г. Чернышевскому, до сих пор оставался вне сферы их внимания. В этом нет ничего удивительного, ибо иногда на такие документы приходится натыкаться в таких «делах», в которых, казалось, трудно было бы рассчитывать найти что-либо относящееся к Чернышевскому.

Несколько таких документов, неизвестных до сих пор биографам Чернышевского, мы воспроизводим ниже.

В XIV томе «Красного Архива» был опубликован ряд донесений следивших за Н. Г. Чернышевским агентов III отделения. Донесения эти хранятся среди документов так называемого «второго секретного архива» III отделения. К этим опубликованным ранее донесениям мы имеем возможность добавить еще несколько, которые в свое время были почему-то выделены из «второго секретного архива» и пересланы III отделением в следственную комиссию кн. Голицына, в одном из производств которой они и хранятся в настоящее время.

Наибольший интерес среди этих донесений представляет донесение от 5 июня 1862 г., обнаруживающее, насколько III отделению хотелось при помощи тех или иных средств связать имя Н. Г. Чернышевского с знаменитыми пожарами, происходившими в конце мая 1862 г. в Петербурге. Не лишено также интереса сообщение, которое мы находим в донесении от 28 июня, относительно намерения Чернышевского и Благосветлова издавать, взамен их приостановленных правительством 19 июня на 8 месяцев журналов «Современник» и «Русское Слово», особый сборник.

Из того же дела следственной комиссии, в котором хранятся приводимые нами агентурные донесения, мы заимствуем, далее, записку о Чернышевском, составленную III отделением и содержащую в себе сводку всех неблагоприятных данных, имевшихся относительно Чернышевского у III отделения. Если эта записка и не дает нам сообщения о каких либо фактах, оставшихся до сих пор неизвестными, то тем не менее она представляет интерес как лишнее доказательство того, что III отделение само сознавало

насколько недостаточен материал, которым оно располагало для обвинения Чернышевского. Об этом свидетельствует циничное признание, которое мы находим в этой записке: «Юридических фактов к обвинению Чернышевского в составлении возмутительных воззваний и в возбуждении враждебных чувств к правительству в III отделении не имеется».

Наконец, другая записка III отделения, которую читатель найдет ниже, «О чрезвычайных мерах», составленная 27 апреля 1862 г., знакомит нас с одним неосуществившимся проектом III отделения. Проект этот заключался в том, чтобы одновременными массовыми обысками положить конец развивающейся в Петербурге революционной пропаганде. Оказывается, что III отделением был составлен список 50 лиц, которых предполагалось подвергнуть одновременному обыску. В этом списке на первом месте мы находим «литератора Чернышевского».

Проектируя такую исключительную меру, III отделение, повидимому, само несколько колебалось, страшась вызвать приведением ее в исполнение серьезное общественное недовольство. В том же деле, из которого мы заимствуем эту записку, есть маленькая записка, никем не подписанная, но несомненно принадлежащая шефу жандармов кн. В. А. Долгорукову. Она гласит: «Время, в которое обыск может быть произведен с некоторой надеждой на успех и без особенно вредных последствий, должно быть определено не иначе, как по самом зрелом обсуждении». На этой записке имеется резолюция Александра II: «Разумеется, вот почему необходимо условиться как с мин. внутр. дел, так в особенности с к[н.]. Суворовым [1]), под наблюдением которого г.-л. Анненков [2]) уже следит за разными подозрительными лицами» [3]).

Потому ли, что проект III отделения вызвал возражения со стороны министра внутренних дел Валуева и кн. Суворова, или по каким-либо иным соображениям, III отделение отказалось от своего плана ликвидации крамолы.

Майские же пожары в Петербурге и вызванная ими общественная реакция дали правительству возможность действовать более решительно и, не ограничиваясь обысками и арестами подозрительных в политическом отношении лиц, осуществить ряд других репрессивных мер: закрытие воскресных школ и читален, приостановка «Современника» и «Русского Слова» и т. п.

Любопытно отметить, что, проектируя одновременные массовые обыски в Петербурге, III отделение настолько колебалось, что считало полезным до производства обысков поручить кн. Суворову пригласить к себе всех «сомнительных лиц» и предварить их о том, что за ними строго следят и что «всякий предосудительный проступок подвергнет их сильному наказанию». Александр II понял нецелесообразность и наивность этой меры и сделал на записке III отделения соответствующее указание [4]).

Б. Козьмин.

---

[1]) Петербургский генерал-губернатор.

[2]) Петербургский обер-полицеймейстер.

[3]) Дело III отделения 1 эксп., 1862 г., № 230, ч. I. «О предположениях к составлению правил для полицейских судов и действий полиции относительно предупреждения могущих быть беспорядков по случаю революционного духа в народе России».

[4]) См. ниже, стр. 184, прим.

Агентурные донесения и сводки *).

I.

Секретно.

Чернышевского с 18 мая посетили более 30 разных лиц, в том числе несколько студентов и экстернов Константиновского военного училища, один писарь военного министерства, один артельщик и несколько мужиков. Из известных уже у него были: Михаил Воронов [1]) — 13 раз, Николай Утин [2]) — 3 раза, студент Советов — 4 раза, доктор Боков [3]) — 8 раз, Антонович [4]) — 7 раз, Свириденко [5]) — 1 раз, Звонарев [6]) — 6 раз. Лунин — 1 раз, Иван Павлов — 1 раз, Некрасов — 1 раз. Кроме того, Чернышевского в это время посетили 4 новых лица: некто Иван Алексеевич Конопосевич — 3 раза, какой-то Кривошев — 1 раз, Салаев и Иван Иванович Кантович, занявший должность Студенского [7]), который на-днях уехал в Саратов с семейством Пыпина. Были еще: какой-то адъютант и наборщик из типографии Вульфа [8]), с которым Чернышевский и ездил куда-то.

В день пожара, 28 числа, когда горел Толкучий рынок, к Чернышевскому приходило очень много лиц, в том числе Елисеев [9]), Воронов, Боков, Антонович и 2 экстерна Константиновского военного училища. Собравшись вместе, они были чрезвычайно веселы и все время смеялись громко, так что возбудили удивление других жильцов дома, слышавших это через открытые окна. Откуда могло явиться у швейцара подозрение? Но он выразился: «А ведь они должны знать, кто поджигает». У офицера Рачкова [10]), живущего с Чернышевским, в продолжение сего времени было несколько офицеров, но за ними особенного ничего не замечено; надо полагать только, что у них есть что-нибудь общее с Чернышевским.

Денщик Рачкова, при всей скрытности своей, проговорился однакоже, что у Чернышевского всегда секреты со всеми приходящими и что они постоянно говорят шопотом; двери все заперты; при приходе кого-либо разговор прерывается. Люди теряются в догадках и подозревают у них что-то недоброе, но наверное ничего не знают.

Чернышевская все еще на даче в Павловске и постоянно окружена студентами, которые часто ездят в Петербург.

5 июня 1862 г.

II.

Секретно.

Захарьин Александр Васильевич, отставной губернский секретарь, служащий в обществе «Кавказ и Меркурий». По приезде

*) Заимствованы из дела высочайше учрежденной следственной комиссии 1862 г. № 2: «Сведения, сообщенные III отделением с. е. и. в. к.». Моск. Архив Революции и Внешней Политики.

своем еще зимою из Нижнего-Новгорода Захарьин жил некоторое время у Чернышевского, но потом поссорился с женою сего последнего и переехал с Московской части, 2 квартала, по Графскому переулку в дом под № 11, но постоянно находился в квартире Пыпина, где имел стол и ежедневные свидания с Чернышевским. С 7 апреля Захарьин значится по адресному столу выбывшим в Москву [11]).

5 июня 1862 г.

III.

Курочкин [12]) переехал в Павловск на дачу и поселился вместе с Щаповым; у них же на квартире живут какие-то два семинариста, особенно покровительствуемые Курочкиным.

За ними учреждено наблюдение.

Чернышевский и Благосветлов [13]) намерены издавать какой-то «сборник», в котором, без всякого сомнения, будут проводиться идеи такие же, какие заключались в запрещенных журналах.

Благосветлов, как говорят, будет ответственным редактором.

28 июня 1862 г.

IV.

Курочкин живет на даче Анненкова с своею дамою, а наверху помещается Щапов и какие-то два семинариста. Курочкин пьет более нежели когда-нибудь, кутит страшно. У него весьма часто бывают: Елисеев, Стопановский [14]), Вейнберг [15]), Благосветлов. С Чернышевским Курочкин большой приятель, но, вообще, и несмотря на вечный кутеж, держит себя очень осторожно. У него был также Я. О. Ивановский (учредитель читальни в Гальванической школе), и все находили, что мера закрытия воскресных школ и читален неуместна; тем более, что будто бы фабричные не признали никого, а народ плачет о закрытии школ, ощущая в себе потребность учиться, которая так некстати прервана, вследствие бешеных выходок каких-нибудь мальчишек [16]). Все с негодованием говорили о варшавских событиях [17]), молчал только Благосветлов, который через 8 месяцев хочет быть опять редактором «Русского Слова»; он утверждает, что настоящее закрытие журнала даст ему подписчиков впятеро больше. Больше всех либеральничает дама Курочкина, кажется, она двигает его ко всему.

Чернышевский переехал в четверг в город; жена намеревалась уехать вчера. Причиною переезда Чернышевского с дачи, полагают, новые неприятности его с женою. В Павловск к Чернышевскому знакомых приезжала тьма; многие оставались ночевать, преимущественно мужчины. Горцы увивались около жены его [18]).

Гогоберидзе [19]) живет в Павловске на даче Навозова с каким-то товарищем. О них отзываются, что они живут скрытно и что к ним никто не ходит.

30 июня 1862 г.

V.

27 марта один из агентов доносил, что бывший студент Самарин [20]) рассказывал ему в трактире «Херсон», что он, зайдя за несколько дней перед тем к Некрасову для получения работы, встретился там с Чернышевским, который, между прочим, говорил, что к 26 с[его] августа готовятся по всей России манифестации [21]), в которых будут выражены желания всего образованного класса, а именно: прощение политических преступников, всех без исключения, какие только находятся в живых, дарование конституции, свобода печати и уничтожение цензуры, ответственность министров, гласное судопроизводство и т. д. По словам Самарина, Чернышевский говорил, что он виделся со многими лицами, коноводами в провинциях этих будущих манифестаций, как-то: из Киева, Харькова, Владимира и др. городов. Некоторые из них еще в то время жили в С.-Петербурге. Самарин не говорил, кто, кроме его и Некрасова, присутствовал при означенном разговоре Чернышевского, а потому ныне сделано распоряжение об узнании этого от него, Самарина, ловким образом.

Самарин занимался здесь литературою, был сотрудником нескольких журналов и, повидимому, пользовался уважением Некрасова, который на похоронах Панаева [22]) приветствовал его очень дружелюбно. Его долгое время разыскивала полиция за неимение вида; будучи недавно задержан в Александровском парке, он был подвергнут допросу, но вскоре освобожден и снабжен надлежащим билетом на жительство.

Самарина видали в городе в разных костюмах: в студенческих, партикулярных, крестьянских и, наконец, лезгинских, при кинжале.

По словам Самарина, при означенном рассказе Чернышевского в квартире Некрасова находились: профессор Пыпин, метранпаж «Современника» Стругалев, он, Самарин, и Некрасов.

4 августа 1862 г.

VI.

Типография Вульфа, в которой печатался «Современник», с 1 июля переведена с Невского проспекта из дома Заветова (по случаю перестройки оного) на Литейную, в дом Зыбина, № 68. Метранпаж Иван Михайлов (временно обязанный крестьянин г. Дурново, Костромской губ., Чухломского уезда) давно уже свой человек у Некрасова, вследствие чего сошелся с Чернышевским и находился при означенной типографии собственно только для «Современника», которым он заправлял. Он живет ныне на Литейной, в доме Шумилова, у содержательницы квартир Сборской и ничем не занимается. По словам некоторых наборщиков типографии Вульфа, Иван Михайлов, коего фамилия

Стругалов, обнаруживал припадки умопомешательства, а потому он отправлен был в июне месяце в Мариинскую больницу, где пролежал 2 недели; вышедши оттуда, он находился полмесяца дома, но, заболев вторично, вновь отправился в больницу, где пробыл только неделю. Доктор, который его пользовал, находил, что помешательство его происходит от пьянства. У Вульфа Иван Михайлов Стругалов занимался 5 лет, зарабатывая в месяц до 100 р. с., но, кроме того, он получал подарки от Некрасова и Чернышевского. Стругалов находится в большой дружбе с «паспортистом» 3 квартала Литейной части Васильем Феофановым и часто навещают друг друга. Помощник же означенного паспортиста, как говорят, в настоящее время арестован за написание или распространение какого-то пасквиля. Стругалов говорил своим знакомым, что он намерен ехать в деревню, если этому не помешает состояние его здоровья.

Набранные в типографии Вульфа статьи «Современника» до сих пор не разобраны в ожидании разрешения на печатание этого журнала в сентябре.

7 августа 1862 г.

VII.

8 декабря.

Получены сведения:

1) Во главе существовавших в Москве сборищ малороссов под именем Громады стояли бывшие студенты Московского университета Гладкий и Кочерга; сборища эти прекратились с отъездом из Москвы Гладкого и Кочерги, из которых первый отправился за границу [23]).

2) Главою общества «Великорусс» называют студента Перикла Аргиропуло, находящегося под домашним арестом [24]), а также и редактором «Великорусса».

3) Во главе общества красных революционеров находились Чернышевский, арестованный в С.-Петербурге, и Боголюбов (ныне умерший) [25]).

4) Первый лист воззвания «Молодая Россия» появился в публику в Москве, принесенный в Сенат сенатским чиновником Завадским [26]), впоследствии арестованным; корректурный же рассматривался, между прочим, студентом Петром Зайчневским, когда он содержался под арестом в Тверском частном доме [27]).

5) Студентам печатальщикам злоумышленных сочинений и брошюр сочувствовали профессора С.-Петербургского университета Костомаров и Кавелин. Тот и другой некоторых посещали и предлагали денежные средства [28]), как и Чернышевский; кроме того, Кавелин писал к студенту Сулину [29]) в Москву.

6) Чернышевским установлен был знак (условный), когда он или кто ему что передавал или кого присылал — сверток половины газет-

ного (или простого печатного) листа, оставляя другую половину этого листа у себя.

7) Все лица, находящиеся теперь под судом за издание и распространение запрещенных сочинений, ожидали, что их приговорят немедленно к тяжелым наказаниям и они будут жертвами для возбуждения сочувствия к себе и своим убеждениям в обществе, но при следствии все учинили запирательство в том предположении, что общество еще мало подготовлено и что они по окончании над ними суда, будучи удалены в разные места, начнут действовать с большею для себя выгодою, подготовляя общество в различных местах для достижения своей цели, клонящейся, по их выражению, к уничтожению деспотизма.

8) Печатание вновь воззваний прекращено на неопределенное время. Чернышевский и другие какие-то главные деятели под арестом— вот тайное эхо печатальщиков на этот счет.

Записка III отделения *).

Чернышевский.

а) Сведения официальные.

При арестовании в ноябре 1861 г. бывшего поручика В. Обручева [30]), сознавшегося впоследствии в распространении воззвания «Великорусс», в бумагах его оказалось письмо к нему Чернышевского о каких-то денежных расчетах Обручева с Серно-Соловьевичем [31]), а также неотправленное письмо Обручева к Чернышевскому, в котором Обручев писал: «Вы чрезвычайно бы меня обязали, давши мне возможность обстоятельно переговорить с вами о том, что мне делать и чем заниматься, чтобы подняться выше типа либерального господина. Собственно говоря, с тех пор, как мы с вами знакомы, я еще ни разу не говорил с вами о том, к какой цели мне итти».

Спрошенный по этому письму Обручев объяснил, что Чернышевский был руководителем первых шагов его на литературном поприще и что этим письмом он хотел просить у него совета, каким именно литературным сочинением ему заняться, кроме перевода истории Шлоссера.

б) Сведения частные.

Юридических фактов к обвинению Чернышевского в составлении возмутительных воззваний и в возбуждении враждебных чувств к правительству в III отделении не имеется. Но он подозревается в том, на основании тех данных, которые поступили о нем в III отделение совершенно частным путем. Так, оказывается, что, будучи автором журнальных статей политического и экономического содержания, он приобрел известность литератора-публициста и пользовался авторитетом преимущественно между молодым поколением, которое он

*) Заимствовано из названного выше дела следственной комиссии.

старался возвысить в глазах общества и в которых видел лучших деятелей настоящего времени. Таким образом, приобретая все более и более почитателей, он незаметно составил отдельный круг знакомых из людей молодых и притом таких, которые были на невыгодном счету у правительства, и, наконец, таких, которые впоследствии оказались государственными преступниками. Вот имена особенно близких ему лиц: 1) Михайлов, распространитель воззвания «К молодому поколению»; 2) Обручев, распространитель «Великорусса»; 3) покойный Добролюбов, смерть которого приписывали политическим убеждениям, им разделяемым; 4) Шелгунов, Боков и полковник Обручев, родственники преступника Обручева; 5) профессор Пыпин, два брата Серно-Соловьевичи, Антонович, Захарьин, Огрызко, Рычков, Елисеев, заподозренные в преступлении и составлении воззваний; 6) студенты Студенский, Уткин, Печаткин [32]), Гогоберидзе, Кюн и др., в том же заподозренные.

Кроме того Чернышевского часто посещали студенты, замеченные в университетских беспорядках, и экстерны Константиновского корпуса. К нему приходили рабочие из разных типографий и какие-то подозрительные лица, с которыми он имел продолжительные свидания. Самые собрания знакомых у Чернышевского (всегда не в большом числе) отличались всегда какою-то таинственностью и бывали большею частью в ночное время. Доступ же к нему людей посторонних чрезвычайно затруднителен. Он имел обширную корреспонденцию не только в России, но и за границею; письма от него отправлялись обыкновенно при содействии жившего с ним Студенского, который лично отвозил их на почту (вероятно, из предосторожности).

Сочинение воззвания, найденного в С.-Петербургском университете 6 октября прошедшего года и имевшего целью возбудить студентов к беспорядкам, приписывали Чернышевскому [33]).

В шах-клубе, члены которого отличались либеральным направлением [34]) и где Чернышевский играл важную роль оратора, он говорил, что 26 августа настоящего года будет манифест и конституция в России.

Видели также надпись его на адресе, несостоявшемся, о помиловании Михайлова.

На одном публичном литературном вечере Чернышевский читал статью о Добролюбове и, как говорили, с целью, чтобы возбудить к нему и его другу, преступнику Михайлову, участие общества [35]).

Чернышевский, получив пакет с воззванием «Великорусс», спрашивал девицу Блюммер [36]), не она ли прислала этот пакет, запечатанный печатью, похожею на ее перстень.

22 марта настоящего года студент Студенский, провожая Утина из квартиры Чернышевского, сказал ему: «У нас все идет отлично, мы уже более половины для солдат сделали».

Жена Чернышевского привезла откуда-то домой несколько бумаг, в коих оказалось воззвание к народу, читанное их кучером.

Записка III отделения.

О чрезвычайных мерах.

Либеральные стремления молодого поколения обнаруживаются с некоторых пор необыкновенным брожением умов, усилившимся, в особенности, со времени бывших осенью минувшего года студентских беспорядков, которые встретили большое сочувствие во всех почти учебных заведениях, военных и гражданских, преимущественно же в С.-Петербургской Медико-хирургической академии. Молодые люди образованных сословий, офицеры военных академий, литераторы, некоторые профессора явили себя защитниками студентов и готовили протесты против мер, которые правительство сочло нужным принять в отношении сопротивлявшихся законоположениям и власти. Проникающие притом в Россию из-за границы разные возмутительные сочинения, отчасти перепечатываемые здесь тайно, распространение воззваний «Великорусс» и «К молодому поколению», арестование и наказание литератора Михайлова, на которого многие смотрели как бы на невинную политическую жертву, и революционное направление некоторых журналов, не говоря уже о скрытых подстрекателях, — беспрерывно возбуждали воспламененное воображение молодежи. Выходка на публичном чтении профессора Павлова, удаление его из столицы и беспорядки затем на лекции профессора Костомарова дали сильное развитие обнаружившемуся против правительства недовольствию и вызвали новые манифестации со стороны возмутителей, именно: протесты против высылки Павлова из С.-Петербурга и адресы как об его возвращении, так равно о прощении Михайлова.

Подача сих протестов и адресов была приостановлена, но в составлении их нельзя не подозревать некоторые лица, прежде уже обращавшие на себя внимание своими действиями против государственного порядка, и существование в столице тайных кружков, стремящихся произвести политический переворот, почти несомненно. Предположение это подкрепляется еще более: a) секретными наблюдениями за лицами, обнаруживающими неприязненные чувства к правительству; b) замеченными в разных местах подозрительными собраниями; c) учреждением в конце минувшего года особенного клуба, в котором под предлогом игры в шахматы члены оного, почти исключительно литераторы, собираются для обсуждения современных вопросов, и, наконец, d) появлением в последнее время новых воззваний возмутительного содержания: «К офицерам», «Земская Дума», «Русское правительство под покровительством Шедо-Феротти».

Такое расположение умов, при враждебных чувствах к власти и существующим учреждениям, угрожает в будущем пагубными последствиями. Для противодействия вредным замыслам необходимо, как выражено в особой записке, усилить явное и тайное наблюдение за подозрительными лицами в тех местах, где революционный дух более укоренился. Но это сопряжено с продолжительностью времени, тогда

как настоящее положение дел требовало бы действия безотлагательного. При таком убеждении и при неудаче стараний, употребленных к отысканию тайных типографий, казалось бы полезным, не ожидая предполагаемого усиления полицейских средств, произвести одновременный строжайший обыск в квартирах сомнительных лиц; но успех подобной меры может быть действителен только при сочувствии и искусстве тех, которым она будет поручена. Кроме того прежде, нежели на то решиться, надобно будет, по согласованию с министром внутренних дел и с.-петербургским военным генерал-губернатором, определить, в каких местах содержать лиц, которые, может быть, придется арестовать в значительном числе, и каким образом должно будет вести дело после их задержания.

Подробное обсуждение сих вопросов чрезвычайно важно, ибо малейшая неловкость или неудача в правительственных распоряжениях столь обширного размера может преждевременно произвести взрыв, коего последствий нельзя вперед исчислить. Последствия эти будут особенно чувствительны, если главные власти поколеблются в своих намерениях, перейдут от строгости к снисходительным уступкам, а не поддержат самым сильным образом начатого образа действий.

Взвесив все вышеизложенное и основываясь на опыте, может быть, окажется менее опасным и более удобным прежде всего воспользоваться общественным расположением к князю Суворову, дабы предоставить ему, призвав к себе порознь вышеупомянутых сомнительных лиц и проникнув в их предположения, предварить их, что они подозреваются, что за ними строго следят и что всякий предосудительный проступок подвергнет их сильному наказанию *).

После подобного предварения никакой обыск не должен уже возбудить укора. Притом, так как, по всему вероятию, у весьма немногих найдутся явные улики виновности, то их следовало бы, если обыск состоится, заранее разделить на категории и, с тем вместе, определить меры взыскания, а именно:

1) на лица, у которых окажутся собственноручные возмутительные сочинения или адресованные к ним письма, доказывающие, что они принимали или принимают участие в преступных происках;

2) на лица, у которых, хотя и найдены будут возмутительные сочинения, но которых невозможно уличить в участии составления оных, и

3) на лица, у которых ничего подозрительного не окажется.

Первых надлежало бы беспрекословно подвергнуть форменному следствию и предать суду; вторых удалить административным порядком из столицы на жительство в разные губернии под надзор полиции, а третьих оставить в С.-Петербурге с учреждением

*) Этот абзац отчеркнут Александром II карандашом, и на полях им написано: «По моему мнению, подобное предварение не поведет ни к чему, а напротив того даст возможность главным коноводам уничтожить и скрыть все бумаги, могущие их уличить». Набранное разрядкой подчеркнуто в подлиннике. *Б. К.*

за ними явного полицейского наблюдения, дабы им дать возможность оправдаться в падающем на них подозрении.

Одновременно с исполнением вышеуказанного предположения насчет внезапного обыска следовало бы учредить комиссию как для определения приведенных категорий, так и для разбора бумаг, которые могут быть забраны у лиц, подвергаемых обыску. Комиссию эту казалось бы полезным составить под председательством доверенного высшего чиновника из членов от министерства внутренних дел, юстиции, военного, от с.-петербургского военного генерал-губернатора и от корпуса жандармов [37]).

27 апреля 1862 г.

Список лицам, у которых предполагается сделать одновременный строжайший обыск.

1) Литератор Чернышевский.	Подозревается в составлении воззвания «Великорусс», в участии составления прочих воззваний и в постоянном возбуждении враждебных чувств к правительству.
2) Подполковник Шелгунов.	Подозревается в том же и кроме того, был в тесной дружбе с преступником Михайловым.
3) Полковник Обручев [38]).	Подозревается в участии составления воззвания «Великорусс» и находится в беспрестанных сношениях с Чернышевским.
4) Два брата Серно-Соловьевичи.	То же.
5) Профессор Пыпин.	То же.
6) Захарьин, служащий в пароходном обществе «Кавказ и Меркурий».	Находится в подозрительных сношениях с Чернышевским.
7) Огрызко, типографщик [39]).	Находится в подозрительных сношениях с Чернышевским; кроме того последние воззвания отпечатаны шрифтом, находящимся в его типографии.
8) Рычков, артиллерийский офицер.	Родственник Чернышевского, подозреваемый в сообщничестве с ним.
9) Боков, доктор (находящийся под судом по делу поручика Обручева и распространения «Великорусс»).	Подозревается в преступных сношениях с Чернышевским, к которому имеет во всякое время доступ.
10) Елисеев, литератор.	То же.

11) Студенский, бывший студент университета.	Родственник Чернышевского, который употребляет его постоянно для письма.
12) Благосветлов, литератор.	Обнаруживает постоянно враждебные чувства к престолу и правительству и первенствует в шах-клубе, где ведет разные разговоры.
13) Антонович, литератор.	Приятель и сотрудник Чернышевского, которому приписывается составление некоторых воззваний.
14) Лавров, полковник.	Бывал на студентских сходках, изъявлял сочувствие студентам, обратил на себя внимание нерасположением к правительству.
15) Милюков, учитель [40]).	Находится в переписке с издателем в Берлине предосудительного русского журнала «Свободное Слово» и обнаружил опасный образ мыслей.
16) Семевский, литератор, бывший офицер л.-гв. Павловского полка[41]).	Постоянно обнаруживает весьма предосудительный образ мыслей и имел в своей квартире подозрительные собрания.
17) Героглифов, литератор [42]).	Раздавал до 70 экземпляров воззвания «Великорусс» и вообще обращает на себя внимание нерасположением к престолу и правительству.
18) Рошковский, артиллерийский офицер.	У него замечены ночные сходки экстернов Константиновского военного училища, и о нем упоминается в одном частном письме, что он имеет предательские намерения.
19) Керсновский, артиллерийский офицер.	У него бывают сходки офицеров и экстернов Константиновского военного училища и у него в квартире находится, как полагать должно, библиотека запрещенных книг.
20) Вериго, артиллерийский офицер. 21) Скопин, студент медицины.	Оба бывали на всех студентских сходках, и в квартире первого происходит что-то особенно подозрительное.
Бывшие студенты здешнего университета. 22) Утин, Николай. 23) Печаткин. 24) Гогоберидзе	Принимали участие в студентских беспорядках, сделали демонстрацию на лекции профессора Костомарова, находятся в предосудительных сношениях с Чернышевским и сильно подозреваются в напечатании воззвания в пользу Павлова и в распространении других воззваний.

25) Бобровский, офицер Николаевской инженерной академии.	Обнаруживал предосудительный образ мыслей и подозревается в преступных замыслах по тому поводу, что брат его — скрывшийся из Киева студент — перепечатывал воззвание «Великорусс» и другие опасные сочинения.
26) Гюбнер[43]). 27) Мультановский[44]). 28) Ложеницын[45]). 29) Березин. 30) Ромаренко[46]). (Медицинские студенты.)	Положительно известно, что они заказали здесь ручной типографский станок, который намерены отправить в Нижегородскую губернию для печатания воззваний к народу, имеющих быть выпущенными к тысячелетию России.
31) Дом Колпакова на Выборгской стороне.	В этом подозрительном доме живут многие студенты Медико-хирургической академии, из коих некоторые обратили на себя внимание предосудительным поведением. Есть подозрение, что там скрывается библиотека запрещенных книг и многие возмутительные сочинения.
32) Евреинов[47]), студент Московского университета.	Подозревается в распространении воззваний.
33) Аверкиев, артиллерийский офицер[48]).	Замечен в возбуждении ненависти к правительству в разных публичных местах.
34) Дозе, учитель Ларинской гимназии[49]).	Раздавал воззвание к офицерам.
35) Моригеровский, учитель[50]).	Главный виновник беспорядков, бывших в Технологическом институте.
36—37) Полетика, два брата, горные инженеры[51]).	Подозреваются в преступных действиях против правительства.
38) Костенко[52]). 39) Самарин. 40) Подосский[53]). 41) Левенталь[54]). 42) Киселев[55]). 43) Дрызло. 44) Босе. 45) Кун. 46) Виноградский. (Бывшие студенты этого университета.)	Сильно подозреваются в печатании и распространении воззваний.
47) Тиблен, заведывает типографией, принадлежавшей его брату[56]).	На него падает подозрение в распространении и даже печатании воззваний.

48) Девицы Блюммер и

49) Александровская [57]).

У них собираются студенты, и они занимаются распространением воззваний.

50) Волков, бывший студент здешнего университета [58]).

Живет в Петербурге праздно и подозревается в неблагонамеренных действиях.

27 апреля 1862 г.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Воронов, Михаил Алексеевич (1840—1873), беллетрист, сотрудник «Современника».

2. Утин, Николай Исаакович (1845—1883), известный революционер, член Центрального Комитета общества «Земля и Воля» в 1862 г.

3. Боков, Петр Иванович (1835—1915), врач, в 1861 г. привлекался по делу «Великорусса»; в 1862 г. был членом «Земли и Воли».

4. Антонович, Максим Алексеевич (1835—1918), публицист и критик, сотрудник «Современника».

5. Свириденко, Матвей Яковлевич (ум. 1864 г.), приказчик книжного магазина Тиблена в Петербурге, в 1856—1858 гг. член московского кружка «вертепников».

6. Звонарев, Семен Васильевич (ум. 1875 г.), рассыльный «Современника», позднее издатель.

7. Студенский, Алексей Осипович, родственник Чернышевского, работал у последнего в качестве секретаря.

8. В типографии Вульфа печатался «Современник».

9. Елисеев, Григорий Захарович (1821—1891), публицист, сотрудник «Современника».

10. Не Рачков, а Рычков, Владимир Иванович, двоюродный брат жены Чернышевского.

11. Захарьин, Александр Васильевич, по некоторым сведениям, принимал участие в «Великоруссе».

12. Курочкин, Василий Степанович (1831—1875), поэт, сатирик, редактор «Искры».

13. Благосветлов, Григорий Евлампиевич (1824—1880), редактор журнала «Русское Слово».

14. Стопановский, Михаил Михайлович (ум. в 1877 г.), беллетрист, сотрудник «Современника».

15. Вейнберг, Петр Исаевич (1831—1908), известный поэт.

16. Поводом для закрытия воскресных школ, как известно, было раскрытие революционной пропаганды, производимой учителями в Самсониевской школе среди учеников — фабричных рабочих.

17. В течение 1861—1862 гг. в Польше шла деятельная подготовка к восстанию, начавшемуся в январе 1863 г. Какие именно «события в Варшаве» имеет в виду агент, сказать трудно. 15 июня в Варшаве состоялось покушение на и. д. наместника Царства Польского графа Лидерса, а 20 июня — покушение на наместника вел. кн. Константина Николаевича, в этот день приехавшего в Варшаву.

18. О кавказской молодежи, окружавшей О. С. Чернышевскую, см. в воспоминаниях Н. Я. Николадзе, «Каторга и Ссылка», 1927 г., № 5, стр. 29—30.

19. Гогоберидзе, Давид, студент Петербургского университета, видный участник студенческих волнений 1861 года.

20. Самарин, Лев, студент Петербургского университета, участник студенческих революционных кружков 1862 г., несправедливо заподозренный товарищами в шпионстве. В 1863 г. арестован за попытку принять участие в польском восстании и отправлен в Сибирь для службы рядовым в местных войсках.

21. 26 августа 1862 г. предстояло празднование тысячелетия России, в связи с чем ожидались манифестации революционного характера.

22. Панаев, Иван Иванович (1812—1862), беллетрист, соредактор Некрасова по «Современнику».

23. Украинская студенческая организация в Москве в те годы, действительно, существовала. Гладкий, Антон Антонович, студент Московского университета, в 1861 г. привлекался по делу Зайчневского и Аргиропуло, но Сенатом от суда был освобожден.

24. Аргиропуло, Перикл Эммануилович (1839—1862), студент Московского университета, организатор революционного кружка, занимавшегося литографированием запрещенных сочинений, арестован в июле 1861 г. К «Великоруссу» Аргиропуло никакого отношения не имел.

25. Боголюбов — знаменитый критик Николай Александрович Добролюбов (1836—1861).

26. Завадский, Владислав Ромуальдович (1840—1910), чиновник московских департаментов Сената, в 1862 г. был арестован по подозрению в распространении «Молодой России»; впоследствии сенатор.

27. На это указание правительством не было обращено внимания. То обстоятельство, что П. Г. Зайчневский был автором «Молодой России», для правительства осталось неизвестным.

28. Сообщение о Костомарове и Кавелине действительности не соответствует.

29. Сулин, Яков, студент Московского университета, в 1860 г. участвовал в организации первой в России тайной типографии.

30. Обручев, Владимир Александрович (1836—1912), поручик, в 1861 г. арестован по обвинению в распространении «Великоруссa» и приговорен к каторжным работам на 5 лет.

31. Письмо это опубликовано М. К. Лемке в «Очерках освободительного движения шестидесятых годов», стр. 383.

32. Печаткин, Евгений Петрович (1838—1918), студент Петербургского университета, видный участник студенческих кружков 1862 г.; впоследствии издатель и владелец книжного магазина в Петербурге.

33. Насколько известно, во время студенческих волнений 1861 г. в Петербурге в университете была расклеена одна рукописная прокламация, но эта прокламация безусловно была написана не Чернышевским.

34. Шахматный клуб был основан в 1862 г. петербургскими литераторами; старшинами его были Г. З. Елисеев и П. Л. Лавров. В июне 1862 г. клуб этот был закрыт правительством.

35. Имеется в виду вечер, устроенный Литературным Фондом 2 марта 1862 г. На этом вечере Чернышевский читал воспоминания о Добролюбове, а проф. П. В. Павлов свою статью по поводу тысячелетия России, послужившую поводом к его высылке из Петербурга.

36. Блюммер, Антонина Петровна (ум. в 920-х годах), участница революционных кружков в Петербурге в начале 60-х годов; арестована в мае 1862 г. и сослана в Воронеж.

37. Здесь мы находим впервые мысль, осуществленную впоследствии (в июне 1862 г.) в несколько измененной форме, об организации особой следственной комиссии для расследования дел о политических преступлениях.

38. Обручев, Николай Николаевич (1830—1904), подполковник, видный член тайного общества «Земля и Воля» 60-х годов, впоследствии член Государственного Совета.

39. Огрызко, Иосафат Петрович, руководитель польской революционной группы в Петербурге, за участие в польском восстании 1863 г. сослан на каторжные работы в Сибирь. Об его типографии см. воспоминания В. Б. Аренцта в № 3 «Каторги и Ссылки» за 1924 г.

40. Милюков, Александр Петрович (1817—1897), литератор, привлекался в 1849 г. по делу петрашевцев.

41. Семевский, Михаил Иванович (1837—1892), историк, редактор «Русской Старины».

42. Не Героглифов, а Гиероглифов, Александр Степанович (1824—1900), журналист.

43. Гюбнер, Юлий Юльевич (1841—1901), студент Медико-хирургической академии, в 1862 г. арестован по делу Рымаренко.

44. Мультановский, Помпей Яковлевич (1839—1897), студент Медико-хирургической академии, в 1862 г. арестован по делу Рымаренко; впоследствии известный хирург.

45. Ложеницын, студент Медико-хирургической академии, в 1862 г. привлекался по делу Рымаренко.

46. Не Ромаренко, а Рымаренко, Сергей Сергеевич, видный деятель революционных кружков и общества «Земля и Воля» 60-х годов, арестован в 1862 г. за заказ типографских станков для печатания прокламаций и за распространение прокламации «Чего мы хотим» и выслан в Астрахань.

47. Евреинов, Дмитрий Павлович (1842—1892), член московского кружка Зайчневского и Аргиропуло, арестован в 1862 г. по обвинению в распространении прокламаций и выслан в Тулу.

48. Аверкиев, Иван, поручик, арестован в мае 1862 г. по обвинению в революционной пропаганде и приговорен к заключению на 6 месяцев и к переводу в войска Кавказской армии.

49. Дозе, Федор Иванович (1831—1879), педагог, арестован в мае 1862 г. по обвинению в распространении прокламаций и выслан в Кострому.

50. Моригеровский, Александр Никифорович, преподаватель Технологического института в Петербурге; в 1862 г. уволен за «вредное влияние на учащихся».

51. Один из братьев Полетика, в 70-х годах был редактором «Биржевых Ведомостей».

52. Костенко, Иродион Иванович, арестован в 1862 г. по обвинению в распространении прокламаций и выслан в Пермскую губ.

53. Подосский, Эдуард Викторович, студент Петербургского университета, участник волнений 1861 г. и член «Земли и Воли».

54. Левенталь, Антон Гаврилович, студент Петербургского университета, участник волнений 1861 г., в 1862 г. привлекался к суду за произнесение дерзких слов о царе.

55. Киселев, Александр Александрович, участник студенческих волнений 1861 г.

56. Тиблен, Николай Львович, впоследствии издатель и книгопродавец.

57. Александровская, Варвара Владимировна, арестована в мае 1862 г. по обвинению в распространении прокламаций и выслана в Тульскую губ.; в 1869 г. привлекалась по делу нечаевцев и приговорена к ссылке в Сибирь на поселение.

58. Трудно сказать, какой Волков имеется в виду III отделением. В студенческих волнениях 1861 г. принимали участие студенты Петербургского университета Павел и Сергей Волковы и вольнослушатель Александр Волков.

Юлиан Мархлевский [1].

(Из истории революционного движения в Польше).

К революционному движению Ю. Мархлевский примкнул очень рано. Еще в эпоху «Пролетариата» он познакомился с программой и деятельностью этой первой революционной партии в Польше, заложившей там основания революционной и социалистической пропаганды. Гимназистом он примкнул в 1885 г. к движению, входил в состав кружков, организованных «Пролетариатом», вместе с Марией Богушевич, Разумейчиком, Архангельским и др. Его не запугали те бешеные преследования, которым подвергались польские рабочие за участие в революционном движении. Сравнительно долго удавалось ему вести революционную работу незамеченным вплоть до того момента, когда в 1888 г. произошел очередной разгром «Пролетариата», и производившие следствие жандармы напали на его след.

В деле второго департамента мин. юстиции № 103 за 1888 г. в части I (арх. № 11100), официально озаглавленном «О воззваниях преступного содержания, найденных в ночь с 9 на 10 июля сего 1888 года во дворе прядильной фабрики Звеновского», мы находим указания на деятельность не только партии «Пролетариат», но и некоторые указания на деятельность тов. Мархлевского.

«Пролетариат», организация которого была раскрыта в 1888 г., продолжал дело той организации, которая была создана Варынским, Куницким и другими деятелями революционного движения. Дело, начатое несколькими десятками интеллигентов, было подхвачено рабочими массами, которые защищали свою партию и возобновляли ее работу после каждого очередного разгрома.

В таких крупных городах и промышленных центрах, как Варшава, Лодзь, и в целом ряде более мелких фабричных поселков создавались рабочие кружки, на которых удавалось вести устную пропаганду. Кроме того в больших количествах распространялись воззвания среди рабочих, говорившие о тех задачах, которые стоят перед пролетарскими массами.

В указанном деле мы находим следующий материал, характеризующий организацию:

«10, 11 и 12 июля 1888 г. в различных частях гор. Варшавы были обнаружены разбросанные по улицам и расклеенные на домах печатные воззвания «К рабочим» от имени Варшавского рабочего комитета социально-революционной партии «Пролетариат» крайне преступного содержания.

---

[1] Настоящий очерк, в котором использованы неопубликованные материалы Моск. Архива Революции и Внешней Политики и ЛИЦА, составлен тт. А. Ф. Арским и Б. Г. Мархлевской.

Произведенным по сему делу дознанием установлено, что с 1888 г. некоторые члены сообщества «Пролетариат», оставшиеся необнаруженными во время расследования, произведенного о названном сообществе в течение последних десяти лет, снова стали группироваться в отдельные тайные кружки и пропагандировать социально-революционные идеи. Ставшие во главе этого движения дворяне Карл Гизберт, Вацлав Наземблo, Людвиг Кульчицкий, прусский подданный Казимир Щепанский, мещанин Шая Кассиуш, Адам Домбровский и Владислав Анелевский, в видах расширения агитации, вошли в преступные сношения с проживающими в Швейцарии русскими эмигрантами и, получая от них в значительном количестве различные издания подпольной прессы, распространяли таковые среди фабричного населения в Варшаве. Независимо от сего, из дела видно, что преступная деятельность названных лиц в указанное время выразилась еще в том, что, для более успешной пропаганды противоправительственных идей, они устраивали особые сходки, происходившие в различных частях Варшавы, как то: за Вольской заставой, в питейном заведении Ставского, в кофейной Кучинского, на Пивной улице и в квартирах Анелевского, Домбровского и Щепанского. На этих квартирах обсуждались вопросы, касавшиеся деятельности партии, читались лекции, имевшие целью подготовить слушателей к восприятию социально-революционных идей, и собирались деньги на нужды сообщества. В последних целях, в 1888 г. были устроены два увеселительных вечера, с платой за вход, в помещениях, занимаемых частным пансионом Лонгелебен и Шдевской, разыграно несколько лотерей, и отлитографированы некоторые сочинения Лассаля и Маркса. Всех лиц привлечено 46, из них скрылось 5».

Даже этот казенным языком написанный документ дает некоторое представление о той революционной работе, которая происходила в Варшаве и Лодзи. Отличительной чертой организации является то, что она не носит заговорщицкого характера, а является организацией пропагандистского характера, где максимум внимания уделялся революционной агитации и пропаганде. Деятели «Пролетариата» не замыкались в эту эпоху в узких рамках уже существующих кружков, а старались установить новые связи с рабочими и втягивать их в революционную работу.

В частности относительно тов. Мархлевского в этом деле имеются следующие сведения. В списке обвиняемых и привлекаемых к делу он помещен под 29 номером, причем указывается, что он скрылся до допроса.

Сущность обвинения против него следующая: «По показанию Шимона Михалковского, красильщик Мархлевский бывал у Домбровского и однажды (осенью 1887 г.) в присутствии собравшихся у Домбровского рабочих произнес речь, в которой порицал своих слушателей за то, что между ними нет солидарности, и доказывал, что только общими силами, если рабочие сплотятся, они могут с успехом действовать против фабрикантов и капиталистов».

В той же ведомости имеется заключение прокурора судебной палаты — весьма лаконичное: «Приостановить. Он за границей». С этим мнением согласилось охранное отделение.

В дальнейшем в том же деле имеются более подробные сведения относительно Юлиана Мархлевского. В отделе 2-м (часть особ.), на листе 490, мы находим следующие сведения:

«44. Юлиан Мархлевский.
(Подробных сведений о личности не имеется.)

До возникновения настоящего дознания никаких сведений о преступной деятельности Юлиана Мархлевского и о принадлежности его к партии «Пролетариат» не имелось, и лишь при производстве оного выяснились нижеследующие компрометирующие названного Мархлевского обстоятельства, а именно:

1) Что он уже в 1887 г. был знаком с Адамом Домбровским и, присутствуя однажды осенью означенного года на устроенном Домбровским у себя на квартире собрании рабочих, имевшем целью обсудить вопрос об устройстве в городе Варшаве ремесленного клуба, говорил в этом собрании речь, в которой порицал рабочих за отсутствие между ними солидарности и призывал их к таковой, доказывая, что лишь при наличности ее, т.-е. общими силами, рабочие могут с успехом действовать против фабрикантов и капиталистов, и 2) что он, познакомившись с Людовиком Кульчицким и Казимиром Щепанским, познакомил их затем у себя на квартире и с Адамом Домбровским.

Ввиду этих данных 31 июля 1889 года состоялось постановление о привлечении Юлиана Мархлевского к дознанию в качестве обвиняемого, но Мархлевский до допроса успел скрыться и до настоящего времени остается неразысканным, несмотря на все принятые к тому меры».

Тов. Мархлевскому удалось скрыться от ареста. Это дало ему возможность в течение нескольких лет продолжать революционную работу.

За этот период времени партия «Пролетариат» оказалась совершенно разбитой преследованиями и репрессиями. Ее деятели были арестованы. В результате этого перед рабочими Польши встала задача сорганизовать партию на новых основаниях, построить ее работу на новых принципах.

Эти новые принципы революционной работы сводились к тому, чтобы организацию сделать действительно массовой, вовлекая туда как можно больше рабочих, вести главным образом революционную агитацию и пропаганду, издавать брошюры и книги, которые больше всего и прежде всего говорили бы об экономических интересах рабочих и сравнительно меньше занимались бы вопросами политическими. Однако эту организацию ни в коем случае нельзя считать организацией идентичной с русским экономизмом. Подход был другой. Он исходил из повседневных нужд рабочих. Так называемые «Кассы сопротивления» строились почти по принципу профессионального союза, а затем, исходя из этих предпосылок, руководители этих организаций и рабочие переходили к вопросам политическим. В эти организации удалось втянуть сотни рабочих в Варшаве, Лодзи, Жирардове и других местах. Организации скорее носили характер профессиональный, чем характер политической партии, но в то же время они подготовляли рабочие массы к пониманию и восприятию идей революционной социал-демократии.

Начало 90-х годов прошлого столетия в Польше можно считать за время особенно сильного развития и роста этих организаций, получивших наименование «Касс сопротивления».

Однако и эти организации встретили обычное отношение со стороны правительства, которое постаралось их разбить как можно скорее. После колоссальных арестов, произведенных в Варшаве, Лодзи и Жирардове, была создана новая организация — «Союз польских рабочих», причем Юлиан Мархлевский принимал очень живое участие в обеих этих организациях, являясь фактическим создателем и организатором их.

Официальные документы и материалы, касающиеся его работы в этот период времени, носят гораздо более подробный характер, так как 24 октября 1891 г. он был арестован в Лодзи, откуда был перевезен в Варшаву (в Цитадель).

Почти весь период времени с момента разгрома организации «Пролетариат» и до ареста в 1891 г. он прожил в Лодзи, где работал в качестве красильщика у Познанского. Он был организатором «Касс сопротивления» и «Союза польских рабочих», причем вместе с Людвигом Красуским, Яном Ледером и другими подготовил колоссальную демонстра-

цию лодзинских рабочих в 1891 г., когда Лодзь на несколько дней фактически перешла во власть рабочих.

Как выше указано, т. Мархлевский был арестован в Лодзи.

В деле временной канцелярии при министерстве юстиции по производству особых уголовных дел — «Кассы сопротивления» № 147 за 1891 г. (арх. № 10091) — мы находим рапорты о мещанине Юлиане Мархлевском следующего содержания:

«Его высокопревосходительству господину министру юстиции.
Прокурора варшавской судебной палаты.

Имею честь донести вашему высокопревосходительству, что 24 октября сего года задержан в гор. Лодзи и заключен под стражу мещанин Юлиан Мархлевский, который разыскивался с 1889 года. Мархлевский привлечен к дознанию о Казимире Щепанском и других, обвиняемых по 250 статье улож. о наказ., которое было закончено, и о большинстве обвиняемых последовало уже высочайшее повеление в 5 день декабря 1890 г. Дознанием было установлено, что Мархлевский был близко знаком с обвиняемым Адамом Домбровским и осенью 1887 года произнес речь на устроенном Домбровским собрании рабочих о необходимости солидарности между рабочими для успешной борьбы с фабрикантами и капиталистами. Кроме того Мархлевский познакомил Домбровского с обвиняемыми Казимиром Щепанским и Людовиком Кульчицким.

№ 1140. Ноября 5 дня 1891 г. Г. Варшава.

Прокурор судебной палаты *Турау*».

В этом первом рапорте имеются только общие указания, касающиеся деятельности Мархлевского в организации в 1888 г. Нет почти упоминаний о работе его в 1890-91 гг. Между тем это последнее обстоятельство и послужило поводом к привлечению Мархлевского по данному делу. Правда, его разыскивали и по первому делу, но революционная работа 90-х годов привела полицию и жандармов на его след.

Дальнейшие документы и материалы рисуют в подробностях деятельность «Касс сопротивления» и «Союза польских рабочих».

Приводим их в извлечениях, касающихся Мархлевского:

Секретно.

«Его высокопревосходительству господину министру юстиции.
Прокурора варшавской судебной палаты.

Имею честь представить при сем вашему высокопревосходительству дознание по делу о прусском подданном Юлиане-Бальтазаре-Иосифе Мархлевском, обвиняемом по 250 ст. улож. о наказ., вместе с заключением о дальнейшем направлении сего дела, которое на основании высочайшего повеления от 27 апреля 1879 года препровождалось к г. варшавскому генерал-губернатору.

При сем прилагается: 1) список лиц, привлеченных к дознанию в качестве обвиняемых, 2) отношение генерал-губернатора от 23 декабря сего года за № 914 и 3) отношение начальника варшавского губернского жандармского управления от 31 октября сего года за № 939

№ 1736. Декабря 30 дня 1893 г. Г. Варшава.

Прокурор судебной палаты *Турау*».

«...Обнаруженное в городах Варшаве и Лодзи, а также в посаде Жирардове тайное сообщество, именовавшееся «Союзом рабочих», — как установлено расследованием, — не задавалось революционными стремлениями и поставляло своею задачею добиться

лишь улучшения быта рабочих путем уступок со стороны фабрикантов и капиталистов, а средством к достижению таковой задачи избирало стачки, для чего и устроило особую «Кассу сопротивления». При этом имеются указания, что руководители названного сообщества пытались направить свою деятельность на легальный путь, принимали меры к предотвращению вступления рабочих в партию «Пролетариат», преследовавшую террористические социально-революционные цели, и что одним из поводов для организации сообщества «Союз рабочих» было намерение оказать противовес вышеупомянутой партии «Пролетариат», члены коей занимались деятельною пропагандою по привлечению рабочих в ряды социально-революционных агитаторов...»

«...Разделяя предположения прокурора варшавской судебной палаты и мнение помощника варшавского генерал-губернатора сенатора барона Медема относительно остальных обвиняемых, а также заключение военного министра по вопросу об ответственности канонира Станислава Ничевского и признавая обвиняемого Брониславa Недзельского достаточно изобличенным в распространении прокламации социалистического характера, полагал бы соответственным подвергнуть одиночному тюремному заключению: Осипа Бека, Карла Ходачинского, Ивана Ледера, Станислава Кулика, Ивана Танского, Игнатия Домбровского и Юлиана Мархлевского на шесть месяцев каждого, а Адольфа Варшавского, Леона Ивановского, Владислава Новицкого, Владислава Блащинского, Карла Дочкало, Станислава Тодеусевича, Алексея Кузьмина, Павла Зайончковского, Ивана Цетелковского, Болеслава Дембинского, Станислава Гута, Томаша Купецкого, Яна Козимирчака и Брониславa Недзельского на три месяца каждого с тем, чтобы по отбытии означенного наказания выслать Мархлевского как неблагонадежного иностранца навсегда за границу, разрешив принятием этой меры как настоящее о нем дело, так и дознание о тайном сообществе «Пролетариат», к коему он также привлечен в качестве обвиняемого, и подчинить гласному надзору полиции Осипа Бека, Ходачинского, Ледера, Кулика, Танского и Домбровского — вне местностей Привислинского, Северо- и Юго-Западного края, столиц и университетских городов на два года каждого, а остальных обвиняемых этой категории в избранном месте жительства на один год каждого и вменить Антону Гумницкому в наказание предварительное его содержание по сему делу под стражею с подчинением его гласному надзору полиции в избранном месте жительства вне Привислинского, Северо- и Юго-Западного края, столиц и университетских городов на два года».

«Заключение по делу о прусском подданном Юлиане-Бальтазаре-Иосифе Иосифове Мархлевском, 22 лет, обвиняемом по 250 ст. улож. о наказ.

Обвиняемый представил залог в 400 рублей.

При производстве в 1889 году в городе Варшаве дознания о социально-революционном сообществе «Пролетариат», к которому в качестве обвиняемых были привлечены Казимир Щепанский и другие, в числе 46 человек, некоторые из обвиняемых, между прочим, показали: 1) Казимир Щепанский, — что он проживал на квартире у Юлиана Мархлевского и в своей комнате читал рабочим лекции по политической экономии, но Мархлевский на этих лекциях не присутствовал. Он заходил иногда к Мархлевскому и у него познакомился с Адамом Домбровским, но не знает, какие отношения существовали между этими лицами. 2) Людвиг Кульчицкий, — что для целей сообщества он вошел в сношения с рабочими чрез посредство Сикорского, Кассиуша и Адама Домбровского, причем с последним он познакомился на квартире Юлиана Мархлевского, у которого в то время жил Щепанский. Сам он ни в каких отношениях с Мархлевским не состоял, и последний никакого участия

в круге деятельности его не принимал. 3) Шимон-Леонард Михалковский, — что Адам Домбровский пригласил его однажды к нему на собрание. Он пошел и застал у Домбровского человек 10 рабочих, в том числе Юлиана Мархлевского. Последний начал говорить сначала об устройстве клуба рабочих, а потом стал доказывать, что рабочие глупы, не хотят соединиться и общими силами действовать против фабрикантов; Мархлевского он видел тогда первый раз и более с ним никаких сношений не имел.

По обстоятельствам, выясненным дознанием, Адам Домбровский являлся одним из главных обвиняемых по этому делу, но до допроса его успел скрыться.

К этому же дознанию, на основании изложенных данных, был привлечен в качестве обвиняемого Юлиан Мархлевский по обвинению его в преступлении, предусмотренном 250 ст. улож. о наказ., но он также до допроса скрылся.

Дознание это было разрешено высочайшим повелением, последовавшим в 5 день декабря 1890 г., причем в отношении Юлиана Мархлевского оно было приостановлено впредь до явки или задержания его.

24 октября 1891 г. Мархлевский был задержан в городе Лодзи, и у него произведен был обыск, но ничего предосудительного при этом найдено не было.

Спрошенный в качестве обвиняемого, он виновным себя не признал и объяснил, что в 1888 году Щепанский нанял комнату в квартире его матери, и таким образом он познакомился с ним, но о преступной деятельности его ничего не знал. Щепанский советовал ему заняться умственным развитием рабочих, и он, соглашаясь с ним, купил несколько популярных дозволенных книг, роздал грамотным рабочим и предложил неграмотным обучать их. Но вскоре рабочие возвратили книги как мало интересные, предпочитая, по их словам, повести вроде «Рінальдо-Ринальдини». Ввиду этого он решился прекратить с ними занятия и сказал об этом Щепанскому, но тот обвинил его в неумении заохотить рабочих к занятиям. У Щепанского он видел только легальные книги и у него же познакомился с Кульчицким, который заводил разговоры о необходимости вызвать у рабочих сознание своего положения и действовать против капиталистов на социальных началах. Он возражал Кульчицкому и Щепанскому, и вследствие этого они охладели к нему. С позолотчиком Адамом Домбровским он познакомился в 1886 г. чрез посредство брата своего Генриха при катаниях на лодках. Домбровский был развитой человек, затрагивал в разговоре общественные вопросы и резко отзывался о шляхте и ксендзах. Однажды он позвал Домбровского для обновления рамы в комнате Щепанского и там познакомил их. Щепанскому Домбровский понравился своими убеждениями. В августе 1888 г. последний сообщил ему, что уезжает за границу, и они более не встречались и не переписывались. Он никогда не был на квартире Домбровского, речей там на собрании рабочих не произносил и Михалковского вовсе не знает; Домбровский никогда не приглашал его на собрание, и вообще никаких сходок он не посещал.

В 1891 году в городе Лодзи Мархлевский вступил в тайное сообщество «Кассы сопротивления», вследствие чего был привлечен в качестве обвиняемого к дознанию об этом сообществе; дознание это направляется вместе с настоящим.

Таким образом изложенными данными Юлиан Мархлевский достаточно изобличается в принадлежности к социально-революционному сообществу «Пролетариат», направленному к достижению, хотя и в более или менее отдаленном будущем, перемены существующего образа правления и разрушения основ общественной жизни, что предусмотрено 250 ст. улож. о наказ., причем он, как выяснено дознанием, не руководствовался террористическою программою, и ответственность его по этому дознанию может быть вполне приравнена к ответственности обвиняемых по тому же делу Франца Ковалевского, Фердинанда Залесского и других, которые, в силу упомянутого высочайшего повеления, последовавшего в 5 день декабря 1890 г., подвергнуты тюремному заключению на три месяца каждый.

Вследствие изложенного я полагал бы подвергнуть по настоящему делу Юлиана Мархлевского заключению в тюрьме на три месяца и затем при обсуждении дознания о тайном сообществе «Кассы сопротивления» постановить по мере вины его по тому дознанию одно общее наказание.

Прокурор судебной палаты *Турау*».

№	Сведения о личности	Сущность обвинения	Содержание под стражей	Заключение прокурора и варш. ген.-губерн.	Мнение врем. канцелярии
70	Мархлевский, Юлиан Осипов, 26 л. Прусский подданный, католик, холост, грамотный, красильщик.	По показанию Михалковсого, Мархлевский принимал участие в делах «Кассы сопротивления» и распространял брошюру «Рабочий День», причем 3 экземпляра таковой дал ему, Михалковскому, и приглашал его на сходку. Мархлевский показал, что он приезжал из Варшавы в Лодзь в марте 1891 г. и через товарища по школе Ледера познакомился с Михалковским, говорил с ним по поводу тяжелого положения рабочих и дал для распространения 3 экземпляра брошюры «Рабочий День», полученных еще в Варшаве, по почте из Парижа, от знакомого его Домбровского, скрывшегося за границу в 1888 г., ввиду привлечения к дознанию о «Пролетариате». Независимо от сего дела Мархлевский привлечен был в 1889 г. к дознанию о «Пролетариате» (Казимир Щепанский и др.), каковое дело было приостановлено впредь до явки или задержания Мархлевского (арестованного 24 октября 1891 г. в г. Лодзи). Означенным дознанием выяснено, что в квартире Мархлевского занимал комнату Казимир Щепанский, читавший рабочим лекции по политической экономии, но Мархлевский участия в этих собраниях не принимал. По показанию Михалковского, он однажды был на сходке у Домбровского, где Мархлевский говорил о необходимости организации клуба рабочих. Мархлевский показал, что о преступной деятельности Щепанского он ничего не знал и на квартире у Домбровского не был. По сему делу прокурор варшавской судебной палаты и ген.-губернатор полагают подвергнуть Мархлевского заключению в тюрьме на 3 месяца, с тем, чтобы постановить одно общее наказание и по делу о «Кассе сопротивления».	Содержался с 13 февраля по 12 октября 1892 года.	Тюремное заключение на один год, а затем выслать навсегда из Российской империи, разрешив принятием этой меры оба дознания.	Заключен в тюрьму на 6 м. и высылка.

К вопросу о революционной деятельности т. Мархлевского еще раз возвращаются жандармы и полиция в 1894 г.[1]). Дело в том, что при обыске в квартире Оскара-Оттона-Вильгельма Мархлевского, брата Юлиана Мархлевского, были найдены брошюры и книги революционного содержания. Ознакомившись с этими материалами, жандармы решили привлечь к ответственности Оскара Мархлевского, но он, в полном согласии со своим братом, объяснил, что найденные у него документы и материалы принадлежат не ему, а его брату Юлиану.

Для последнего это объяснение не было сопряжено с какими-либо неприятностями, так как для жандармов и полиции в это время он уже был недосягаем.

Дело в том, что 12 октября 1892 г. Юлиан Мархлевский был освобожден под залог из тюрьмы. Вслед за этим он серьезно заболел тифом и воспалением легких. Немецкий консул предупредил его о том, что участие его в нелегальных рабочих организациях повлечет за собою ряд неприятных последствий. Согласно предположению прокурора и жандармов т. Мархлевский должен был отбыть наказание в Сибири, а затем подлежал выдаче немецкому правительству, которое опять привлекло бы его к ответственности за социалистическую пропаганду. Получив это предупреждение, т. Мархлевский не стал ожидать дальнейших преследований и уехал за границу. Таким образом документы и материалы, обнаруженные при обыске у Оскара Мархлевского, не могли уже повлечь дополнительных преследований.

Ввиду того, что документы, извлеченные из дела Оскара Мархлевского, проливают свет на революционную деятельность Юлиана Мархлевского, мы приводим их полностью, сохраняя язык и стиль жандармских донесений.

«Временная канцелярия имеет честь представить при сем к подписанию вашего превосходительства проект отношения к товарищу министра внутренних дел, заведывающему полициею, по делу о прусском подданном Оскаре Мархлевском, обвиняемом в государственном преступлении.

И. д. прокурора варшавской судебной палаты и варшавский генерал-губернатор полагают заключить Мархлевского в тюрьму на один месяц и выслать его затем безвозвратно за границу.

Завед. канцелярией *Лемтюжников*.

19 августа 1894 г.

«Заключение о дальнейшем направлении дознания по обвинению прусского подданного Оскара-Оттона-Вильгельма Осипова Мархлевского, 19 лет, в преступлении, предусмотренном 318 и 251 ст. улож. о наказ.

Обвиняемый состоит под залогом в 200 руб.

11 ноября 1893 г., во время производства, в порядке положения о государственной охране, обыска у проживающей в городе Варшаве прусской подданной Марты Мархлевской, под кроватью живущего в той же квартире брата ее Оскара Мархлевского, ученика частного коммерческого училища в Варшаве, была найдена принадлежащая ему пачка разных изданий социально-революционного содержания.

При производстве по этому поводу дознания, в порядке 1035 ст. уст. угол. суд., установлено, что в этой пачке находились следующие издания на польском языке: два экземпляра литографированной брошюры под заглавием «Об анархии», социально-революционного содержания; два экземпляра журнала польской социально-революционной партии под заглавием «Борьба классов»; один экземпляр известного воззвания

---

[1]) Дело временной канцелярии при министерстве юстиции по производству особых уголовных дел. № 17. 1894 г. Архивн. № 11916.

«Товарищи рабочие», изданного в Варшаве сообществом «Пролетариат» 28 апреля 1890 г.; по одному экземпляру известных брошюр социально-революционного содержания, под заглавиями: «Отчет», «Первое мая во Львове», «Открытое письмо к Центральному комитету о созыве рабочего конгресса в Лейпциге», «Политическая и социальная революция», «Программа рабочих», «Речь Фердинанда Лассаля, произнесенная 17 и 19 мая 1863 г. во Франкфурте», «О созидании богатств», «Поземельный вопрос у нас», «О земледелии и промышленности для братьев-крестьян»; три экземпляра изданной в 1892 году брошюры социально-революционного содержания под заглавием «Добавление к программе польских социал-демократов»; один экземпляр социально-революционного песенника под заглавием «Выбор поэзии для рабочих»; один экземпляр литографированной брошюры «Вступление к изобличительной программе»; три книги журнала «Общественное Обозрение», издаваемого во Львове и отличающегося социально-революционным направлением; три экземпляра брошюры «Kwestjonavjusz robotniky» [«Рабочий Опросник»]; один экземпляр брошюры под заглавием «Четыре недели поста, драматическая картинка из событий 1861 года», написанной крайне резко в польско-патриотическом духе, с целью возбуждения ненависти к правительству и всему русскому, и гектографированная программа для чтения, в которой, в числе сочинений, дозволенных к обращению в публике, указаны: «Сибирь и ссылка» Кеннана, «Из-под российского владычества».

В этой же пачке оказались: брошюра на немецком языке под заглавием «Устав общей рабочей кассы стачек», один экземпляр предисловия К. Тарасова на русском языке к известной брошюре «Экономические учения Карла Маркса в популярном изложении К. Каутского» и литографированная тетрадка на русском языке под заглавием «Опыт программы систематического чтения», в которой, между прочим, указаны статьи Степняка, Лаврова и другие нелегальные издания.

Наконец, вместе с этими социально-революционными изданиями находились три книги: «Воспоминания об Адаме Мицкевиче», на польском языке, «Положение женщины в прошлом», на немецком языке, и «Устав и правила швейцарского союза типографов», на немецком языке. Эти книги ничего противоправительственного в себе не заключают, но, по сообщению варшавского цензурного комитета, запрещены к обращению в публике.

Привлеченный в качестве обвиняемого Оскар Мархлевский объяснил, что брошюры, воззвание и книги, найденные у него при обыске, за исключением книги под заглавием «Воспоминания об Адаме Мицкевиче», данной ему кем-то из товарищей, он получил в мае месяце 1893 года от своего брата Юлиана Мархлевского при следующих обстоятельствах. Вернувшись как-то домой, Юлиан дал ему какую-то пачку, завернутую в бумагу, говоря, что в этой пачке есть занимательные вещи. Взяв пачку и не полюбопытствовав посмотреть, что в ней находится, он спрятал ее в шкаф и только в августе месяце открыл ее и увидел, что она состоит из запрещенных изданий. В числе этих изданий была «Крейцерова соната» гр. Толстого; он вынул эту книгу и прочел ее, а все остальные издания спрятал опять в шкаф, предполагая прочесть их впоследствии. Затем в октябре месяце он вынул из этой пачки брошюру Наленча под заглавием «Поземельный вопрос у нас», а все остальное, не читая, завернул в бумагу и положил под кровать, где эту пачку и нашли при обыске. Распространением этих изданий он не занимался и никому не давал их читать, брат же его, Юлиан Мархлевский, был привлечен к дознанию по обвинению в государственном преступлении и уехал из Варшавы.

Из имеющихся в деле сведений видно, что Юлиан Мархлевский был привлечен к двум дознаниям по обвинению в принадлежности к социально-революционному сообществу «Пролетариат» и по обвинению в социально-революционной пропаганде среди рабочих в городе Лодзи. Пробыв год под стражею, Юлиан Мархлевский 26 октября 1892 г., до окончания дознания, был освобожден под залог в 400 рублей и в 1893 г. скрылся за границу.

Из вышеизложенного видно, что объяснение обвиняемого Оскара Мархлевского о том, что он все издания социально-революционного содержания, найденные у него при обыске 11 ноября 1893 г., получил от своего брата Юлиана, скрывшегося за границу,

является правдоподобным, а затем дознанием не установлено, чтобы Оскар Мархлевский принадлежал к какому-либо противозаконному сообществу или занимался распространением бывших у него изданий, почему он изобличается лишь в преступлении, предусмотренном 4 ч. 251 ст. улож. о наказ.

Имея в виду, что Оскар Мархлевский, сохраняя в продолжение шести месяцев значительное количество социально-революционных изданий, разумеется, успел ознакомиться с их содержанием, хотя он и утверждает противное, что пребывание в городе Варшаве иностранного подданного, не только ознакомленного с социально-революционным движением, но, повидимому, сочувствующего этому движению, является опасным, особенно ввиду постоянно возможных сношений Оскара Мархлевского с проживающим за границею братом его Юлианом, который, будучи привлечен к двум дознаниям, скрылся за границу, где, по достоверным сведениям, продолжает свою преступную деятельность, направленную к поддержанию и распространению социально-революционного движения в губерниях Привислинского края, — я полагал бы, разрешив настоящее дознание в административном порядке, 1) прусского подданного Оскара-Оттона-Вильгельма Осипова Мархлевского, 19 лет, заключить в тюрьму на один месяц и выслать его затем за границу с воспрещением возвращаться в пределы Российской империи, возвратив его матери, Августе Мархлевской, представленный за него залог в 200 рублей, и 2) вещественные доказательства уничтожить.

Исп. обязанности товарища прокурора варшавской суд. палаты [подпись]».

В 1893 г. весною т. Мархлевский уехал в Швейцарию и в Цюрихе поступил на юридический факультет университета.

В Цюрихе начинается его совместная работа с Розой Люксембург, которая была моложе его на 4 года, и близким ее другом Тышко.

Они там же вместе (с тт. Варским и Веселовским) организуют «Социал-Демократию королевства Польского». Опыт Мархлевского, который был рабочим уже несколько лет в Польше на фабриках и который, благодаря знанию немецкого языка, знал марксистскую литературу, пригодился партии при совместном создании «С.-Д. К. П.».

«С.-Д. К. П.» издает первый номер журнала «Рабочее Дело» (Роза Люксембург на Международном Цюрихском Конгрессе 1893 г. получила мандат от этого органа партии).

В записке о ходе дознания по делу о тайном сообществе «С.-Д. К. П.» (к № 8142 по 1 декабря 1893 г., стр. 32) говорится: «По агентурным сведениям, Сементковский как член партии «С.-Д. К. П.» прибыл в Варшаву для совещания с здешними ее деятелями по поводу установления более тесной связи между представителями партии и редакции газеты «Дело Рабочего». Газета эта издается в Париже, и редактором ее состоит красильщик Юлиан Мархлевский».

На стр. 41 говорится: «Наконец, письмо, написанное почерком скрывшегося за границу Юлиана Мархлевского, со следующим содержанием: «Дорогой Стах...» [1]). На странице 44 говорится: «Красуский получил от одного из своих знакомых, назвать которого не пожелал, чемодан с воспрещенными изданиями и преступного характера рукописями с письмом от Мархлевского. По дороге в город Серадзь Красуский был арестован. Представить объяснения по поводу содержания бывших у него рукописей и письма Мархлевского, как, равно, указать, кого Мархлевский называет Стахом,— Красуский отказался».

На стр. 46 Стефан Сементковский упоминает в своем показании, что совершенно неожиданно для него Мархлевский явился к нему в имение его матери Пелпоцик, где пробыл два дня, а потом отправился через Слупецкую заставу за границу.

---

[1]) См. ниже стр. 204.

Трудно допустить, что Мархлевский, человек почти неизвестный семейству Сементковского, явился в их имение только лишь для передачи сведений о здоровье сына. Близость имения от границы и все удобства ее перехода, которыми пользуются жители приграничной полосы, дают некоторое основание предполагать, что Мархлевский приезжал в это имение, быть может, и по поручению сына, но при этом, вероятно, имел целью, как говорят революционеры, «устроить границу».

Находясь за границей в качестве одного из редакторов «Рабочего Дела» («Sprawy Robotniczei») и руководителя социал-демократической работой за границей, т. Мархлевский поддерживал живейшие связи с организациями в Польше и, в частности, в Лодзи. Он переписывался с ними, давал ряд практических указаний и т. п.

В деле № 240 за 1893 г. (делопроизводство 7-е департамента полиции) «Партия Социал-Демократии Крулевства Польского» мы находим чрезвычайно интересный материал о возникновении и официальном создании «Социал-Демократической Партии Польши». Само собой разумеется, что официальные донесения Брока и др. носят тенденциозный характер, но не в них дело. Гораздо интереснее официальное сообщение «Рабочего Дела», датированное августом 1893 г., о создании «Социал-Демократической Партии», собравш й вокруг себя все наиболее революционное из элементов, уцелевших после разгрома «Пролетариата», «Касс сопротивления» и «Союза польских рабочих».

Этим элементам приходилось вести борьбу не только против социал-шовинистической идеологии ППС, но и против клеветы на организаторов и творцов этой партии, в частности на т. Каспржака.

Тов. Мархлевский принимал живейшее участие в работе с.-д. партии, причем во время обысков в Лодзи были найдены два письма, не оставляющие никакого сомнения в том, что они принадлежат т. Мархлевскому. В обоих этих письмах он дает практические советы местным работникам, касающиеся постановки революционной работы, устанавливает контакт между заграничными работниками и партией, работающей в Польше, помогает редактировать протест, разработанный польскими рабочими социал-демократами, против безобразной клеветы, обвиняющей т. Каспржака в провокации.

Эти письма сохранились только в очень плохом переводе на русский язык, сделанном в жандармском управлении. Приводим их в том виде, как они сохранились в архиве департамента полиции.

1.

«Дорогие товарищи. Все ваши документы дошли до нас во-время. Согласно вашему желанию, «Уведомление» ваше перепечатаем на первом месте. Из рукописного же уведомления, которое вы нам перед тем прислали, взяли мы лишь последнее мнение, гласящее о формальной перемене в организации, так как все другие будут вторично и более подробно помещены в печатном уведомлении. Когда мы получили это последнее, наш номер был совершенно готов к печатанию, и потому, исключив лишь всякие известия и воспользовавшись убористым шрифтом, мы поместили уведомление на первой странице. Официального извещения о соглашении между «Д. Раб». и вами совершенно уже не могли включить, и его мы еще оставили.

На условие — это и которое вы нам прислали, мы согласны и принимаем его. Желаем только прибавить еще два пункта, на которые, вероятно, вы согласитесь. Мы именно хотим, чтобы вы взяли на себя обязанность правильной доставки нам корреспонденции и подробных известий о движении, так как без этого, несмотря на самое искреннее желание, мы не в состоянии будем сблизить газету с движениями и действительными потребностями минуты, насколько мы этого желаем. Эта сторона газеты в совершенной от вас зависимости. Чем больше и чаще будете нам писать о том, что у вас

делается, тем мы более будем в состоянии удовлетворять вашим нуждам. Полагаем, что эту обязанность и этот пункт условия вы охотно примете. В другом пункте мы обязываемся не входить сами ни с кем в организационные сношения, не известив вас предварительно, точно так же и вы, как следует ожидать, поступите в отношении нас. При наших затруднительных сношениях и при том, что орган наш становится официальным органом партии, и потому и наша организационная редакция — ч а с т ь ю партии — такие отношения совершенно естественны и неизбежны. Так как, с одной стороны, не всегда зная, какие организации входят в состав партии, с кем партия соединяется, трудно было бы нам исполнять роль органа партии. С другой стороны, совершенно естественно, и вы не пожелаете, чтобы мы, помимо вашего ведома, соединились с кем бы то ни было. Итак, этот пункт вы, вероятно, также признаете сообразным и согласитесь на него.

Вот и все наше дополнение. Что же касается первого пункта условия, мы хотим еще добавить, что вы можете быть совершенно покойны, так как мы не можем изменить ни программы, ни направления, и мы очень рады, что в этом отношении вы с нами согласны. Мы также надеемся, или, вернее, мы убеждены, что это условие и на будущее время не будет по нашей причине нарушено. Ничто кроме серьезных изменений в самих условиях общественной жизни не склонит нас к изменениям нынешней программы, и во всяком случае ничто не может нас склонить к тому, чтобы мы перестали быть социал-демократами. Потому мы принимаем этот пункт более за надлежащую с вашей стороны предусмотрительность вследствие прошлых опытов, нежели за практическую меру, которая была бы нужна в отношении нас. Затем, что касается второго пункта, то обязуемся так же, как и вы, что сделали в рукописном извещении: на изданиях, о которых нам будет невозможно совещаться с вами, не должна быть фирма партии, только нашего издателя. В отношении более важных вопросов, имеющих, однако, общее для партии значение, как 1 мая — полагаем, что нам необходимо будет уговориться с вами при личном свидании. Наш представитель должен будет встретиться с вашим и сообща утвердить рукопись, которая выйдет с нашей, либо с вашей стороны. Лишь такие более важные и с общего согласия изданные вещи должны носить фирму партии. Заметим, что если, издавая что-либо сами, вы пожелаете переслать нам сюда рукопись для более тщательного и верного исполнения, мы будем с удовольствием вам это делать и быстро пересылать в край, тем более, что мы здесь, свободные от практической агитации и отданные ныне исключительно литературе, можем спокойно посвятить себя окончательной обработке и изданию рукописи, чем все издания партии выиграли бы много в отношении однообразия.

Утвердив прилагаемое условие с нашими дополнениями, пришлите сейчас с него копию за вашей печатью. Хотели мы еще сделать вам одно замечание относительно вашей печати. Вероятно, по невниманию, либо спешке, вы присвоили себе слишком общее название. Во-первых, не обозначает оно, кто у вас управляет центром — «Управление» или что-либо подобное; во-вторых, оно не означает точно наш край. Для немца или француза «польская» социал-демократия то же, что галицийская или познанская. Если вам не составит большого труда, стоило бы вам сделать печать: «Управление Социал-Демократии Королевства Польского». Если бы сделали это, то сообщите нам сейчас же официально в газету об изменении печати, чтобы документы с бывшей до сего времени печатью не считались фальшивыми.

А теперь представим вам идею, которая вам, вероятно, так же, как и нам, покажется весьма подходящей. Фактом вашей переорганизации следовало бы воспользоваться для агитации масс. Полагаем, что более обширные массы рабочих должны всегда извещаться о важнейших переменах в среде управляющей ими партии — этого требует уважение к рабочим массам, чтобы их не вести впотьмах. Кроме того подобное извещение произведет очень хорошее впечатление, возбудит массы и оживит симпатии к вам. Одновременно с этим несколько-месячная начальная эпоха «Польской партии соц.» будет некоторым образом вычеркнута из истории, а традиции «союза» возобновлены. С этой целью предлагаем вам отпечатать прокламацию на месте и разбросать наибольшее число ее экземпляров. Чтобы, в случае вы признаете идею справед-

ливой, не было проволочки в исполнении, мы препровождаем вам теперь же форму этой прокламации, которой можете немедленно воспользоваться. В случае, если вы все это выполните (может быть, на красной бумаге), пришлите нам сейчас же хотя один экземпляр, чтобы мы могли официально перепечатать такую прокламацию. Советуем вам искренне исполнить это. Все новые организации дают таким образом знать массам о своем возникновении.

Приступаем к делу Каспржака [1]). Протест, который вы нам прислали, очень хорошо написан и мог бы отстоять честь товарища, если бы не некоторые обстоятельства: 1) прежде всего, он рукописный, и потому распространить его нельзя. Напечатать его в нашей газете неудобно, потому что этим мы только испортили бы дело Каспржака: сказали бы, что мы, как противники Мендельсона, ведем против него агитацию или же просто подделали документ — заподозреть в этом они нисколько не постесняются. Нужно непременно, чтобы документ был напечатанный, и притом у вас на месте, чтобы всякие подозрения относительно подлога документа сделались невозможными. Ежели только имеется возможность напечатать, не должны пренебречь этим, так как вы не имеете понятия, как трудно защитить здесь Каспржака, в особенности против немцев, которых мендельсонисты так опутали своими интригами, что к ним почти нет доступа. Только весьма веские доказательства (со стороны немцев) могут убедить немцев, что это подлог со стороны М. Если вас удержало бы соображение о наказании Каспржака, то обращаем ваше внимание на то, что если его отождествили уже под этой фамилией, то из газет, в которых М. здесь его очернил, слишком хорошо знают об его трудах. Далее, вы в высшей степени выражаетесь осторожно, так что это не может повредить. Впрочем, помните, что для каждого честного человека гораздо важнее честь перед целым светом, нежели увеличение наказания. Здесь же дело дошло до того, что на очень известных революционеров смотрят косо за то, что они имели сношения «с этим шпионом». 2) Кроме того в протесте вашем помещено немного неудобное мнение «о верности», которой «не знаете». В сопоставлении с тем, что вы трудились с ним долго и что знаете его, это крайне удивительно и немало вредит значению протеста. Мендельсону будет достаточно в его оправдание. Лучше будет об этом пункте совсем не упоминать, и будете защищать только со стороны политической чести, которую отстоять можете.

Если же находите это необходимым, чего не думаем, то, по крайней мере, обязательно упомяните о других обвинениях, о честности денежной или в частной жизни, или какой пожелаете; так как это место гласит, чем эта «честность» отличается от политической, то имеет вид, будто вы прямо противоречите тому, что сказано выше. Отпечатав, вы должны сами разослать в разные места, адреса которых мы вам высылаем, прямо из края, иначе М. скажет, что это плохо сфабриковано за границей, и не будет никакого результата. Добавьте в конце просьбу ко всем газетам, если они считают себя друзьями правды, перепечатать этот протест. Если возможно, добавьте возле печати «С.-Д.» печать «Пролетариата» в случае, если она где-нибудь сохранилась; это придало бы протесту большее значение. Наконец, недурно было бы подчеркнуть подложность обвинительного документа (можно крупным шрифтом).

Шлем вам сердечные пожелания, пожимаем вам руки.

Редактор «Дела Рабочих».

* * *

Протест.

«Мы вынуждены приступить к защите нашего мужественного товарища. В начальных номерах изданий этого года, а за ними и в других рабочих газетах, появилось обвинение и одновременно с этим решение, объявляющее М. Каспржака шпионом.

[1]) Дело Каспржака сводится к тому, что у него вышел конфликт с Мендельсоном и другими. Эта компания обвиняла К. в провокации до самой казни Каспржака в 1905 г. Только тогда обвинение было снято.

Обвинение шло со стороны интеллигенции, стоящей якобы при Мендельсоне и знающей его принципы. До нас дошли слухи, что обвинение последовало со стороны «Пролетариата», — это значит со стороны рабочих, стоявших близко к нему. Это именно обвинение хотим объяснить. За границей появился отзыв от имени «Пролетариата», высланный будто бы из края и обвиняющий Каспржака в шпионстве. О т з ы в э т о т б ы л п о д л о ж н ы й. Это значит, что он был написан и распространен обвиняющими его господами от имени нашего, т.-е. нас, которые при первом таком известии сразу опровергли такое обвинение в нашем крае и не обратили на него никакого внимания. Но после такого трагического конца мы должны откликнуться, чтобы отнестись к вам, обвиняющим нашего товарища, с презрением. Каспржак не был шпионом и нигде шпионом считаться не может, честности его не знаем, а следовательно, по этой причине и снять обвинение (относительно честности) не можем. В настоящее время с ним не обходятся, как со шпионом, так как он нуждается в пище и одежде. Мы знаем его ближе и, как ведущие с ним пропаганду, снимаем с него обвинение, на нем лежащее, и выдаем ему честь перед людьми, находящимися за границей. Позор для тех людей, которые причинили несчастие нашего мужественного товарища.

Рабочие бывшего «Пролетариата», а ныне принадлежащие к Польской социал-демократии».

Август. 1893.

2.

«Дорогой Стах. К официальному письму прибавляю еще несколько слов. Прежде всего pro publico bono [1]) корреспонденции, корреспонденции, корреспонденции. Адреса, которые я дал, надежны; кажется, что отправленные три письма дошли. Написано ли еще? Теперь нужно обдумать способ для отправки вам писем. Высылать могут из края корреспонденцию во всякое время. Нужна для этого какая-нибудь незаподозренная фирма; затем нужно непременно упорядочить провоз; с франтом, который передаст тебе это письмо, можешь говорить об этом смело. Провоз через границу я беру на себя — имею до сих пор два способа — третий готовится. Один лодзянин обещал получать и привозить в Лодзь, откуда уже вы должны получать. Это будет сопряжено с некоторыми расходами, нести которые должны будете вы. Что касается нас, то мы здесь несем громадные расходы. Теперь, милый, нужно помнить о будущности, может быть, недалекой, когда тебя засадят, чтобы сношения принял на себя человек верный. Условились ли вы с Лодзью? Можешь для этого воспользоваться учителем?]. Что же касается присылки печатных объявлений, то я полагаю, что удастся разве при посредстве того же вручителя (который вышлет из Германии), иначе наверно не дойдут.

Теперь, дорогой мой, по моему личному делу. С поручением не мог уже поступить иначе, как, наверно, тебе уже передали. Вследствие этого я отпечатал объявление, совершенно согласно с истиной, и дело лишь в том, что если к этому придрались бы здесь, то чтобы вы поддержали меня.

Позволяю себе дать еще один совет. Не злоупотребляйте вашей типографией. Ты знаешь, что попасться легко, а попасться с типографией гораздо хуже, нежели с транспортом. Теперь поздравляю тебя с той энергией, с которой вы провели все дело. Дай только бог, чтобы оно удалось. Я очень опасаюсь, что когда вас задержат, то новые не справятся. Любопытно мне также узнать, что там говорят интеллигенты. Если будешь иметь возможность, то напиши. Вероятно, на меня там собак вешают. Ну, будь здоров и пиши. J » [2]).

Что же позволяют установить эти официальные документы о деятельности т. Мархлевского за первые восемь лет его сознательной революционной жизни? Он был актив-

[1]) В общих интересах.

[2]) Подпись под этим документом — польское «J» — не оставляет сомнений в том что это письмо написано т. Мархлевским.

ным участником работы «Пролетариата». Само собой разумеется, он тогда не мог играть руководящей роли, так как был для этого еще слишком молод. Он еще учился у старших товарищей. Надо признать, что вырос он чрезвычайно быстро, так как в начале 90-х годов в деле «Касс сопротивления» и «Союза польских рабочих» он играет одну из руководящих ролей.

В 1893 г. он является уже не рядовым работником революционного движения, а одним из организаторов и создателей польской социал-демократии, которой было суждено сыграть в истории революционного движения Польши крупную роль.

Он стоял у колыбели как революционного движения в Польше вообще, так и при зарождении этой партии, которая являлась революционной партией польского пролетариата и которая правильно наметила пути дальнейшего развития революционных событий в Польше.

Все эти обстоятельства предопределили дальнейшее развитие событий, а затем и личную жизнь т. Мархлевского, который все свои силы отдал служению революционному пролетариату.

Из записной книжки архивиста.

Французская военная миссия и казачьи отряды особого назначения.

Публикуемые ниже документы небезынтересны для характеристики методов действия французских интервентов в Сибири осенью 1918 г. В дни так называемого «Государственного уфимского совещания», вручившего «всю полноту власти на пространстве государства Российского Временному Всероссийскому Правительству,—единственному носителю верховной власти», тут же в Уфе начальник французской военной миссии полковник Бord именем «правительства Французской республики» дает поручение двум есаулам казачьего войска на территории «Всероссийского Правительства»: «формировать отряды особого назначения» «под общим руководством и ответственностью главного уполномоченного Французской республики по военным делам в России». Есаулы — наемники французской миссии — объявляются ответственными за все свои действия «перед Французской республикой», которая взяла на себя «задачу защиты и воссоединения Великой России». Военная миссия, минуя «Всероссийское Правительство», сносится непосредственно с атаманом Забайкальского казачьего войска, предписывая ему издать распоряжение о довольствии формируемых для французов казачьих частей, бесплатной их перевозке и т. д.

Характерно, что осведомленный о действиях французов начальник штаба Сибирской армии генерал Белов не осмелился, хотя бы через министра ин. дел «Всероссийского Правительства», обратиться к военной миссии по этому вопросу. Получив от атамана Зимина извещение о действиях французской миссии с указанием, что им, Зиминым, разрешение на формирование отрядов дано, Белов ограничился в телеграмме на имя войскового атамана лишь указанием на недопустимость с его стороны «самостоятельных соглашений политического характера с иностранными представителями». Генерал Белов умышленно закрывал глаза на то, что фактически речь шла не о «соглашениях» между французской миссией и атаманом Забайкальского казачьего войска, а, по существу, о распоряжениях по казачьему войску действительных хозяев положения — французов, с одной стороны, и беспрекословном подчинении этим распоряжениям атамана — с другой.

Двусмысленный и в общем довольно робкий тон телеграммы генерала Белова, конечно, не мог способствовать поднятию престижа «Всероссийского Правительства». В ответе атамана генералу Белову звучит явное пренебрежение к немощному правительству и руководителям его армии: «О Всероссийском Правительстве узнали только сегодня из агентских телеграмм»,— говорится в телеграмме. Вместо ответа на затронутые генералом Беловым вопросы о «единстве воли, строгой дисциплине, незыблемой военной иерархии», о недопустимости «импровизаций», о подчинении всех формируемых частей «Всероссийскому Правительству» и т. д. — Зимин отделывается формальной отпиской: «Формирование производится согласно указания командира пятого корпуса... Импровизаций

никаких не было» и т. д. Зимин прекрасно сознавал, что реальная сила не в распоряжении военных властей «директории».

Документы извлечены из дела юрисконсульта Сибирского хозяйственного комитета № 31 «О формировании Французской республикой отряда добровольцев из Забайкальского казачьего войска», которое хранится в Архиве Октябрьской Революции в Москве.

1.

Правительство Французской республики [1]) сим поручает есаулу Петру Петровичу Левицкому и есаулу Борису Петровичу Резухину, пользующимся его полным и неограниченным доверием, формировать отряды особого назначения для военных действий под общим руководством и ответственностью главного уполномоченного Французской республики по военным делам в России, — для защиты России от большевиков и немцев.

Названные выше есаулы ответственны за все свои действия перед Французской республикой, взявшей на себя задачу защиты и воссоединения Великой России.

Посему Французская республика просит всех, стоящих во главе Забайкальского казачьего войска, всяческим способом оказывать полное содействие во всех делах и начинаниях есаулов Левицкого и Резухина для возможно скорейшего выполнения возложенной на них крайне важной и высокой миссии.

Считая, что Забайкальское казачество горячо откликнется на призыв дружественной Франции и ее союзников, мы вполне уверены, что войсковое правительство со своей стороны всячески поможет великому делу освобождения России, а в частности озаботится, чтобы казаки явились в названные отряды с шашками, лошадьми и конским снаряжением. Что же касается денежного вознаграждения, т.-е. жалованья, Французская республика гарантирует уплату его есаулами Левицким и Резухиным в размерах, о которых они заявят казакам, вступившим в их отряды, а именно: вахмистр — 150 руб., старший урядник — 125 руб., младший урядник — 100 руб. и казак — 75 руб. ежемесячно.

За начальника французской военной миссии *Борд*.

Действительность подписи начальника французской военной миссии капитана Борд удостоверяю своей подписью и приложением печати.

Комендант станции [подпись].

Уфа. 7 сентября 1918 г.

2.

Войсковому атаману Забайкальского казачьего войска [1]).

Французская военная миссия имеет честь просить вас отдать распоряжение относительно довольствия во время пути следования из станиц до города Читы казаков и их лошадей — строевых, направляющихся в формируемые добровольческие отряды, на тех же основаниях, как и казаков, призываемых вами в данное время в строевые полки. Точно так же не откажите и в распоряжении и о перевозке их на тех же основаниях — где потребуется — по железной дороге.

Особоуполномоченный французской военной миссии майор

Richard B. Erving.

3.

Особоуполномоченному французской военной миссии [2]).

Казаки, выкомандировываясь на службу, получают путевое довольствие

[1]) Написано на бланке со штампом: «Французская республика. Военная миссия в России. № 107. 7 сент. 1918 г.».

[1]) Написано на бланке со штампом: «Французская военная миссия. Сентября 25 дня 1918 г. № 122».

[2]) Документ написан на бланке со штампом: «Войсковой атаман Забайкальского казачьего войска. 29 сентября 1918 года. № 802. На № 122».

из станиц. Этот порядок мог бы быть и оставлен, но нельзя поручиться, что в станицах в настоящее время найдутся достаточные суммы денег, почему я, к сожалению, не могу отдать категорического приказа об оставлении этого порядка и в отношении казаков-добровольцев. Полагаю, что если бы вы распорядились выдавать путевое довольствие тем лицам, с которыми казаки-добровольцы договорятся о поступлении на службу, то это было бы наилучшим разрешением этого вопроса. Что касается перевозок по железным дорогам, то перевозки производятся по распоряжению комендантов и начальников станций по заранее объявленному расписанию о месте погрузки. Расписания даются комендантам, заведывающим передвижением войск округа, вследствие чего я не могу быть вам полезен в этом деле.

Войсковой атаман полковник *Зимин*.

Начальник штаба войсковой старшина [подпись].

4.

Атаману Забайкальского казачьего войска [1]).

Наслышавшись о доблестном, геройском прошлом г. полковника Якова Георгиевича Лапшакова, о его всестороннем опыте в военном деле, равно как и во всех областях, с ним прикасающихся, о его неподкупности, честности и горячей любви к отечеству, я имел честь предложить полковнику Лапшакову принять на себя обязанности советника при миссии, которую я представляю при войсковом правительстве казачьего войска Забайкалья.

Искренно надеюсь, что г. атаман одобрит мой выбор и будет рад за своего сослуживца, слава которого далеко вышла за пределы Забайкалья.

Особоуполномоченный французской военной миссии

Maior Richard B. Erving [2]).

[1]) Документ написан на бланке со штампом: «Французская военная миссия. Сентября 25 дня 1918 г. № 128».

[2]) На документе приписка: «На № 128. Особоуполномоченному франц. военной миссии. В случае согласия полковника Лапшакова на ваше предложение принять обязанности советника при французской миссии я препятствий с своей стороны не имею».

5.

Омск. Военному министру.

Начальник французской миссии майор Эрвинг обратился ко мне с просьбой [1]) от правительства Французской республики поручить есаулам Левицкому и Резухину, пользующимся полным и неограниченным доверием правительства Французской республики, формировать из добровольцев Забайкальского войска отряды особого назначения для военных действий под общим руководством и ответственностью главного уполномоченного Французской республики по военным делам в России для защиты от большевиков и немцев.

Разрешение мною дано. № 646.

Войсковой атаман *Зимин*.

6.

Телеграмма.

Чита. Войсковому атаману Забайк. казачьего войска полковнику Зимину.

Подана 29. 22 ч. 30 м.
Принята 30/IX 1918 г. Вход. № 779.

Все сношения с иностранными представителями должны вестись через Всероссийское Правительство, почему всякие ваши самостоятельные соглашения политического характера недопустимы. Все сформирования казачьих частей Забайкальского войска должны производиться по указаниям командира пятого Приамурского полковника Семенова, и готовые строевые части должны войти в состав этого корпуса. Всякие импровизации недопустимы. Формирования должны вестись строго согласно существующих положений и штатов. Для восстановления нашей армии необходимы единство воли, строгая дисциплина и незы-

[1]) Зачеркнуто: «разрешить».

блемая военная иерархия. Все формирования частей производятся войсковым начальством, а сформированные части поступают в распоряжение Всероссийского Правительства через командиров корпусов. В данное время семь казачьих войск (Оренбургское, Уральское, Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Енисейское, Амурское) на конференциях в Челябинске и Уфе объединились в казачий союз. Для выяснения условий формирования и службы забайкальского казачьего войска и других казачьих вопросов командируйте в штаб Сибирской армии офицера для связи. № 0149/оп.

Начштарм *Белов*.

7 [1]).

Всероссийском Правительстве узнали только сегодня агентских телеграмм.

Никаких политических соглашений иностранными [2]) представителями не было. Формирования казачьих частей производятся согласно указания командира пятого корпуса. Импровизаций никаких не было [3]). Забайкальское войско своего представителя [4]) ни на какие конференции не посылало. Союз пока не вступало. Офицеры связи командируются.

Войсковой атаман *Зимин*.

3/X 1918 г.

К характеристике Якова Стефановича.

Вызванная известными публикациями Н. С. Тютчева и Ф. Покровского [1]) полемика вокруг имени Якова Стефановича, которая породила уже большую литературу и в которой приняли участие, с одной стороны, В. И. Засулич и Л. Г. Дейч, а, с другой, ряд виднейших народовольцев и исследователей, не потеряла еще, несмотря на десятилетнюю давность, своей остроты.

Публикуемые два новые документа — доклад министра внутренних дел графа Игнатьева Александру III от 30 марта 1882 г. и письмо Стефановича к В. К. Плеве от 8 июля 1883 г., написанное им в петербургском доме предварительного заключения перед отправкой на Кару,— дают несколько новых штрихов, попрежнему характеризующих Стефановича с неблагоприятной для него стороны.

Первый документ еще раз подтверждает предательскую роль Стефановича в 1882 г. Если выдвинутая против него в ходе полемики версия о его непосредственной виновности в аресте 13 марта 1882 г. народовольца Юрия Богдановича не нашла себе прямого подтверждения, то доклад Игнатьева доказывает, что, во всяком случае, в то время, в момент разгрома московского народовольческого центра в феврале и марте 1882 г., Стефанович уже шел по пути предательства. Арестованный 6 февраля 1882 г., Стефанович через полтора месяца, в 20-х числах марта, дает департаменту полиции ключ к установлению личности нелегального Степанова, участвовавшего в покушении на ген. Стрельникова. Через Стефановича департамент полиции получает авторитетное подтверждение, что в лице Степанова казнен давно разыскивавшийся Степан Халтурин.

Второй документ подчеркивает близкую связь Стефановича с Плеве и подводит некоторые итоги его моральному падению. Стефанович благодарит Плеве за «облегчение» своей участи и сожалеет, что не может «более существенным образом» выразить свою благодарность. Перед отправкой на Кару Стефанович просит своего милостивого шефа о некоторых льготах, купить ко-

[1]) «Былое», 1918 г., кн. X—XI, и 1921 г., кн. XVI.

[1]) Воспроизводится с отпуска.

[2]) Зачеркнуто: «правительствами».

[3]) Зачеркнуто: «никто».

[4]) Зачеркнуто: «Войсковое правление представлять войско (какие конференции) Челябинске, Уфе уполномочено не было».

торые тогда можно было только ценою особого покровительственного расположения Плеве к личности просителя. Удовлетворил ли Плеве просьбы Стефановича — нам неизвестно.

Доклад Игнатьева извлечен нами из особой тетради всеподданнейших записок за 1882 г.; письмо Стефановича — из дела департамента полиции, делопроизводства секретаря, № 40 за 1882 г. (Архив Рев. и Внешней Политики.)

Р. Кантор.

1.

При дальнейших розысках по делу об убийстве генерал-майора Стрельникова удалось установить личность казненных 22 сего марта преступников, причем они оказались: именовавшийся Косогорским — сыном коллежского секретаря Николаем Желваковым, бывшим студентом С.-Петербургского университета, исключенным за участие в студенческих беспорядках на торжественном акте в университете в феврале 1881 г.; называвшийся же Степановым — известным государственным преступником Степаном Халтуриным [1]), разыскиваемым по обвинению в производстве взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. Тождество Степанова с Халтуриным удостоверяется показанием одного из арестованных в Одессе, заявлением арестанта Стефановича, который встречался в последнее время с Халтуриным в Москве, а также и сличением карточек Степанова и Халтурина, при сем прилагаемых.

Об изложенном долгом считаю всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству.

Генерал-адъютант граф *Игнатьев.*

30 марта 1882 г.

2.

Милостивый государь.

Извините меня, что решаюсь писать вам. Мне хотелось поблагодарить вас за облегчение моей участи, ибо я, конечно, не ошибаюсь, приписывая это обстоятельство вашему участию. Сожалею очень, что не могу выразить своей благодарности более существенным образом.

Перед отправкой в Сибирь позвольте обратиться к вам с последней просьбой: в департаменте остались мои книги, письма и карточки; будьте так добры, прикажите доставить их мне в дом предварительного заключения с разрешением все это взять с собой на Кару, хотя бы вес этих вещей (вместе с кое-какой одеждой) и превысил 60 фунтов. Здесь заявляют, что лишь с вашего дозволения может быть допущено иметь при себе тяжесть выше этой нормы.

Остаюсь признательный вам

Яков Стефанович.

1883 г. июля 8.

P. S. Мне очень совестно, что я, кажется, слишком вас беспокою, но мне трудно сдержать себя, чтобы не попросить вас не забыть прислать мне последнее заграничное письмо, которое должно получиться со дня на день. Извините, пожалуйста.

К биографии Д. И. Писарева.

Печатаемые ниже материалы распадаются на две группы. Первая состоит из писем Д. И. Писарева к его другу и издателю собрания его сочинений — Павленкову. Вторая — относится к судебному процессу, возбужденному в 1868 г. в связи с похоронами Писарева.

Из публикуемых нами четырех писем Писарева к Павленкову, относящихся к 1867/68 гг., наибольший интерес представляет третье письмо (от 20 апреля 1868 г.), которое знакомит нас с отношением Д. И. Писарева к литературному процессу, возбужденному против Павленкова в связи с изданием

[1]) В подлиннике слова «Степаном Халтуриным» подчеркнуты Александром III и на полях им собственноручно написано: «Не дурно, что избавились от него». (*Прим. подлинника.*)

им второй части собрания сочинений Писарева.

Напомним вкратце обстоятельства этого процесса.

В июне 1866 г. в Петербургский цензурный комитет поступила изданная Ф. Ф. Павленковым и отпечатанная без цензуры вторая часть собрания сочинений Д. И. Писарева. Рассмотрев эту книгу и найдя в помещенных в ней статьях признаки преступлений, предусмотренных статьями 1001 и 1035 улож. о нак., Цензурный комитет постановил наложить на книгу арест и возбудить вопрос о привлечении ее издателя к судебной ответственности за нарушение им постановлений о печати. 15 июня 1868 г. дело Павленкова рассматривалось в заседании Петербургской судебной палаты. Павленкову инкриминировалось помещение в изданной им книге двух статей Писарева: «Русский Дон-Кихот» и «Бедная русская мысль» *).

По отношению к первой из этих статей прокурорский надзор, вслед за Цензурным комитетом, пришел к заключению, что статья эта, «под формой литературной критики заключая в себе осмеяние нравственно-религиозных верований и отрицание необходимости религиозных основ в просвещении и нравственности, составляет закононарушение, предусмотренное в ст. 1001 улож. о наказ.». А по отношению ко второй, что «статья «Бедная русская мысль», заключая в себе иносказательное порицание существующей у нас формы правления, делая вообще враждебное сопоставление монархической власти с народом и стараясь представить первую началом бесполезным и даже вредным в народной жизни, составляет, как по прямому своему смыслу, так и по вытекающим из нее категорическим заключениям, закононарушение, предусмотренное в ст. 1035 того же уложения».

Петербургская судебная палата не согласилась с доводами и соображениями прокурора и оправдала Павленкова, постановив одновременно с этим снять арест, наложенный Петербургским цензурным комитетом на изданную им книгу. По протесту прокурора дело перешло на рассмотрение уголовного кассационного департамента Сената, который, ознакомившись с делом, в заседании 14 марта 1869 г. постановил Павленкова от наказания освободить, а перепечатанную им статью «Бедная русская мысль» уничтожить *). Таким образом эта статья была изъята из II тома собрания сочинений Писарева и только после революции 1905 г. она вновь увидела свет, когда Павленков перепечатал ее в «дополнительном выпуске» к собранию сочинений Писарева.

Письмо Писарева к Павленкову от 20 апреля 1868 г. ценно тем, что знакомит нас с его отношением к возбужденному против Павленкова процессу. «Читая обвинительный акт, я убедился в том, что в нем нет клеветы и что Цензурный комитет и прокурор увидели в моих статьях только то, что я хотел в них выразить».

В дополнение к этому письму Писарева мы публикуем: 1) ответное письмо к нему Павленкова, 2) выдержку из письма Павленкова к сестре Д. И. Писарева Вере Ивановне, касающуюся того же вопроса, и 3) показание, данное Ф. Ф. Павленковым 24 сентября 1868 г. высочайше учрежденной следственной комиссии под председательством Ланского. Комиссию эту заинтересовала одна фраза, употребленная Павленковым в его письме к Писареву: «Куда же делась ваша излюбленная теория иезуитизма?» — и она запросила Павленкова о смысле этой фразы. Ответ Павленкова представляет большой интерес для биографов Писарева, так как дает несколько весьма ярких черт для обрисовки его умственного и нравственного образа и содержит в себе

*) Нельзя не отметить, что обе эти статьи были впервые напечатаны в 1862 г. в журнале «Русское Слово» с разрешения предварительной цензуры.

*) С литературным процессом Павленкова подробнее можно ознакомиться по отчету, напечатанному в «дополнительном выпуске» к сочинениям Писарева, а также по «Материалам для пересмотра действующих положений о цензуре и о печати», ч. III, отд. I, СПБ, 1870 г.

упоминание о некоторых фактах, остающихся до сих пор неизвестными его биографам.

Письма Писарева и Павленкова были отобраны при обыске, произведенном у последнего в сентябре 1868 г., и находятся в приложении к производству следственной комиссии 1868 г. № 426 по делу Павленкова, Гирса и др. (Архив Рев. и Внешней Политики.) Показание Павленкова заимствовано нами из этого же производства (л. л. 72—73).

Из этого же производства следственной комиссии заимствованы нами документы, составляющие вторую из указанных выше групп.

Вскоре после похорон Д. И. Писарева правительству стало известно, что Павленков организовал сбор денег на постановку памятника на его могиле и на учреждение стипендии его имени при Петербургском университете. Для этой цели Павленков отлитографировал в значительном количестве без разрешения правительства специальные обращения, которые начал широко рассылать по провинции. 3 сентября 1868 г. у Павленкова был произведен обыск, а сам он арестован. При обыске были найдены, между прочим, литографированные воззвания о сборе денег на увековечение памяти Писарева. Воззвания эти были двух образцов: 1) к преподавателям истории литературы в гимназиях и 2) к библиотекарям полковых библиотек. Ввиду того, что содержание их в значительной мере совпадает, мы воспроизводим первый из этих образцов.

При обыске, произведенном у Павленкова, был также обнаружен рукописный текст речи, произнесенной на могиле Писарева при его погребении известным беллетристом Д. К. Гирсом. Ввиду обнаруженного в этой речи отрицания «бессмертия души» и догматов православного вероисповедания, Гирс был привлечен к ответственности. В результате рассмотрения дела Павленкова и Гирса первый из них по высочайшему повелению был отправлен в ссылку в Вятскую губернию, а второй — в Вологду.

И обращение Павленкова и речь Гирса знакомят нас с отношением к Писареву его современников из радикального лагеря.

Б. Козьмин.

Письма Д. И. Писарева к Ф. Ф. Павленкову.

1.

Я решительно ничего не мог поправить в тех местах, которые вы отметили красным карандашом. Во-первых, обе фразы: на стр. 28 и на стр. 45, принадлежат не мне, а Чернышевскому. Во-вторых, я не вижу в них ничего нескладного. Мне сегодня некогда было ехать в типографию и потому я доставляю листы в магазин, как это было условлено. Если вы увидите мою сестру, пожалуйста передайте ей прилагаемую записку.

Д. Писарев.

25 ноября 1867 г.

2.

От души поздравляю вас, Флорентий Федорович, и радуюсь вместе с вами.

Д. Писарев.

22 декабря 1867 г.

3.

Милостивый государь
Флорентий Федорович.

Я не могу исполнить вашу просьбу, не могу дать вам никаких соображений и доводов для борьбы с прокурором. Читая обвинительный акт, я убедился в том, что в нем нет клеветы и что Цензурный комитет и прокурор действительно увидели в моих статьях только то, что я хотел в них выразить. Признаваться в этом публично, конечно, нет надобности; но читать и перечитывать свои старые статьи с тем, чтобы как-нибудь поискуснее извратить их основную мысль,— это труд, настолько утомительный и неблагоразумный, что я не решаюсь за него взяться. Я не адвокат, мой ум совершенно не приноровлен к той работе, которая тут требуется, и поэтому я совершенно уверен, что, убив на чтение и перечи-

тывание двух старых статей несколько дней, оторвавшись на это время от тех работ, которые теперь имеют для меня живой интерес, я не принесу вам никакой существенной пользы, т.-е. не дам вам в руки ни одного нового и убедительного аргумента. Поэтому я отказываюсь тратить время на бесплодные письменные упражнения.

Я уверен, во-первых, в том, что вы достаточно ясно понимаете смысл тех статей, которые вам придется защищать, во-вторых, в том, что вы не сделаете никаких неуместных уступок. Я уверен, что судьба этих двух статей интересует вас гораздо сильнее, чем меня. Поэтому я полагаю, что всего лучше будет предоставить вам в деле защиты самое безграничное полномочие. Защищайте, как хотите, а я заранее все одобряю.

Готовый к услугам вашим
Д. Писарев.

20 апреля 1868 г.

4.

Милостивый государь
Флорентий Федорович.

Я на-днях уезжаю из Петербурга на все лето [1]). Поэтому я прошу вас, по мере наступления сроков, доставлять мои деньги Николаю Алексеевичу Некрасову, на углу Литейной и Бассейной в доме Краевского. Застать его дома можно по понедельникам, от 1—3 пополудни.

Готовый к услугам вашим
Д. Писарев.

5 июня 1868 г.

Письмо Ф. Ф. Павленкова к Д. И. Писареву.

Москва.
26 апреля 1868 г.

Мне переслали ваше письмо в Москву. Признаться, оно меня крайне удивило. Читая его, можно подумать, что к вам обратились по делу, совершенно для вас новому. О результате вашего ответа я ничего не говорю. Прочитавши его, я даже пришел к тому мнению, что вы сделали лучшее из того, что могли. При том нравственном состоянии, в котором вы теперь находитесь и которое сказывается в каждой строке вашего письма, ваша помощь, пожалуй, скорее могла бы принести вред, чем какую-либо пользу. Но вспомните, Дмитрий Иванович, как вы относились к предстоящему процессу в крепостной, долопатинский период [2]). Вы буквально настаивали тогда на о б щ е м обсуждении плана и ведения судебной защиты Это-то и побудило меня отнестись к вам письмом, по получении обвинительного акта. Я бы никогда не сделал этого при теперешних обстоятельствах, если бы не сознавал, что на мне лежит в некотором роде нравственная обязанность исполнить ваше настойчивое и в высшей степени законное желание. Теперь я вижу, что причинил вам одно лишь беспокойство. Но мне казалось, что, если бы я поступил иначе, то это было бы с моей стороны не совсем хорошо. С другой стороны, согласитесь, что я не могу никаким образом знать, что вы переменили мнение о своем уме. Кажется, вы иначе относились к нему, читая, по выходе из крепости, обвинительную бумагу Цензурного комитета. Куда же делась ваша излюбленная теория иезуитизма?.. Но я забываю, что то был долопатинский период.

Готовый к услугам
Ф. Павленков.

Из письма Ф. Ф. Павленкова к В. И. Писаревой от 26 апреля 1868 г.

От Писарева я такого пассажа не ожидал. Посылаю ему ответ. Я нарочно посылаю его через вас. Писавши его, я торопился. Может быть, чего-нибудь не досказано. Я вам предоставляю право остановить его, если найдете почему-либо нужным. Об одном пункте я умолчал намеренно, а именно — о том, что Писарев забывает каким образом я сделался ответчиком по е г о делу. Но напоминать об этом я счел недостойным. Я считаю и всегда считал это дело настолько же своим, насколько и его. Он сам должен понять свою неловкость. Не знаю, однако, поймет ли? Теперь он что-то не очень стал понятлив. Новая крепость, — дом Лопатина, — кроме слог[и], ничего в нем не оставила...

Показание Ф. Ф. Павленкова 24 сентября 1868 г.

На обиходном разговорном языке есть много слов, понимаемых или слишком превратно или крайне односторонне. К числу таких следует отнести эгоизм, иезуитизм и др. Большинство считает эгоизм только одним узким себялюбием, тогда как это лишь темная сторона, одна только его сторона. Все уголовные теории Бентама построены на принципе эгоизма; но разве тот эгоизм, который составляет краеугольный камень его философского мировоззрения, разве этот эгоизм есть узкое себялюбие улиткой своей раковины? Совсем нет!! Это — тот эгоизм, который может заставить нас бросаться в реку спасать утопающего; это — тот эгоизм, который заставил Конрада Валленрода пожертвовать своей жизнью; одним словом, это — чувство, сродное всем благородным возвышенным душам. Таким (может быть, по мысли комиссии, неуместным) отступлением я лишь желал показать, как различно понимаются иногда различными лицами одни и те же слова и выражения. Эгоизм на языке Ивана и автора «Мыслящего пролетариата» (Д. И. Писарева) — два противоположные полюса. Что́ я сказал об эгоизме, то должен повторить и относительно иезуитизма. В понимании его еще более сбивчивости и односторонности, чем в понимании эгоизма. Многие просто считают это слово синонимом подлости, предательства, лицемерия и обмана. Но такое понимание может только свидетельствовать о близорукости лица, высказывающего его. Иезуиты когда-то владели всем образованным миром. Тогда в Европе не происходило, можно сказать, ни одного события, в котором они — тайно или явно — не принимали бы самого деятельного участия. Владычество их над умами было баснословное. Но можно ли себе представить, можно ли хотя на одну минуту допустить, чтоб орудием подлости и лицемерства, обмана и предательства можно было бы покорять народы? Никогда! Против этого возмущается вся их общественная совесть. Мир всегда был в своей массе слишком честен, чтоб его можно было обворожить такими презренными качествами, как лицемерие. Но в каких же качествах иезуитизма следует искать объяснение их обаяния, силы и могущества? Без сомнения, в тех, которые возведены ими в теорию, без которых даже нельзя себе представить иезуита. Эти качества следующие. Иезуит считал необходимым для себя прочное образование, он работал над своим характером, закалял свою волю, он любил до безумия свою идею, боготворил ее, убеждения свои он отстаивал твердо, не отказывался от них никогда, он работал день и ночь, больной и здоровый, на свободе и в неволе, среди шума многолюдных городов и в тишине монастырской кельи, он никогда не был праздным и считал праздность матерью пороков и заблуждений и потому подчинял свое сердце контролю разума и не останавливался на препятствиях: если одно средство ему не удавалось, он обращался к другому, к третьему, и к двадцатому... одним словом, он был рабом идеи и только тогда погиб, когда из раба превратился в фанатика. Пока они держались доктрины — «цель оправдывает средства» *), до тех пор дело шло успешно, но когда они сказали, что «цель оправдывает все средства», — тогда они погибли. Но господство этой последней доктрины было только концом их господства, а не всей их историей, тогда

*) Эта первая доктрина разделяется всеми. Граница, до которой она может быть принята, указывается [каждому] его честностью и благоразумием. Приведу примеры: у постели умирающего доктор говорит о возможности выздоровления. Он обманывает больного. На поле сражения раненый, разбрасывающий свои мозги и которому осталось мучиться не более пяти минут, просит приколоть его и тем прекратить его невыносимые страдания. Прикалывающий убивает своего товарища. Мой знакомый, вследствие болезненного припадка, собирается отравиться. Я уношу от него яд: я в этом случае вор. Но мне кажется, что такие обманщики, убийцы и воры не были бы отвергнуты спасителем. (*Прим. в подл.*)

как многие этот последний момент принимали за в с е выражение иезуитизма. Печальное заблуждение.

Писарев всегда отличался качествами, поставившими иезуитов на высокий пьедестал мирового значения: он был умен, имел характер, любил до безумия свои идеи, не отказывался от своих убеждений, он работал постоянно и неутомимо, он везде и всегда помнил и думал о своих нравственных обязанностях к обществу, — вот в каком смысле я заговорил с ним о теории иезуитизма, т.-е. о качествах, возведенных иезуитами в теорию. Я не без намерения сказал в а ш а (т.-е. его) теория; всякий понимает вещи по-своему, и он в отношении к иезуитизму восхищался не их последними гадостями, а теми их первоначальными качествами, которые, строго говоря, необходимы для всякого общественного деятеля, рассчитывающего на какое-нибудь прочное влияние.

Иезуитом в том сысле, в каком понимает это слово делопроизводитель г. Городков [3]) (как это он заявил 20 сентября *), Писарев никогда не был и не мог быть. В семье Писарева обыкновенно называли с т е к л я н н о й к о р о б о ч к о й, через которую всякий может его видеть в какое угодно время. Смею спросить, насколько идет такое прозванье к иезуиту в том смысле, в каком его понимает г. Городков? Можно ли было обращаться к «стеклянной коробочке» с теорией иезуитизма в обыкновенном, ходячем, одностороннем смысле этого слова? Это было бы не только смешно. Это было бы просто бессмысленно. И между тем я написал. Значит я очень хорошо знал, что он поймет меня, что на нашем языке слово и е з у и т и з м значит не то, что́ на языке толпы, массы. Можно ли было мне не удивиться, когда я получил письменный документ его отступничества от своих идей? Это было, без сомнения, невозможно. Письмо мое есть лишь одна буква моего удивления и упреков. Самое же удивление было мною выражено Писареву н а с л о в а х, когда я вернулся из Москвы. Я попросил у него объяснения. Я просил его дать мне возможность понять то превращение, которое в нем совершилось за последнее время. В самом деле, в крепости и по выходе из нее он называл мнение Цензурного комитета (которое целиком перешло в обвинительный акт прокурора) к л е в е т о ю, а теперь вдруг говорит, что он хотел сказать именно то, в чем его обвиняет Цензурный комитет. Своими ответами Писарев меня не удивил. Он признался мне, что в последнее время он чувствует в каждом своем шаге, в каждой строке своих статей падение и увядание, он снова повторил мне о той тяжести и неизбежности влияния любимой им женщины [4]), которое всех вооружило против него. Он раскаивался в том, что оставил общество и замкнулся в тесном кругу одной женщины; невозможность быть с ним знакомым при таких печальных обстоятельствах он принимал за холодность, равнодушие и даже начинающееся пренебрежение. Далее он мне сознался, что считал меня за человека, смотрящего на него сверху вниз, и что желание отделаться от меня заставило его прибегнуть к такому, как он выразился: «salto mortale». Он объяснил мне, что не ожидал, чтобы я после такого ответа пришел к нему за объяснениями, что по его расчетам, должен был махнуть на него рукой, между тем как теперь мы расстаемся с ним друзьями. В числе причин, заставивших его ответить мне так неизъяснимо странно, он приводил еще одну — совет какого-то туза-литератора — не вмешиваться в это дело и разом к а к и м - н и б у д ь к р у п н ы м о б о р о т о м покончить с ним Тогда-то он под действием двойных побуждений — личных и посторонних — решился на свое «salto mortale».

Писарев последнее время был болен психически, и на него находили частые затмения. Он лечился, но лечение мало шло впрок. Доктор Полотебнов предсказал ему близкую смерть. Он говорил, что теперь для этого умственного организма должен начаться ряд пертурбаций. Так и вышло.

*) Примечание рукою, очевидно, Городкова: «Чистая ложь!».

Куда же девался тот грязный и недостойный иезуитизм, о котором меня спрашивают в конце этого пункта? Я защищался перед судом так, как защищался бы сам Писарев после его свидания со мной. Все недоразумение здесь произошло от того, что конфисковать бумаги и письма возможно, но конфисковать разговоры еще не изобретено средств, и я в настоящем случае могу только об этом жалеть.

Ф. Павленков.

24 сентября 1868 г.

Циркулярное письмо Ф. Ф. Павленкова.

Петербург.
Сентября 1868 г.

Милостивый государь!

Вам, вероятно, известно, что на похоронах Писарева была выражена мысль о сборе пожертвований на памятник покойному и на учреждение стипендии его имени для одного студента [5]). Такая подписка может достигнуть успешных результатов лишь тогда, когда она, перейдя из столицы внутрь России, охватит собою все города, не только губернские, но и уездные. Но для удачного распространения ее нужно иметь исключительные средства, обладание которыми едва ли возможно для кого-нибудь из частных лиц. В самом деле, подписка в память Писарева есть дело, окрашенное в определенный цвет. Только люди известных убеждений могут вести ее энергично и успешно. Но где их разузнать? Кто мне скажет, например, что в каком-нибудь Сапожке есть такой-то Иванов, сторонник автора «Нерешенного вопроса», «Нового типа», «Нашей университетской науки», «Исторических идей Огюста Конта» и пр.? Этих честных, дорогих Ивановых узнать нет никакой возможности. С другой стороны, нельзя также навязываться с просьбами наобум к людям, неизвестным ни лично, ни по слухам. Таким образом остается одно: обращаться к лицам, об умственном и нравственном складе которых можно судить по родовым их признакам. Таковыми могут служить: возраст, образование и профессия. На этом я и остановился.

Д. И. Писарев составил себе известность на литературном поприще — он был, с одной стороны, критиком реальной школы, а с другой — блестящим адвокатом естествознания и образцовым популяризатором. Его восторженное слово глубоко западало в сознание развивающейся молодежи, и он мог положительно считаться ее выразителем. Вот почему я не могу при распространении писаревской подписки оставить в стороне гимназических преподавателей словесности, и при том наиболее молодых, к которым ближе лежит мое сердце. Я несколько времени колебался в выборе между словесниками и естественниками, но, признавши, что господствующий род деятельности покойного был литературно-исторический, невозможно не склониться на сторону первых.

Легко может статься, что в частных случаях я ошибусь, и что некоторые учителя словестности не захотят содействовать этой подписке; в таком случае я прошу их передать полученный бланк одному из преподавателей-естественников, сочувственно относящихся к литературной деятельности и пропаганде Д. И. Писарева, причем передающие, вероятно, будут так добры, что уведомят меня о фамилии того лица, которое примет на себя сбор. Я, впрочем, думаю, что таких передач будет очень немного, потому что за именем Д. И. Писарева стоит слишком почтенная деятельность. Это молодое дарование разбросало свои семена на таком обширном пространстве, которое мало кого не захватило из честно-мыслящих, свежих людей. Да, наконец, возможно ли не считать делом полезным упрочение памяти человека, вся жизнь которого была отдана на борьбу с окружающим злом, на защиту угнетаемого против угнетателей, на ниспровержение царства мрака, — одним словом, на служение обществу?

Позвольте же надеяться, что вы не откажетесь принять на себя сбор пожертвований по присланному вам бланку. Исполнением этой моей просьбы вы крайне обяжете всех почитателей и друзей покойного.

Если у вас, милостивый государь, есть в других городах такие знакомые, которые по своим убеждениям могли бы охотно содействовать распространению и успеху писаревской подписки, то не откажите сообщить их адресы, — я немедленно вышлю им печатные бланки.

Примите уверение в моем к вам почтении.

Ф. Павленков.

P. S. Я был бы вам крайне благодарен, если бы вы уведомили меня о получении моего настоящего письма. Мой адрес означен на бланке.

Речь Д. К. Гирса на могиле Д. И. Писарева.

Господа! Место это уже священно для нас. Тут рядом находятся могилы двух людей, имена которых привыкли произносить с уважением все, кому дороги интересы русской литературы, кто привык дорожить честным, свободным словом [6]). Их священному покровительству мы поручаем теперь прах еще одного дорогого нам человека и писателя — покойного Д. И. Писарева... Ни место, ни обстоятельства, ни — по всей вероятности — слабые мои силы не позволяют мне здесь сделать даже краткого очерка значения литературной деятельности покойного. Я этого намерения вовсе не имею. Да и зачем? Вам, господа, очень хорошо известно это значение; вам известно, что оно было, во всяком случае, очень значительно. Можно быть различных убеждений, различных взглядов на эту деятельность, можно указывать на увлеченье, на крайности в иных выводах покойного, но нельзя не признать их всегда строго честными и благотворными для общества. Да и к чему силиться доказывать значение этой деятельности, когда факты налицо? С той самой минуты, как печальная весть о смерти покойного подтвердилась и дошла до провинции, с самой этой минуты высказалась и важность утраты, понесенной литературою и обществом. Издатель сочинений покойного и редакции многих либеральных газет были решительно засыпаны письмами из провинции с вопросами и просьбами подтверждения печальных вестей, появившихся в газетах о смерти Писарева. Некоторые из этих писем отличались даже трогательною наивностью: писавшие не хотели допускать и мысли, чтобы известие о смерти Д. И. могло быть справедливым, — они упорно не хотели верить возможности, чтобы эта, столь дорогая для них, деятельность могла так случайно, так странно и так неожиданно прекратиться навсегда... Тем не менее это есть факт, и мы все должны ему покориться.

Принадлежа вместе с покойным к тому поколению, которое не может смотреть на смерть иначе, как на последний расчет с землею и не более, которое может смотреть далее только скептически, — мы не можем надеяться для дорогого нам покойного ни на что в будущем. Мы знаем, что тело, покончив с жизнью, становится только «наследием червей», прахом и не более. Но судьба замечательных общественных деятелей и умов тем именно и отличается от судьбы нашей, судьбы простых смертных, что идеи, одушевлявшие их при жизни, переживают их смерть. Думаю, что ничем нельзя было бы лучше почтить здесь память покойного, как выражением сочувствия к тем идеям, которые исповедывал, которые старался так горячо распространять, за которые так упорно он боролся. Вполне уверен, что угадаю мысль покойного, если скажу, что для него это было бы самою ценною наградой!

Итак, уходя отсюда, господа, дадим себе обещание твердо стоять, распространять и поддерживать его идеи, так как безусловно верно и сознательно признано, что только эти идеи могут быть истинно полезными как нашему, так и всякому другому обществу, только они могут помочь водвориться на земле царству божественной правды и побороть существующее зло.

Ничем более существенным не могу я почтить теперь его дорогую память и потому замолкаю *).

*) Надпись, сделанная Ф. Ф. Павленковым при допросе в следственной

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Писарев уезжал в Дуббельн, где он и погиб 4 июля 1868 г. во время купанья.

[2]) «Лопатинский период». В 1867 г. Писарев, сблизившись с известной писательницей М. А. Маркович (Марко-Вовчок), поселился вместе с нею в доме Лопатина на Невском проспекте. Сближение с Маркович привело к охлаждению между Писаревым и его сестрой Верой Ивановной и друзьями.

[3]) Городков—делопроизводитель следственной комиссии.

[4]) М. А. Маркович.

[5]) Мысль о сборе пожертвований была высказана самим Павленковым в речи, произнесенной при погребении Писарева.

[6]) Писарев был похоронен вблизи от могил Белинского и Добролюбова.

Новые материалы о Пушкине.

I.

Письмо А. С. Пушкина Дм. И. Языкову.

Вот все № [№], находящиеся еще у меня. Сердечно благодарю за доставления известий, хотя и нерадостных. Нет ли у вас «Лит[ературной] Газ[еты]? Здоровы ли вы и Авд[отья] Яковл[евна]?

До свидания.

А. П.

[1830 — 1831 гг.]

Адресат и дата в автографе не указаны. Автограф сохранился в коллекции автографов, собранных А. Г. Достоевской и поступивших в Центрархив в составе фонда Ф. М. Достоевского. В списке автографов, составленном ею, это письмо отнесено к Дмитрию Ивановичу Языкову (1773—1845 гг.). Языков был непременным секретарем Академии Наук (с 1835 г.), до этого директором деп. нар. просвещения (с 1825 г.) и ординарным академиком с 1841 г. Языков известен как переводчик. См. о нем воспоминания А. П. Милюкова («Исторический Вестник» 1884, т. XVI). Авдотья Яковлевна — надо думать, жена Языкова, но сведений об этом у нас нет. Можно думать, что А. Г. Достоевская была знакома с дочерьми Д. И. Языкова, жившими в Павловске, и от одной из них получила это письмо. Ввиду упоминания в письме «Литературной Газеты», издававшейся в течение 1830 г. и первой половины 1831 г., письмо возможно отнести к этому времени.

комиссии: «Речь эту, по моей просьбе, воспроизвел (написал) Д. К. Гирс, который говорил ее без приготовления, устно, а потому, быть может, здесь некоторые места не совершенно сходны с его словами. Несмотря на мягкость ее, очень может быть, что на могиле она вышла еще мягче. Считаю долгом это заявить по требованию комиссии. *Ф. Павленков.*

18 сентября 1868 г.

II.

Письмо А. С. Пушкина П. С. Санковскому[1]).

Павел Степанович Санковский — редактор «Тифлисских Ведомостей», выходивших с 1828 по 1832 г. Он обратился к Пушкину, рассчитывая на его симпатии журналу. Санковский мог надеяться на успех. Когда Пушкин был в Тифлисе (с 26 мая по 10 июня 1829 г.), Санковский поместил о нем в «Ведомостях» лестные заметки в №№ 29 и 32 за 1829 г. (см. текст их в изд. «Просвещение», т. VI, стр. 668) и устроил в честь Пушкина званый обед. «За обедом у издателя тифлисской газеты Санковского, когда разговор коснулся до оды [Пушкина] «Наполеон»,— я, — рассказывает К. И. Савостьянов, — по младости и живости моего характера, необдуманно позволил себе заметить А. С. Пушкину, что он весьма слабо изобразил великого

---

[1]) Подлинник-автограф сохранился в АОР (фонд № 1183, альбом I, л. 73), на 4 стр., печать красного сургуча — неполный оттиск с гербом; от времени отделилась левая нижняя часть оттиска.

полководца, назвавши его баловнем побед, тогда как Наполеон по своим гениальным воинским способностям побеждал не случайно, а по расчету. Пушкин, взглянувши на меня не совсем благосклонно, принял мою выходку строптиво: быстро перервал разговор и замолчал». (См. сообщение А. А. Достоевского: «Рассказ К. И. Савостьянова о встречах с Пушкиным в 1829 и 1833 гг.» в сб. «Пушкин и его современники», вып. XXXVII, Л. 1928, стр. 146.)

П. С. Санковский скончался 19 октября 1832 г., но Пушкин, видимо, этого не знал, и писал ему ответ:

J'ai tant de torts envers vous, j'ai l'air si ingrat, que je suis tout honteux de vous ecrire. Mr. Kazassi m'avait aporté une bien aimable lettre de votre part; vous m'y demandiez des vers pour un almanach que vous aviez l'intention de faire paraître pour cette annee-ci. J'ai tardé à vous repondre pour une bonne raison: je n'avais rien à vous envoyer et j'attendais toujours un moment d'inspiration comme on dit, c'est à dire un moment de griffomanie. Et bien, l'inspiration n'et pas venu, je n'ai pas écrit un vere depuis deux ans, — et voilà comment la bonne intention que j'avais de vous faire hommage de mes pauvres rimes est allée paver l'enfer.

Pour Dieu, ne m'en voulez pas, et plaigniez moi de ne jamais faire ce que j'aurais du ou voulu.

J'avais chargé Ширяев de vous faire parvenir tout ce que j'ai imprimé depuis que je suis de retour de Tiflis — j'ignore s'il s'en est acquité. Quant à moi j'ai bien des grâces à vous rendre pour l'envoi du Journal de Tiflis — le seul d'entre ceux de Russie, qui ait une valeur originale et où se rencontre des articles d'un intérêt véritable et Européen.

Si vous voyez quelquefois A. Бестужев faites lui bien mes amitiés. Nous nous sommes rencontré sur le Гут-Гора sans nous reconnaître et depuis je n'ai eu de ses nouvelles que par les journaux où il imprimait ses charmantes nouvelles. On avait repandu ici la nouvelle de sa mort, nous l'avons pleure bien sincerement, et nous sommes bien réjoui à sa resurrection в третий день по писанию.

Cette lettre vous sera remise par Mr. Rossetti, jeune homme plein de mérite et qui va quitter un monde brillant et une existance frivole et dissipée, pour le severe métier de soldat georgien. Nous vous le recommandons, et nous sommes persuadé que vous nous remercierez de cette connaissance.

Agreez, monsieur, l'assurance de ma haute consideration.

Alexandre Poucshkine [1]).

3 janvier 1833. St.-P.

Перевод.

Я так виноват перед вами и кажусь таким неблагодарным, что мне стыдно писать вам.

Г. Казасси [2]) принес мне ваше любезное письмо; вы просите у меня сти-

---

[1]) На 4-й стр. автографа адрес рукой А. С. Пушкина:

«Monsieur

Monsieur de Sankows [ki] à Tiflis».

[2]) Казасси, Иван Антонович, сын танцовщика, театрального контролера и бутафора Антона Ивановича Казасси (Antonio Casassi) (Казацци), умершего в глубокой старости в 1832 г., и жены его Марии Францевны, рожденной Эгер, надзирательницы Театрального училища, ум. в 1827 г. (см. о них, т.-е. родителях, «Архив Дирекции имп. театров», вып. I (1746—1801), отд. III, Спб. 1892, стр. 6—7 (№ 34) и стр. 146 (№ 18), и еще по указателю к вып. I, Спб. 1892, стр. 47—48; «Письма П. А. Катенина к А. М. Колосовой» 1822—1826, «Русская Старина», 1893, № 3, стр. 655; «Записки Ф. Ф. Вигеля», ч. II, М. 1892, стр. 50); в 1816 г. Иван Антонович из кавалерийского учебного эскадрона произведен в прапорщики в драгунский Нижегородский полк (см. «Историю 44 драг. Нижегор. насл. цесар. полка», сост. В. Потто, т. X, Спб. 1895, стр. 25, прилож.); в 1827 г. был капитаном этого полка; в 1829—1830 г. — майором в том же полку и командовал дивизионом (см. его рапорты ген. Н. Н. Раевскому, «Архив Раевских», т. II, стр. 54—56); в 1835 г. в чине подполковника корпуса жандармов является кавказским военным полицеймейстером, следит за ссыльными на Кавказе, в част-

хов для альманаха, который вы намерены издать на этот год.

Я медлил ответить вам по очень важной причине: у меня нечего было послать вам и я все время ждал момента вдохновения, как говорят, т.-е. момента мании бумагомарания (griffomanie). И вот вдохновение не пришло. В продолжение двух лет я не писал ни одного стиха [1]), и вот каким образом мое доброе намерение поднести вам мои бедные рифмы отправилось мостить ад.

Ради создателя, не сердитесь на меня, а пожалейте меня за то, что я никогда не могу сделать того, что должен был или хотел сделать.

Я поручил Ширяеву [2]) доставить вам все, что я напечатал по возвращении из Тифлиса, — не знаю, исполнил ли он это. Что касается меня, то я должен вас очень благодарить за присланную вами «Тифлисскую Газету», единственную между русскими газетами, как имеющую самостоятельную ценность и в которой встречаются статьи, представляющие действительно европейский интерес.

Если вы иногда видите А. Бестужева, передайте ему мой дружеский привет. Мы встретились с ним [1]) на Гут-Горе, не узнавши друг друга, и с тех пор я имею о нем сведения только из газет. где он печатает свои очаровательные рассказы. Здѣсь распространился слух об его смерти, мы его искренно оплакивали и очень обрадовались его воскресению в третий день по писанию.

Это письмо будет передано вам г. Россетти, вполне достойным молодым человеком, который только что покинул блестящий свет и суетный и рассеянный образ жизни для суровой жизни грузинского солдата. Мы его вам рекомендуем и уверены, что вы поблагодарите нас за это знакомство.

Примите, милостивый государь, уверение в моем голубоком к вам почтении.

Александр Пушкин.

3 января 1833 г.
СПБ.

ности за А. А. Бестужевым (см. «Русская Старина», 1880, № 10, стр. 418—420); умер в 1837 г. в чине подполковника корпуса жандармов в Тифлисе (см. известие о смерти и вызов наследников в «Спб. Ведом.» 6 января 1838 г. прибавл. к № 4, стр. 31). Так как Нижегородский полк стоял на Кавказе, то, естественно, Казасси мог быть знаком с Санковским.

[1]) Пушкин, действительно, в эти годы (1831—1832), в сравнении с другими годами, мало написал стихотворений. За 1831 г. всего 263 стиха, именно, стихотворения: «Красавице», «Клеветникам», «Эхо», «Сказка о царе Салтане», «Бородинская годовщина», «Сказка о попе», «Письмо Онегина к Татьяне», «Лицейская годовщина», «Когда в объятия мои», несколько черновиков небольших; за 1832 г. — 159 стихов, именно — стихотворения: «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем», «В тревоге пестрой и бесплодной» (в альбом А. О. Россети), 1-я сцена «Русалки», начаты «Песни западных славян»; начало поэмы «Альфонс», «И дале мы пошли».

[2]) Ширяев, Александр Сергеевич (ум. в 1841 г.), известный в те годы московский книготорговец.

III.

Письмо П. В. Нащокина к С. А. Соболевскому по поводу смерти Пушкина.

Павел Воинович Нащокин [2]) — друг Пушкина и приятель Гоголя, своеоб-

[1]) Встреча Пушкина с Бестужевым не состоялась. Об этом же вспоминает и сам А. Бестужев в письме к К. А. Полевому 9 марта 1833 г. «Давно ли, часто ли вы с Пушкиным? Мне он очень любопытен: я не сержусь на него, именно потому, что его люблю. Скажите, что нет судьбы! Я сломя голову скакал по утесам Кавказа, встретя его повозку: мне сказали, что он у Бориса Чиляева, моего старого однокашника; спешу, приезжаю— где он?.. Сейчас лишь уехал и, как нарочно, ему дали провожатого по новой окольной дороге, так что он со мной и не встретился!.. Я рвал на себе волосы с досады, — сколько вещей я бы ему высказал, сколько узнал бы от него, и случай развел нас на долгие, может быть, на бесконечные годы» (цит. по книге Л. Н. Майкова «Пушкин», стр. 384. СПБ. 1899 г.).

[2]) О Нащокине см. статью М. О. Гершензона в V томе собр. соч. Пушкина,

разная натура, послужившая не раз прототипом для поэтических созданий своих друзей — писателей. Нащокин обладал незаурядным художественным чувством, но был безалаберен и плохо грамотен. Первоначально богатый наследник, он промотал несколько состояний. Нащокин был близок с Пушкиным в последние годы жизни поэта.

Подлинник письма хранится в Архиве Нар. Хоз., Культ. и Быта (архив С. А. Соболевского, т. VII, л. 135-а).

Писал я к тебе в Цюрих, но, вероятно, я опоздал, ибо вскоре после получил я письмо твое из Петерб[урга], в которо[м] ты мне пеняешь, что я не уведомил тебя о смерти Пушкина, — я не мог писать и не к кому мне было писать. — Смерть... Пушкина — для меня уморила всех — я всех забыл: и тебя, и мои дела, и все. Я должен был опомниться — имея жену и детей, без них — я бы вполне предался с наслаждением печали — к моему плохому здоровью, — вероятно, отправлюсь туда же, куда и всем путь неприменный, — ты не знаешь, что я потерял с его смертью. И судить не можешь о моей потере. — По смерти его я сам растерялся — упал духом — расслаб телом; я все время болен — пускал кровь — и ношу фонтенель [1]) — вся левая сторона у меня слабеет — постепенно, — боюсь, чтобы не отнялась, — перемогаю себя, как могу, — и кроме меня вряд ли кто знает, что я болен — радикально лечиться я не могу, время нет, денег нет — и душевного покою нет.

Я тебя извиняю, любезный друг, — требованию 25 т. у меня, хотя это большой проступок, — где мне было их взять, — тебе известны были мои дела — за известные векселя — при тебе еще мне не давали и 35 т., которые мне нужны были — тоже тебе известно — для уплаты около 20 т. долгов необходимо, — одним словом, у меня такой суммы не было, не могло быть и нет вообще. Я удивляюсь твоим письмам — или ты ослеплен своим щастьем [1]) до такой степени, что предполагаешь то же щастие и у своих приятелей, за что спасибо — это доказывает, что ты им, в том числе и мне желал бы той же удачи или того щастия. — В них, т.-е. в письмах твоих, уверительной и решительной тон делового человека, а смысл — совсем противный,— я обязан тебе это доказать.— Ты знаешь Федора Даниловича [2]): человек — весь на выгодах, не уронит копейку, из немцев немец, а ты предлагаешь, чтобы он отдал капитал за вычетом каких-то 5 или 6 т. р. процентов. Он, который известен на своих оборотах — 40 т. р.— Есть у него деньги, нет ли их у него, я не знаю. Но если и в срок — понуждения не так сильны будут, то и тогда не так он глуп, чтоб их сейчас заплатить. — Если он их заплатит, то это будет великое доказательство его сострадания к моему положению. Он и ты, любезный друг, вы оба люди ращетливые, но ты еще более из чеславия, а он — на самом деле. Сделал ли ты себе сам этот вопрос — который ты предлагал Ф. Дан., — сделай, попробуй, но смотри, как ты будешь смеяться. Ты же не шутя предлагал — что ты мне предлогал по 6 [3]) на деньги, которых у меня не было и нет, — это я понимаю, ты знаешь, что я не способен ни к каким оборотам и рассчетам — в случае. Если б были эти деньги, хотя б и можно бы было, при... [4]) более чем ты предлагал, но в надежде на будущие выгоды я бы должен предпочесть твоих 6 пр[оцентов] на друг[ие] 10 и т. д. Это ясно, и, зная тебя и дружеские наши отношения, все заставило бы меня,

---

изд. Брокгауза и Эфрона, а также в его книге «Мудрость Пушкина»; в комментариях к «Дневнику» Пушкина — московском (стр. 460—462) и ленинградском (199—201). Письмо Нащокина печатается здесь с соблюдением некоторых особенностей его орфографии.

[1]) Фонтенель — лечебное домашнее средство.

[1]) В это время С. А. Соболевский увлекался, живя в Мадриде, матерью будущей жены Людовика-Наполеона, Евгенией Монтихо-Тэба.

[2]) Федор Данилович нам неизвестен.

[3]) Стоит значок очень неясный, надо думать, — знак %.

[4]) Не разобрано.

если б была возможность, исполнить твои предписания. Но и тут было бы вопреки твоих торговых правил и собственных твоих слов, — ты говорил мне, что в пай меня не иначе возьмешь, что прежде необходимо надо будет заключить законное условие. Оно не было заключено, и не могло быть, это так, но теперь как ты возвратил, приобщил к делу — ты все знаешь — отчего бы мне не отписать, во первых хочешь ли ты, чтобы я был в деле, может ли это быть, на каком положении, на каких условиях. Вот, Сергей Алекс.: если сколько-нибудь тебя это затрудняет, должен тебе сказать, что других денег нет, кроме бум. Фед. Дан. без церемоний откажет, признаюсь, я даже рад буду. Объясню после, почему, а теперь и без того много тебе читать. Скажи мне, что Кобылинский, я же скажу тебе, что Фед. Дан. никакого другого векселя не писал и не отсылал в Манцовскую контору. Итак, мой друг, если б что с тобою случилось или случится, эти денешки пропали бы, а для меня 2 т. все равно, что для тебя 60 т. Еще узнай, сделай одолжение, значатся ли где-нибудь деньги, забранные Пушкиным у меня, от 3 т. до 4 т. рублей. Если где-нибудь есть, то получу ли я их или нет [1]).

Прощай, любезный друг, будь здоров и щастлив. Желаю тебе успеха — пожелай мне чего-нибудь. Я был очень нещастлив в этот год. Потерял я много в смерти Пушкина и Статковского [2]). Может, искренное твое желание мне добра принесет и мне немного щастья.

Весь твой
П. Нащокин.

№. Послал я бюст Пушкина князю Вяземскому: Если он тебе понравится, отпиши. Я тебе его пришлю. Цена с пересылкою 35 р. асс.

[1]) Из недавно опубликованных писем к Нащокину Н. Н. Пушкиной от 18 марта 1838 г. и 28 июня 1838 г. видно, что эти три тысячи рублей возвращены были ему в июне 1838 г. (см. «Искусство», т. I, журн. ГАХН, 327—328).

[2]) Статковский нам неизвестен.

По старой привычке не могу утерпеть, чтобы не писать пустяков. Знаю, что ты не получил, но, если и получишь от Кобылинского [1]) деньги, о которых ты, вероятно, забыл, пришли мне. — Мне очень нужны деньги, так что если у тебя есть 5 т. лишних, дай мне их на год. Крайне меня обяжешь — и присылай скорее, не гневайся на просьбу, — я предупреждаю, что это все пустяки.

Письмо Нащокина следует датировать концом 1837 г. или началом 1838 г. Судя по тому, что Н. Н. Пушкина в письме от 18 марта 1838 г. пишет Нащокину об этом долге (3 000 р.) своего мужа, о чем ей напомнил Лев Сергеевич, надо думать, что последнему сообщил об этих 3 000 р. С. А. Соболевский, получив публикуемое нами письмо Нащокина.

IV.

Воспоминания Вас. Дм. Олсуфьева о Пушкине.

1818. Мая 14.
Вторник.

Был у Сипягина... ходил с Пушкиным, молодым стихотворцем, в Летнем саду. Обедал с Кавериным и Чаадаевым у Фельета, откуда проехали в театр. Возвратясь пили чай у Чаадаева.

1819. Март 28.
Пятница.

Обедал у Чаадаева, где был Пушкин, много говорили; он нам читал свои сочинения. Потом я с Чаадаевым пошел пешком, заходили в английской магазейн. — Вечер просидел дома и читал.

Олсуфьев, Василий Дмитриевич, род. в Москве 21 июня 1736 г., ум. в Риме 11 февраля 1858 г. Он был другом

[1]) Кобылинских известно двое, оба — москвичи: 1) Александр Павлович — казначей в экспедиции о воспитанниках Воспитательного дома и 2) Василий Павлович — чиновник особых поручений при гражданском губернаторе (подр. см. «Остафьевский архив», т. III, стр. 739, примечание).

многих русских писателей. На страницах своего дневника за 1817—1821 г.г. (это толстый том в кожаном переплете, в 366 л. л. in folio, бум. знак—человеческая фигура в короне со скипетром и дракон с занесенным мечом, внизу буквы: JN—Z. На другой половине листа: «JNONIS-zoonen», между словами два перекрещивающихся рожка) он занес краткие упоминания еще о Карамзине, Батюшкове, Вяземском, Грибоедове, Пушкине В. Л., Тургеневе, Чаадаеве, Жуковском и др. С Жуковским у них была большая дружба (см. «Старина и Новизна», СПБ 1900 г., кн. III стр. 16). Приведенные выдержки о Пушкине находятся на 146, 2 и 196,1 стр. дневника.

Сообщил *Н. Бельчиков*.

Ответственная редакция: В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский. В. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Автографы Н. Г. Чернышевского.	
Ставка и министерство иностранных дел. *(Продолжение.)*	3 — 54
Крым в 1918 — 1919 гг. *(Окончание.)*	55 — 85
Временное Правительство Автономной Сибири. С предисловием *В. В. Максакова*	86 — 138
Неизданные записки Л. Тихомирова	139 — 174
Н. Г. Чернышевский и III отделение. С предисловием *Б. П. Козьмина*	175 — 190
Юлиан Мархлевский	191 — 205

Из записной книжки архивиста.

Французская военная миссия и казачьи отряды особого назначения.	206 — 209
К характеристике Якова Стефановича. Сообщил *Р. М. Кантор*	209 — 210
К биографии Д. И. Писарева. Сообщил *Б. П. Козьмин*	210 — 218
Новые материалы о Пушкине. Сообщил *Н. Ф. Бельчиков*	218 — 223